

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА:

социально-гуманитарные исследования институтов

Сборник материалов
Второй выездной научной конференции студентов ИСПН
19–20 апреля 2014 г.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА:
социально-гуманитарные исследования институтов

Сборник материалов
Второй выездной научной конференции студентов ИСПН
19–20 апреля 2014 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2014

УДК 316.43
ББК С523я43
М735

Под редакцией
А. В. Логинова, канд. филос. наук, доцента (отв. за выпуск);
А. С. Кляшторнова, аспиранта;
Е. А. Ивановой, младшего научного сотрудника
Института философии и права УрО РАН

М735 **Многомерность** общества : социально-гуманитарные исследования институтов : сб. материалов Второй выезд. науч. конф. студентов ИСПН, 19–20 апреля 2014 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 176 с.

ISBN 978-5-7996-1305-1

В сборник включены материалы Второй выездной научной конференции студентов ИСПН.

Сборник адресован студентам и аспирантам, интересующимся предметным полем современного социально-гуманитарного знания.

УДК 316.43
ББК С523я43

ISBN 978-5-7996-1305-1

© Уральский федеральный университет, 2014
© Институт социальных и политических наук, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

19–20 апреля 2014 г. дирекцией ИСПН при поддержке Программы развития УрФУ на 2010–2020 годы (мероприятие 2.1.3.1) была организована и проведена вторая выездная молодежная научная конференция «Многомерность общества: социально-гуманитарные исследования институтов», в которой приняли участие студенты всех департаментов ИСПН: философского, политологии и социологии, психологии и международных отношений, а также кафедры лингвистики. Участники получили возможность общения как между собой, так и с ведущими учеными Уральского федерального университета. Главная задача конференций подобного рода, в моем понимании, остается прежней: формирование общей научной идентичности студентов ИСПН, а на этой основе – «запуск» реального студенческого научного сообщества в рамках института.

О необходимости общеинститутских мероприятий сказано достаточно; о целесообразности студенческих научных мероприятий, преодолевающих границы департаментов, я также заявлял отдельно в предисловии к первому сборнику 2013 г. Поэтому представлю формат конференции этого года и структуру сборника, который вы держите в руках.

Конференция длилась два дня. В ходе первого дня ее работы ведущими специалистами ИСПН были прочитаны обзорные лекции и проведены мастер-классы. На пленарном заседании озвучены следующие доклады: «Мировой порядок на рубеже столетий» – директора департамента международных отношений профессора В. И. Михайленко; «Институт войны у племен великих равнин: параллели в большой и малой политике» – доцента кафедры ТИМО Д. И. Победаша; «Институт материнства: политизируя частное» – доцента кафедры философской антропологии Н. А. Черняевой; «Пуб-

личная сфера современного общества в институциональном аспекте» – доцента кафедры философской антропологии А. С. Меньшикова. Кроме того, были проведены мастер-классы и тренинги: «Культура интеллектуального досуга» – мастер-класс заведующего кафедрой онтологии и теории познания А. Г. Кислова, тренинг коммуникативных навыков провел директор департамента философии профессор А. В. Перцев.

В рамках второго дня конференции студенты и магистранты представили результаты своих исследований, проводимых в рамках НИР, курсовых, выпускных бакалаврских и магистерских работ, а также заделов для аспирантских диссертаций. Были организованы и проведены три секции: «Социальные институты и самореализация личности» (модераторы: доценты Р. Р. Муслумов, Е. С. Пургина, ассистент В. В. Савельев), «Государственные и международные институты перед лицом глобальных вызовов XXI в.» (модераторы: доценты А. С. Бурнасов, Р. С. Мухаметов, ассистент О. С. Мантуров), «Институционализация культурных феноменов и императивы современности» (модераторы: доценты А. С. Меньшиков, В. В. Полякова, А. Н. Новгородцева).

От каждой секции были отобраны по два лучших студенческих доклада: один доклад – по мнению модераторов, второй – по итогам голосования среди студентов. Победители (М. А. Герман, О. С. Присяжнюк, Н. И. Бакушкина, Д. И. Ширяев, Д. К. Сатыбалдина, А.С. Кляшторный) награждены дипломами совета молодых ученых УРФУ и памятными сувенирами; студентам также было предложено «развернуть» тезисы докладов до уровня статей. Именно эти публикации в авторском видении жанра «научная статья» и редакции открывают наш сборник. Для публикации всех тезисов в принципе мы сочли необходимым соблюдение студентом двух условий: очное участие автора в работе конференции, а также соответствие текста правилам оформления научных работ.

Отмечу, что в этом году мы отслеживали обратную связь, рассматривали студенческие предложения по формату, продолжительности, стилю будущих конференций. Подробнее фотоотчет, статистику и частичный анализ обратной связи вы можете посмот-

реть на сайте ИСПН в разделе «Новости»: http://ispn.urfu.ru/main/novosti/novost/article/mnogomernost-obshchestva-socialno-gumanitarnye-issle-4/. Очевидно, что студенты могут и должны быть соавторами мероприятий такого рода.

От лица оргкомитета я бы хотел поблагодарить преподавателей и сотрудников ИСПН, принявших участие в работе конференции, студентов, внесших большой вклад в ее организацию и «насыщение», а также выразить надежду, что в следующем году мы совместными усилиями сможем организовать не менее интересное мероприятие.

А. В. Логинов
заместитель директора ИСПН
по научной и инновационной работе

ЛУЧШИЕ ДОКЛАДЫ

Н. И. Бакушкина
департамент психологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРИПАРНЫХ СОЧЕТАНИЙ ХАРАКТЕРИСТИК ПАРТНЕРОВ ПРИ ПОСТРОЕНИИ ДОБРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Семья как социальный институт в последние годы претерпела сильные изменения. На сегодняшний день молодежь во многом свободна при выборе партнера и формировании любовных отношений. Как следствие этого, можно наблюдать явление широкого распространения института добрачных отношений.

Добрачные отношения – важный феномен, которым интересуются специалисты различных областей науки. Интересен он тем, что именно в данный период закладываются основы будущих взаимоотношений партнеров, будущих брачно-семейных отношений.

На этапе добрачных отношений происходит взаимооценка личностных качеств, психофизиологических, культурно-образовательных характеристик, ценностей и убеждений партнеров.

В идеале должно произойти соотнесение, сравнение установленных качеств с точки зрения их взаимодополняемости и совместимости. Важность добрачного периода трудно переоценить, так как именно в этот период закладываются основы всех потенциальных конфликтов и противоречий.

Построение любовных отношений – сложный и многогранный процесс, протекание которого зависит от многих внешних факторов, а также от различных характеристик самих партнеров.

Нашей целью был анализ согласованности некоторых психологических и социодемографических характеристик участников любовных отношений и оценка того, как эта согласованность трансформируется в зависимости от этапа отношений, на котором находится пара. Согласованность в паре – необходимая составляющая гармоничных отношений, а также один из факторов благополучия и удовлетворенности отношениями.

В частности, в нашей работе рассмотрены аспекты согласованности таких характеристик, как темперамент, стили любовных отношений, полоролевые и различные социодемографические характеристики.

В исследовании были использованы следующие методики: опросник Айзенка на определение темперамента, полоролевой «Тест стилей любви» и «Анкета качества межличностных отношений».

Исследование проводилось в 2013 г. Выборка составила 56 гетеросексуальных пар (112 человек) в возрасте от 18 до 26 лет, устойчиво от 1 года до 7 лет поддерживающих близкие отношения.

На рис. 1 представлена возрастная структура выборки.

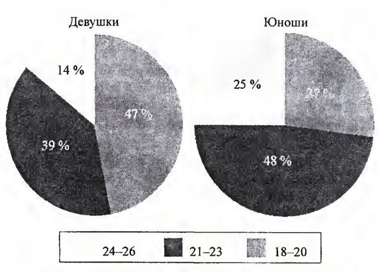

Рис. 1. Возрастная структура выборочной совокупности

В данном исследовании для определения добрачных отношений мы выделили следующие критерии:

1) наличие стабильных отношений, в которых оба партнера предпочитают друг друга всем остальным;

2) партнеры не регистрируют свои отношения, но при этом и не отказываются от возможной будущей регистрации;

3) не ведут общего хозяйства, при этом поддерживают близкие интимные отношения;

4) не имеют общих детей.

В начале обработки результатов исследования вся выборка была разделена на три группы по продолжительности отношений. Таким образом, мы получили следующие группы:

1) от 1 года до 1,5 лет (20 пар) – этап формирования пары, этап «эйфории»;

2) от 1,5 лет до 4 лет (18 пар) – этап, который можно условно можно назвать кризисным;

3) от 4 лет и более (18 пар) – период устойчивого формирования пары.

В основе данного разделения лежит модель М. А. Абалакиной, касающаяся соотношения процессов межличностного восприятия и динамики добрачных отношений. В данной модели представлены три стадии позитивного развития добрачных отношений. Стоит отметить, что для каждой конкретной пары характерна своя динамика отношений, поэтому границы достаточно условны. Нельзя определить наверняка точный момент, когда пара переходит от одной стадии развития отношений к другой [см.: 1].

Итак, первая стадия – это стадия знакомства и формирования первичной структуры пары, стадия «эйфории». На данном этапе происходит более близкое знакомство партнеров, накопление разнообразных совместных переживаний и впечатлений. Партнеры эмоционально увлечены друг другом, испытывают влюбленность.

Следующая стадия – формирование устойчивых отношений. Для данной стадии характерно выраженное чувство любви, сильная эмоциональная привязанность. Происходит проверка функционально-ролевых ожиданий, т. е. анализ соответствия представлений о будущей семье [см.: 2].

Третья стадия – принятие решения о дальнейшей трансформации отношений. На данном этапе для пары характерны стабильные отношения. Постепенно снижается степень идеализации партнера (восприятие друг друга адекватно реальности), и это не сказывается на удовлетворенности отношениями в паре.

Нами были получены следующие результаты.

1. У пар из первой группы, которые находятся на стадии становления отношений, высоко согласованы такие социодемографические характеристики, как образование ($\tau = 0{,}658$)[1], хобби ($\tau = 0{,}703$) и опыт длительных любовных отношений ($\tau = 0{,}560$); психологические: переживание чувства любви в повседневной жизни ($\tau = 0{,}567$), чувства счастья ($\tau = 0{,}577$) и любви ($\tau = 0{,}467$) по отношению к партнеру.

2. Во второй группе высокие показатели имеет внутрипарная согласованность следующих социодемографических характеристик: характер доминирования в родительской паре ($\tau = 0{,}690$), характер взаимоотношений в паре ($\tau = 0{,}631$), образование ($\tau = 0{,}585$), возраст ($\tau = 0{,}388$), хобби ($\tau = 0{,}509$), социальный статус ($\tau = 0{,}475$), опыт длительных отношений ($\tau = 0{,}478$), характер доминирования в паре ($\tau = 0{,}364$); психологических – нейротизм ($\tau = 0{,}448$), переживание чувства любви ($\tau = 0{,}444$) и безразличия ($\tau = 0{,}487$) в повседневной жизни, переживание чувства любви ($\tau = 0{,}465$) по отношению к партнеру.

3. Для пар из третьей группы характерна высокая согласованность социодемографических характеристик: возраст ($\tau = 0{,}567$) и опыт длительных отношений ($\tau = 0{,}686$); психологических: переживание чувства интереса ($\tau = 0{,}682$) по отношению к партнеру.

Из полученных результатов видно, что на начальном этапе отношений важно сходство интересов, образования, структура времяпрепровождения (в том числе и совместного). На стадии «эйфории» также высоко согласованы переживания позитивных чувств (любви и счастья). На данном этапе отношений сильно выражено чувство влюбленности, партнеры идеализируют друг друга, а так-

[1] Здесь и далее в скобках указаны значения коэффициента ранговой корреляции Кендалла (тау Кендалла, τ).

же и мир вокруг себя. Они много времени проводят друг с другом, выдвигая на первый план свои развивающиеся отношения.

На втором этапе отношений добавляется согласованность характеристик, которые непосредственно связаны с моделями построения отношений в паре. При этом важна согласованность и таких показателей, которые характеризуют взаимоотношения в родительской семье.

Здесь также согласованы эмоциональные переживания и такая характеристика, как нейротизм. Это говорит о том, что для партнеров важно находиться в одном эмоциональном поле и поддерживать эмоциональный резонанс по отношению друг к другу. Особенно это касается чувства любви, так как оно является основным для построения отношений в паре.

Интересные данные получены в группе, в которую вошли пары с продолжительностью отношений более 4 лет. В данной группе показательно меньше характеристик, которые согласованы между собой. Таким образом, получается, что, вероятно, те пары, которые длительное время находятся в близких интимно-личностных отношениях, но не переходят на их новый уровень, не создают семью (которая предполагает совместное проживание, ведение общего хозяйства и т. д.), хотят получать от данных отношений лишь постоянное чувство нахождения рядом значимого другого. Именно поэтому у них высоко согласовано переживание чувства интереса по отношению друг к другу. Вероятно, для них важна согласованность каких-то совершенно иных характеристик, которые не анализировались в рамках данного исследования.

Итак, исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в зависимости от продолжительности существования пары на первый план выходит согласованность различных характеристик. При этом следует отметить, что на каждом из этапов высоко согласованы те характеристики, которые соответствуют тому, что важно для партнеров именно на данной стадии отношений.

Библиографические ссылки

1. *Абалакина М. А.* Анатомия взаимопонимания. М., 1990.
2. *Андреева Т. В.* Семейная психология : учеб. пособие. СПб., 2004.

М. А. Герман
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
2-й курс

СПЕЦИФИКА ПОДХОДОВ ВОСТОКА И ЗАПАДА К ПРОБЛЕМАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Прокатившаяся в 2010–2012 гг. волна массовых протестов и восстаний на Ближнем Востоке актуализировала проблему политической модернизации восточных обществ и пределов его демократизации. С самого начала «арабская весна» выглядела как демократический порыв арабского мира, как вызов несменяемым президентам, премьер-министрам, семействам и кланам, монополизировавшим политическую власть. Однако обозначившиеся трудности переходного периода в этих странах, активизация исламистов и армии как наиболее организованной политической силы, возникновение гражданских войн при активном вмешательстве внешних факторов привели к кардинальной трансформации политического ландшафта Ближнего Востока. На повестку дня встал вопрос о специфике обеспечения стабильности государства в обществах восточного типа в условиях комплексной модернизации, пределах совместимости глубоко укоренившихся на Востоке политических традиций с либеральными ценностями Запада.

Под понятием «стабильность государства» страны Запада, как правило, подразумевают устойчивость его развития, упорядоченность ветвей власти и прагматичность реформаторского курса. Осознавая тот факт, что не существует абсолютной стабильности государства, иначе это означало бы отсутствие развития и движения, западный менталитет принимает демократические традиции как неотъемлемую часть развития государства. Более того, прислушиваясь к мнению народа, его пожеланиям, а иногда и требованиям, западные страны полагают, что они выбирают путь государственной стабильности, при которой граждане будут довольны, а государство сохранит легитимность власти.

Для восточных стран более характерна «консервативная стабильность». Под этим понятием подразумевается незыблемость государственного строя, устоявшихся норм, что является неотъемлемой гарантией существования восточных традиционных структур. Для восточных государств, опирающихся испокон веков на крепкие моральные запреты и религиозные системы, свойственно функционировать без изменений системы управления, осуществлять постепенное развитие и преемственность власти [см.: 2]. В Китае стабильность государства была высшим благом для народа, и высказывание Конфуция это подтверждает: «Не дай Вам бог жить в эпоху перемен», – одно из наилучших пожеланий удачи в жизни. Для восточных государств для поддержания стабильности необходим авторитет власти, и если такой авторитет нарушен, то это явный шаг к дестабилизации внутриполитической обстановки.

Долгое время на Востоке вся политическая власть была сосредоточена в руках верховного правителя. В этом видно разительное несовпадение базовых основ государственности и политической культуры на Востоке и Западе. Делом правителя в восточном обществе считалось выполнение своего долга по защите интересов людей – своих подданных. Верховный правитель считался также выразителем и блюстителем божественных установлений. В его руках был контроль над государственной и общественной собственностью. Не имелось норм права, которые защищали бы частнособственнические отношения, более того, закон в его нормативном значении имел подчиненное значение в сравнении с обычаями и религиозными канонами. И точно так же, как теоцентрический подход определял сознание людей, теологический подход определял их политическую жизнь, что свидетельствует о патриархально-патерналистском устройстве государств Востока [см.: 7, с. 116].

На Западе, напротив, в эпоху Возрождения, в начале XVI в. Никколо Макиавелли (1469–1527) отверг теологический подход к государству. Уже тогда итальянский философ рассматривал политическую борьбу в качестве важнейшей движущей силы развития государства. Он отверг античный подход к политике с позиции морали; в борьбе за власть ставка делается на силу, полагал он,

утверждая, что государство есть суверенная организация власти, овладение которой – главная цель всей политики [см.: 7, с. 117–118]. Н. Макиавелли полагал, что гарантия жизнеспособности и стабильности государства состоит в том, что народ активно и конструктивно участвует в жизни государства, а государство, в свою очередь, прислушивается к мнению народа и принимает решения на основе консенсуса.

Так, Запад допускает в государстве политическое противоборство, при котором сохраняются нормы морали и этики, а также активное участие населения, полагая, что это одно из важных составляющих развития государственности. Мыслители Востока выступают против наличия в обществе оппозиции, инакомыслия, плюрализма и выражения мнения народа, которые, с их точки зрения, дестабилизируют государство, нарушают традиционные моральные законы восточного общества.

Так или иначе, любым формам политического устройства – демократии, авторитаризму – противостоят анархия, хаос, открывающие дорогу насилию, использованию стихийной грубой силы, агрессивности человека. Основная функция любой власти – ограничение, недопущение этого, и человек зачастую готов мириться с формами власти, далекими от идеала, ради спасения от угрозы, социального распада. В большинстве азиатских культур анархия и хаос рассматривались не как давнее прошлое, а как реальная угроза в будущем, в то время как прошлое, напротив, ассоциировалось с идеальными формами правления [см.: 1, с. 250–251]. Исходя из такого подхода к пониманию основной функции власти, становится очевидно, что в традиционной политической культуре Востока испокон веков в лице правителя народ видел покровителя, который не командует, а принимает мудрые решения по поддержанию правопорядка в государстве.

В условиях угрозы дестабилизации во многих странах Востока в политические дела активно вмешивалась армия, которая и сегодня остается неотъемлемой частью государства и его политической системы, эффективным орудием, способным добиваться поставленных целей. Армия обеспечивала не только сохранение

целостности государства, его суверенитета от внешних угроз, но и являлась гарантом стабильности режима и его охраны от внутренних врагов и оппозиции.

В последней трети XX в. по миру прошла третья волна демократизации под названием «глобальная демократическая революция», которая затронула и страны Восточной Азии: Южную Корею, Тайвань. Частично она коснулась и Китая – государства с авторитарным режимом правления и жестко централизованной системой принятия решений. Преимущественно влияние демократических традиций проявилось в экономической сфере. Важным следствием экономической модернизации стала политическая нестабильность. Очевидно, что либерализация экономики повлекла за собой стремление к реформам в политической сфере, но благодаря сохранению китайскими реформаторами приверженности традициям цивилизационного развития Китая, стабильность государственного устройства страны была сохранена.

И здесь проявляются кардинальные различия в понятии «реформатор» на Востоке и Западе. Если на Западе реформатор, который позиционирует себя наравне с народом, зачастую выполняет волю общества, ведет страну к главной цели – реализации справедливости, внедряя новшества, то в восточных государствах доминирует харизматический тип лидерства: реформатор – это лидер, который с учетом цивилизационного фактора самостоятельно, без учета мнения народа, соединяет традиционные и современные начала и ведет страну по пути прогресса, при этом сохраняя незыблемость государственного строя, верность традициям [см.: 6, с. 133].

Стоит особо отметить то обстоятельство, что в ходе модернизации восточные общества использовали уже результаты длительного и сложного исторического развития Запада [см.: 7, с. 6].

Специфику восточного и западного подходов к понятию стабильности можно проследить на примере событий в Китае на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Начиная с 1978 г. КНР взяла курс на модернизацию и либерализацию экономики, постепенно внедряя рыночные механизмы. Однако экономическая обстановка того времени показала, что страна развивается неравномерно, интенсивно разви-

ваются лишь прибрежные районы, где создаются свободные экономические зоны, а периферия остается отсталой и бедной, что порождало проблемы регионализации и социальную напряженность. Методы «шоковой терапии», избранные китайским руководством для реализации задач ускоренной модернизации страны, крайне негативно сказались в первую очередь на социально незащищенных слоях населения. Резкое снижение жизненного уровня населения Китая усугублялось демографической проблемой.

В мае 1989 г. студенты в Пекине, а затем в ряде других городов выступили с протестом против инфляции, коррупции и отсутствия социальных гарантий, а со временем поставили под вопрос легитимность монополии КПК на власть. Дэн Сяопин расценил переход протестующих от чисто экономических требований к политическим как прямую угрозу режиму и распорядился подавить протестное движение силами правительственной армии. Как уже было отмечено выше, Восток всегда учитывает опыт Запада. Анализируя события на мировой арене на рубеже 1980–1990-х гг. XX в. (радикальные изменения во внутренней и внешней политике СССР, падение коммунистических режимов в странах Восточной Европы, коллапс Советского Союза и «социалистического лагеря», окончание «холодной войны» и распад биполярной системы), Дэн Сяопин понимал, что если идти курсом СССР, осуществить нечто подобное перестройке, потакать требованиям народа и дать согласие на радикальные политические реформы, то это приведет к краху и непредсказуемым последствиям для страны. Поэтому самым разумным решением было жесткое пресечение надвигавшегося политического хаоса и сохранение стабильности государства.

Реакция стран Запада на жесткое подавление народных выступлений в Пекине 3–4 июня 1989 г. оказалась достаточно резкой. В европейских и американских СМИ КНР предстала авторитарным государством, где ущемляются права человека, а Дэн Сяопин подвергся критике за тиранию и нежелание следовать демократическим (по сути западным) политико-правовым образцам. В США действия китайских властей расценивались как крупный политический промах Дэн Сяопина. Вашингтон посчитал, что ему предста-

вился исторический шанс изолировать Китай на международной арене, введя штрафные санкции, и тем самым вынудить его следовать в русле американской внешней политики, используя в качестве рычага давления на Пекин лозунг защиты прав человека. Призывая защитить китайский народ от тирании КПК, США убедили Европу присоединиться к штрафным санкциям против КНР. «Американские санкции скоординировались с Европейским сообществом, Японией, Австралией и Новой Зеландией вместе с выражениями сожаления и осуждения со стороны правительств по всему миру», – отмечает Г. Киссинджер [3, с. 445]. В рамках американской политики предпочла также действовать Япония, которая осудила действия китайских властей и даже предоставила убежище и статус беженцев некоторым китайским активистам [см.: 8].

Китай расценил реакцию США как вмешательство во внутренние дела государства. Санкции, наложенные на Китай, ухудшили его международное положение, осложнив тем самым выполнение текущих задач экономической модернизации. «Главный "политический камень" Европа бросила в Пекин после трагических событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь, введя запрет на свой военно-технический экспорт в КНР и ряд других ограничений», – отмечает российский эксперт С. Г. Лузянин [5]. Однако других рычагов давления на Китай Запад, по сути, не нашел. Китай, в свою очередь, взял курс на восстановление масштабного военно-технического сотрудничества с Москвой.

Тем не менее Дэн Сяопин отметил, что «хаос приходит однажды очень легко. Но поддерживать порядок и спокойствие не так легко. Если бы китайское правительство не предприняло решительных шагов в связи с событиями на площади Тяньаньмэнь, в Китае наступила бы гражданская война. А поскольку население Китая составляет одну пятую населения мира, нестабильность в Китае вызвала бы нестабильность во всем мире, включая даже великие державы» [3, с. 452].

Западные политологи полагают, что политическая нестабильность, ставшая характерной чертой восточных стран, и иной характер политической культуры на Востоке во многом порождены

отсутствием «среднего класса», стабилизирующего политическую систему в стране. По мнению американского политолога Дж. Стиглица, на Западе именно средний класс «исторически выступал несущей конструкцией общества, управляемого силой закона и авторитетом демократических ценностей». Между тем в политической жизни Востока велико и еще долго будет значимым влияние «улицы» или «базара», формально не структурированных общностей, разделяющих те или иные системы традиционных ценностей [см.: 7, с. 139–140]. Конечно, такая позиция имеет место быть, однако опыт восточных стран говорит о том, что не всегда наличие «среднего класса» гарантирует незыблемость государства.

Прежде всего стоит учитывать специфику восточного менталитета и именно его делать краеугольным камнем в подходе к понятию «стабильность государства». Характер социальных структур в Азии ставит перед властью определенные рубежи в области демократизации даже в том случае, когда имеется соответствующая воля правящих кругов. Во-первых, преобладающий тип индивида на Востоке – коллективистски ориентированный на свой «узкий союз», локальную общину. Такой индивид не может быть субъектом демократии в ее классическом понимании. Во-вторых, политическими и гражданскими правами наряду с цивилизованной оппозицией могут воспользоваться традиционалистско-экстремистские силы для прихода к власти и последующего свертывания всех свобод [см.: 1, с. 250]. Исходя из менталитета Востока, становится очевидно, почему восточное общество видит стабильность государства по-другому. И именно поэтому Восток оказался невосприимчив к некоторым элементам западной модели развития.

Страны Восточной и Южной Азии (Сингапур, Таиланд, Индия, Вьетнам, Северная Корея, Южная Корея и др.) одобрили действия руководства КНР, считая, что «в случае с тяньаньмэнскими событиями китайские руководители сделали выбор в пользу политической стабильности» [3, с. 451]. Так, например, Пхеньян, поддержав действия Пекина, подчеркнул, что любая угроза государственной стабильности должна жестко пресекаться. Ким Ир Сен, основатель и лидер северокорейского государства, полагал, что военная мощь – это ключ

к незыблемости власти. Даже если мятежники или изменники восстают против политической системы, как это было, с его точки зрения, на площади Тяньаньмэнь, то сильная армия способна безжалостно подавить мятеж и сохранить власть в руках правителя [см.: 9].

Правительство Южной Кореи выразило серьезную озабоченность по поводу событий на площади Тяньаньмэнь, однако в целом поддержало действия Пекина. Республика Корея, которая к тому времени сделала выбор в пользу демократии, в отличие от большинства западных стран не стала применять никаких карательных мер в виде штрафных санкций. Напротив, было объявлено о намерении улучшать отношения с Китаем, невзирая на его внутренние проблемы, которые, по мнению Сеула, Пекин имеет право решать согласно избранному им самим курсу политического развития.

Ли Куан Ю, отец-основатель современного Сингапура, в ходе этих событий отмечал, что «свобода может существовать только в государстве, в котором существует порядок, а не там, где господствуют анархия и непрекращающаяся борьба в обществе. В восточных государствах главной целью является поддержание строгого правопорядка, с тем чтобы каждый мог наслаждаться свободой в максимальной степени. Некоторые явления, присущие американскому обществу, являются абсолютно неприемлемыми для азиатов. Поэтому Америке не стоит без разбора навязывать свою систему ценностей другим обществам, в которых эта система не будет работать» [4, с. 465].

Реакция мирового сообщества на события на площади Тяньаньмэнь продемонстрировала кардинальные различия западных и восточных подходов к понятию «стабильность» и методам обеспечения стабильности государства. Страны Восточной Азии, базируясь на традиционном для восточных обществ принципе приоритета коллективных интересов над индивидуальными, ориентированы на поддержание сильной центральной власти, способной подчинить широкие социальные слои единой идее, подавить инакомыслие, объединить нацию и тем самым уверенно вести ее по пути прогресса. Легитимность национального лидера и его личный авторитет – одно из важнейших условий функциональности полити-

ческого авторитаризма и поддержания политической стабильности [см.: 1, с. 301]. Западный мир действует в духе противоположной демократической концепции, согласно которой каждый гражданин имеет право голоса в политических вопросах, а государство является гарантом этого права. Вместе с тем, как показывает исторический опыт, во внешней политике борьба за демократию и соблюдение прав человека зачастую выступала и выступает не целью, а инструментом реализации национальных интересов западных стран.

Таким образом, события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. продемонстрировали приверженность стран Азии авторитарной концепции власти, одобрив жесткое подавление протестных выступлений в Китае. Учитывая взаимозависимость государств и необходимость сохранения стабильности в регионе, страны Востока поддержали правительство КНР. США и страны Европы, придерживаясь демократических идей, расценили действия китайского правительства как варварские и негуманные. Для самого Китая события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. стали поворотным пунктом, поскольку китайские лидеры внесли ряд серьезных корректив во внутри- и внешнеполитический курс страны, ускорив тем самым модернизацию КНР и усиление ее позиции в мировой экономике и политике.

Практически во всех незападных странах, включая самые благополучные из них, вопрос номер один политической жизни – стабильность и устойчивость правящего режима. Соответственно приоритетные действия находящейся у власти группировки можно назвать «политикой выживания». В этих условиях все вопросы внутренней и международной жизни, в том числе проблемы демократизации, прав человека, свободы, рассматриваются правящей элитой через призму сохранения и укрепления своей власти [см.: 1, с. 252].

Библиографические ссылки

1. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / под ред. В. Г. Хорос. М., 1996.

2. *Васильев Л. С.* История Востока. Т. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://society.polbu.ru/vasiliev_easthistory/ch53_i.html (дата обращения: 15.04.2014).

3. *Киссинджер Г.* О Китае. М., 2013.

4. *Ли Куан Ю.* Сингапурская история: из «третьего мира» – в «первый» (1965–2000). М., 2010.

5. *Лузянин С. Г.* Когда Китай выйдет «из тени»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mgimo.ru/news/experts/document235633.phtml. (дата обращения: 20.05.2014).

6. Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. М., 2007.

7. *Яковлев А. И.* Страны Востока : синтез традиционного и современного. М., 2007.

8. China: Aftermath of the Crisis. Intelligence Research Report // Bureau of Intelligence and Research. 1989. 27 July [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB16/documents/36-11.htm. (дата обращения: 20.05.2014).

9. Kim Jong Il's Hidden War. Solving the mystery of Kim Il Sung's death and the mass starvations in North Korea [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.reachdc.net/book2/KimJongIlHiddenWar.pdf. (дата обращения: 17.05.2014).

А. С. Кляшторный
департамент философии ИСПН УрФУ,
магистратура, 2-й год обучения

ПРОБЛЕМА ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВНЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА КАТЕГОРИИ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОСТИ: ПРОЕКТ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Исходным пунктом рассмотрения заявленной в заголовке работы проблемы служит предположение о том, что главная тенденция философского анализа категории знания в XX в. связана с постановкой и решением задачи поиска социальных оснований данной категории. Подтверждение данного предположения обнаруживается достаточно легко: проект социологии знания (М. Шелер, К. Манхейм) и его феноменологические трактовки (А. Щюц, П. Бергер, Т. Лукман), постпозитивистские концепции философии науки (Т. Кун, П. Фейерабенд, М. Полани), а также отдельные представи-

тели аналитической традиции философии (Д. Дэвидсон) тем или иным образом вовлечены в поиск социальных оснований категории знания. Также следует отметить, что уже в классическом кантианском определении этой категории присутствует явная предпосылка вышеуказанной тенденции философии XX в.: «...и субъективно и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание» [3, с. 481]. Значимым в данном определении является то, что роль критерия объективно достаточного признания истинности суждения, согласно Канту, играет возможность индивида сообщать данное суждение другим индивидам, а также полагать и проверять то, что оно может быть признано истинным всяким человеческим разумом.

Подобное многообразие и значительность форм указания на социальную природу знания в современной философии, по всей видимости, естественным образом проблематизирует саму возможность иной, более традиционной философской формы анализа категории знания – анализа с некоторой внеинституциональной позиции. Тотальность социального «вытесняет» и проблематизирует саму возможность онтологической, «трансцендентальной» позиции, игнорирующей, например, при рассмотрении понятия научного знания любые аргументы «от истории науки».

Таким образом, в центре нашего внимания возникает вопрос о возможностях внеинституционального анализа категории знания в современности. По всей видимости, позитивный ответ на данный вопрос (указание на наличие возможности подобного анализа) потребует также и ответа на дополнительный и совершенно кантианский вопрос о том, каковы условия возможности подобной позитивности.

Как представляется, подобная «трансцендентальная» точка зрения и соответствующая ей традиционная версия философского анализа обнаруживают себя в исследованиях в области одной из неклассических модальных логик – эпистемической логики. Объектами изучения для нее выступают пропозиции типа «*x* знает, что *P*» и «*x* считает, что *P*». Формальное исследование категории знания берет свое начало с работ Г. Фреге и Б. Рассела, посвященных ана-

лизу предложений, выражающих различные пропозициональные установки. Однако полноценное основание для своего развития оно получает только с появлением стандартной семантики для модальной логики – семантики возможных миров С. Крипке. Потенциал данного достижения был раскрыт финским логиком Яакко Хинтиккой, который впервые применил ее для анализа пропозициональных установок.

Характеризуя исследования в области эпистемической логики в целом, стоит отметить, что все они направлены на описание модальностей знания и мнения некоторого идеализированного агента. Модальность знания стандартно определяется через модификацию условий модальности необходимости из стандартной крипкеанской семантики: «агент *a* знает, что *P*» в мире *s* модели *M* тогда и только тогда, когда во всяком мире *t*, достижимом из *s*, *P* – истинно.

Различие между системами эпистемической логики определяется избранной авторами степенью идеализации некоторого агента. Данное различие явным образом отображено в двух принципиальных подходах к анализу эпистемических модальностей: если первый подход отвлекается от всех эмпирических ограничений реального познающего субъекта, даже допуская для него возможность логического всеведения, то второй, наоборот, избегает столь сильных идеализаций, стараясь учесть подобные эмпирические ограничения [см.: 1, с. 29–30]. Необходимо, тем не менее, указать на то, что при определении списка релевантных эмпирических ограничений агента сторонники второго подхода преимущественно ориентируются на собственные интуиции.

Недостаточно, однако, только выявить некоторую возможность внеинституционального анализа категории знания. Как уже говорилось ранее, необходимо также ответить на вопрос об условиях возможности обнаруженной возможности. И таким условием для нее выступает классическая философская дистинкция синтетических и аналитических суждений (а именно, истин). Логические исследования имеют дело исключительно с истинными по форме суждениями (аналитическими истинами). Синтетические истины – истины эмпирические, истины эмпирических наук. Эпистемическая

логика направляет свои усилия на анализ не столько эмпирического содержания категории знания, сколько на выявление и анализ условий истинности всякой пропозиции формы «Агент *a* знает (верит), что *P*», вне зависимости от конкретных эмпирических условий. Подобное абстрагирование от эмпирических условий определяется самой сущностью логической науки, рассматривающей в качестве своих объектов феномены совершенно иного порядка.

Известный аналитический философ Д. Дэвидсон в одном из своих интервью заметил, что «Куайн спас философию языка, освободив ее… от резкого различия между аналитическими и синтетическими суждениями…» [2, с. 53]. Таким образом, философия языка была спасена от существования в виде науки, занимающейся изучением «призраков» языковых феноменов, Представляется, однако, верным, что подобное «освобождение» для такой науки, как логика, выступило бы скорее способом полного уничтожения самой ее сущности. Ведь как заметил еще Аристотель, важным условием успешности научного исследования является соответствие изучаемого предмета методу.

Библиографические ссылки

1. *Бежанишвили М. Н.* Логика модальностей знания и мнения. М., 2007.

2. *Боррадори Дж.* Американский философ : Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном. М., 1999.

3. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.

Д. К. Сатыбалдина
департамент философии ИСПН УрФУ,
4-й курс

STREET ART: ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

В темпах жизни большого города пространство для общения с искусством, даже при всей его доступности, порой остается недосягаемым. Причиной тому могут служить особое течение времени

в городской жизни и трансформации понятия городского пространства. Все это становится одной из причин, по которой искусство выходит на улицы. Улица, с одной стороны, – это относительно свободное пространство для творчества, к тому же зрителю вряд ли удастся сбежать от просмотра. С другой стороны, человеку не требуется тратить свои ресурсы на поиски арт-объектов, стоит просто пройтись пешком или проехать на машине мимо соответствующего места.

Однако я хотела бы рассмотреть такую особенность уличного искусства, как быстротечность. Некоторые исследователи считают жизнь произведения искусства быстротечной в принципе, независимо от того, уличное оно или нет. Это делает Г. Зиммель в своей работе «Конфликт современной культуры», подчеркивая, что «когда художественное произведение воплотилось и творческий жизненный процесс покинул его, оказывается, что оно не того самостоятельного смысла и ценности, каких мы требуем от произведения, объективно существующего, отделенного от своего творца, ибо жизнь, выражая только самое себя, точно из чувства ревности лишила его этого смысла» [1, с. 4].

Какова, в таком случае, роль замысла художника, что может предоставить нетрадиционное искусство зрителю? Г.-Г. Гадамер в работе «Онемение картины» подчеркивает, что «современная картина несет в себе нечто природное – она не стремится выразить чьи-то переживания. Она не требует вживания в душевное состояние художника, она подчиняется внутренней необходимости и словно бы существовала всегда, как кристалл <...> Что же это за картина? – Абстрактная? Конкретная? Предметная? Беспредметная? Залог порядка. Современный художник вряд ли поймет себя, пытаясь ответить на вопрос, что же он изображает. <…> Современный художник не столько творец, сколько открыватель невиданного, более того, он – изобретатель еще никогда не существовавшего, которое через него проникает в действительность бытия» [2, с. 187]. Далее хотелось бы отметить тот факт, что уличное искусство в большей степени представлено в урбанистической среде. «Город и социальные изменения – почти синонимы», – пишет З. Бауман и про-

должает: «Изменения – это изменения качества жизни и формы городского существования. Изменения и город действительно могут определяться друг через друга» [3, с. 26]. Здесь я вижу непосредственную связь временного характера уличного искусства и изменчивости городского пространства. Если уличный художник – «изобретатель» и творец новых форм, то очевидно, что каждое изменение города несет за собой необходимость постоянного конструирования чего-то нового, схватывания городских метаморфоз. Знаменитый екатеринбургский уличный художник Тимофей Радя в своей характеристике уличного искусства говорит, что «временность – сильнейшая сторона уличного искусства. Эта слабость делает его живым, значит, равным человеку, близким человеку. Что-то рождается, изменяется и умирает у тебя на глазах. Вы смотрите друг на друга на равных – без хрупкой власти и авторитета, которыми обладают попытки изобразить вечность» [4].

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что уличное искусство и его изменчивая среда неразрывно связаны. Уличное искусство живет и дышит только в уличном пространстве. Попадая в музей или галерею, оно не перестает быть искусством, но перестает быть именно стрит-артом. Однако в силу того, что существует момент актуализации формы-содержания произведения в определенном месте-пространстве, появляется возможность говорить об уличном искусстве как особой институции.

Библиографические ссылки

1. *Зиммель Г.* Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М., 1996 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/292821/ (дата обращения: 15.07.2014).

2. *Гадамер Г.-Г.* Онемение картины. Актуальность прекрасного. М., 1991.

3. *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3 (66).

4. *Радя Т.* Что такое уличное искусство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://t-radya.com/street/39/ (дата обращения: 15.07.2014).

Д. И. Ширяев
департамент психологии ИСПН УрФУ,
3-й курс

К ВОПРОСУ О ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ КОРРЕЛЯТАХ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ В СИТУАЦИИ РЕШЕНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ И ВЕРБАЛЬНЫХ ЗАДАЧ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие и становление психики человека в условиях сегодняшней динамично меняющейся социальной реальности – процесс сложный и до сих пор до конца не изученный. В этой связи на первый план выходит проблема адаптации человека. А любая адаптация невозможна без способности субъекта мыслить быстро, нестандартно, одним словом, креативно [5]. Сегодня потребность в такой личности повсеместна: от политики до образования. По мнению Т. А. Родермель и С. Н. Степановой: «Креативность специалиста, способность к принятию нестандартных решений становится одной из ключевых компетенций профессионала» [3, с. 58].

В этой связи вопросы, связанные с выявлением и развитием креативности, становятся исключительно актуальными. Именно поэтому мы обратились к проблеме нейрофизиологических детерминант креативности. Ведь несмотря на всю видимую активность изучения творчества, за последние 50 лет экспериментальное исследование креативности, по сути, не развивалось – об этом пишут Арне Диетрич и Риам Кансо [см.: 6, с. 823]. Причину этого исследователи видят в сложности воспроизведения творческого процесса в лабораторных условиях.

Обобщая исследования, проводившиеся с тех пор, Диетрич и Кансо [см.: Там же, с. 825] приходят к выводу, что работы, направленные на определение особенностей электрической активности головного мозга в творческом процессе, в частности, в процессе образной креативности, «приводят к очень пестрым результатам». Похожего мнения придерживается и И. А. Денисова [см.: 1]. Проводимые исследования сложно сравнивать в силу того, что все ав-

торы используют разные методики изучения, в том числе и оригинальные, данные о валидизации и стандартизации которых отсутствуют. Диетрич и Кансо говорят, что есть три основных аспекта в изучении психофизиологических особенностей творческого (дивергентного) мышления. Первый – это особенности латерализации. И тут такие исследователи, как О. М. Разумникова, Финк, Мартиндейл Martindale [см.: 2; 9, с. 194; 7, с. 740; 8, с. 81] утверждают, что процесс творчества – это прерогатива правого полушария. Но эти данные полного подтверждения в ЭЭГ-исследованиях не имеют. Второй аспект – особенности активации коры мозга в альфа-диапазоне при творческом мышлении. Некоторые авторы отмечают рост синхронизации альфа-активности [см.: 7, с. 742]), другие же, наоборот, уменьшение [см.: 2, с. 38]. Тот же плюрализм взглядов наблюдается и в отношении альфа-активности во фронтальной зоне. Третий аспект – связывание творческого мышления с активацией мозговых структур в других диапазонах частот. И тут похожая тенденция: противоречивость в результатах исследований [см.: 6, с. 825; 10, с. 24]. Также авторы отмечают, что таких работ немного, для гамма-активности они и вовсе отсутствуют [см.: 6, с. 832].

Можно заключить, что большинство существующих работ расходятся в результатах в вопросе коррелятов креативного мышления, а некоторые аспекты исследователями вообще упускаются из виду. В то же время остается неясным, как взаимосвязаны электрофизиологические маркеры функциональной асимметрии мозга и показатели невербальной креативности в ситуации решения нетворческих образных, вербальных и невербальных задач. Попытка исследования этого аспекта и будет предпринята в работе.

Гипотеза: мы предполагаем, что лица, обладающие более высокой невербальной креативностью, продемонстрируют более низкий уровень активации правого полушария при решении задач соответствующего типа. При этом анализ ЭЭГ при решении вербальных задач не покажет значимых различий в активации полушарий между высоко- и низкокреативными субъектами.

Нами был составлен план исследования, который был разбит на несколько этапов.

На первом из них проводится образная батарея теста Е. Торренса (в адаптации Е. Е. Туник), выявляющая невербальную креативность.

На втором этапе по результатам теста формируются две группы: высококреативные и низкокреативные (каждая по 15 человек). Соблюдается баланс испытуемых по половому признаку (примерно 50/50 женщин и мужчин в каждой группе).

Далее производится регистрация ЭЭГ в 19 стандартных отведениях у испытуемых из каждой группы. Анализ будет производиться по показателям мощности ритмов тета (4–8 Гц), альфа (8–13 Гц), альфа-1 (8–10,5 Гц), альфа-2 (10,5–13 Гц), бета-1 (13–20 Гц), бета-2 (20–30 Гц), а также показателям коэффициента асимметрии. В начале проводится запись фоновой ЭЭГ, а далее электроэнцефалограмма регистрируется во время решения испытуемым невербальных и вербальных задач. Стимульный материал, который будет использован в данном исследовании, разработан в лаборатории высшей нервной деятельности Института ВНД и нейрофизиологии в 2010–2012 гг. Основные авторы: Г. А. Иваницкий и А. О. Роик [4, с. 690]. Первый тип задач – пазл, в который надо мысленно вставить одну из недостающих частей. Второй тип – по четыре картинки сверху и снизу, надо связать каждые три картинки по смыслу между собой, назвать лишнюю. Третий тип аналогичен второму, но в качестве стимулов используются слова. Испытуемый, решив задание, сообщает об этом, нажимая кнопку мыши, и затем называет номер правильного ответа.

Следующим этапом нашего эксперимента станет поиск достоверных различий в показателях мощности ЭЭГ в различных частотных диапазонах и коэффициентах асимметрии в группах с низкими и высокими показателями образной креативности.

Подводя итог, хочется отметить, что данное исследование поможет прояснить некоторые вопросы, связанные с механизмами невербального творчества, а это в дальнейшем позволит более эффективно строить программы по развитию образной креативности, например программы, основанные на биологической обратной связи.

Библиографические ссылки

1. *Денисова И. А.* Психофизиологический взгляд на творчество. Мозговые корреляты музыкального творчества // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 5, № 4. С. 99–107.

2. *Разумникова О. М., Вольф Н. В., Тарасова Н. В.* Стратегия и результат: половые различия в электроэнцефалографических коррелятах вербальной и образной креативности // Физиология человека. 2009. Т. 35, № 3. С. 31–41.

3. *Родермель Т. А., Степанова С. Н.* Компетентностный подход в инновационной образовательной практике как условие становления современного профессионала // Казан. наука. 2012. № 8. С. 58–60.

4. *Роик А. О., Иваницкий Г. А.* Нейрофизиологическая модель когнитивного пространства // Журн. высш. нерв. деятельности. 2011. Т. 61, № 6. С. 688–696.

5. *Хрящева Н.Ю.* Креативность как фактор адаптации в изменчивом мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=2638 (дата обращения: 02.04.14).

6. *Dietrich A., Kanso R.* A review of EEG, ERP, and neuroimaging studies of creativity and insight // Psychological Bulletin. Vol. 136, Nr 5. 2010. P. 822–848.

7. *Fink A., Grabner R., Benedek M., Reishofer G., Hauswirth V., Fally M., Neubauer A.* The creative brain: Investigation of brain activity during creative problem solving by means of EEG and FMRI // Human Brain Mapping. 2009. Nr 30. P. 734–748.

8. *Martindale C., Hines D., Mitchell L., & Covello E.* EEG alpha asymmetry and creativity // Personality and Individual Differences. 1984. Nr 5. P. 77–86.

9. *Razumnikova O. M.* Gender differences in hemispheric organization during divergent thinking: An EEG investigation in human subjects // Neuroscience Letters. 2004. Nr 362. P. 193–195.

10. *Shemyakina N., Danko S.* Changes in the power and coherence of the 2 EEG band in subjects performing creative tasks using emotionally significant and emotionally neutral words // Human Physiology. 2007. Nr 33. P. 20–26.

МАТЕРИАЛЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ

О. Я. Артем
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, магистратура, 1-й год обучения

ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СТАРШЕКЛАССНИКОВ

Общепринятой точкой отсчета истории реализации профориентации является создание Ф. Парсонсом первого кабинета профориентации в 1903 г. в Страсбурге (Франция) и бюро по выбору профессий в Бостоне (США) в 1908 г. [см.: 1, с. 8].

В российской традиции историю реализации профессиональной ориентации связывают с созданием в 1897 г. первой службы по поиску работы. Затем в «Кающемся энциклопедисте» (1900) был создан раздел, посвященный выбору профессии, в котором выделялись четыре типичных варианта: согласно семейным традициям; по призванию; случайно, необдуманно; по расчету [см.: 2, с. 5–6].

До революции в России издавались журналы «Адрес-календарь», «Студенческий альманах», в которых была информация о профессиональных образовательных учреждениях для старшеклассников.

Первая Лаборатория профконсультации была создана при Ленинградском институте по изучению мозга в 1924 г., инициатором идеи выступал А. Кларк. Затем, уже в 1927 г., Наркомтруд открыл при этом институте первое в СССР Бюро профконсультации. В 30-х гг. XX в. Центральная лаборатория по профконсультации и профотбору стала разрабатывать систему школьной профориентации. В 1932 г. создается штаб по координации исследований проблем школьной профориентации.

Значимый вклад в развитие профориентации в 60–70-е гг. XX в. внес Е. Климов. Ученым была создана четырехъярусная классификация профессий, при этом автором разрабатывались профориентационные методики. Другая основополагающая теория профпригодности, разрабатывалась К. Гуревичем. Он выделял два вида профпригодности: абсолютную и относительную [см.: 1, с. 18–20].

В 1984 г. вышло Постановление ЦК КПСС «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы», в котором говорилось о важности и необходимости развития трудового обучения и профориентации молодежи [см.: 3].

Таким образом, в дореволюционной России и СССР профессиональная ориентация функционировала как в школе, так и за ее пределами, уделялось внимание воздействию семейной профессиональной традиции, происходило объединение общественных усилий, СМИ, профессиональных образовательных учреждений, работы школ, учащихся и семьи.

В Российской Федерации профессиональная ориентация приобрела иные черты. В 1991 г. был принят «Закон о занятости населения», в соответствии с которым школьная профориентация переводилась в службы занятости. В 1992 г. вышел «Закон Российской Федерации об образовании» [см.: 4].

В связи с переходом на рыночную экономику наше государство отказалось от планирования и гарантий в сфере образования и трудоустройства своих граждан. Это повлекло за собой появление безработицы и создание государственной службы занятости. Внимание Правительства сосредоточилось на оказании содействия трудоустройству. Бюджетное финансирование центров профориентации было сведено до минимума либо полностью прекращалось [см.: 1, с. 23].

На основе рассмотрения истории реализации профориентации в нашем государстве у автора данной работы возникла потребность в исследовании ее влияния на старшеклассников. Автором работы было проведено социологическое исследование, состоящее из двух этапов. Изначально в декабре 2012 г. было опрошено 222 школьника (методика – раздаточное анкетирование), которые на момент исследования обучались в 11-х классах. Затем в феврале 2013 г. про-

водился опрос с учителями, работающими в 11-х классах и школьными психологами (методика полуструктурированного интервью). В результате были получены следующие данные:

– приоритетным для подавляющего большинства старшеклассников является получение высшего образования;

– появление новых профессий, рост числа учреждений профессионального образования, в том числе негосударственных, возможность получения образования за рубежом затрудняют процесс формирования профессионального выбора;

– в школах не реализуется комплекс мероприятий по профориентации, нет заинтересованности в привлечении квалифицированных кадров в этой сфере;

– при выборе профессии основное влияние оказывают личные предпочтения учащихся, которые формируются под воздействием информации, получаемой из интернет-источников;

– большее значение приобретает материальное положение семьи в связи с наличием возможности оплачивать обучение в вузе;

– отсутствуют экскурсии на предприятия, не проводятся встречи с представителями предприятий и т. п.;

– вузы активно проводят дни открытых дверей, различные экскурсии, рекламные мероприятия в школах, ведут информационную деятельность, направленную на школьников, через Интернет, но взаимодействие нацелено на привлечение абитуриентов, а не на профессиональную ориентацию старшеклассников.

Мы видим, что на сегодняшний день система профессиональной ориентации находится в противоречивом состоянии и требует не только самостоятельности школьников в этом процессе, а целого комплекса взаимосвязанных и воздействующих на учащихся элементов.

Стоит отметить, что с 1 сентября 2013 г. в России вступил в силу закон «Об образовании в РФ». В нем говорится о том, что среднее общее образование формирует навыки самостоятельной учебной деятельности на основе индивидуализации и профессиональной ориентации, готовит школьника к жизни в обществе, самостоятельному жизненному выбору [см.: 5].

Таким образом, для современной России характерно, что реформы в сфере образования проводятся без детального исследования способности старшеклассников адаптироваться к нововведениям и без учета уже существующих проблем в системе профессиональной ориентации.

Библиографические ссылки

1. *Гудкова Е. В.* Основы профориентации и профессионального консультирования. Челябинск, 2004.

2. *Пряжников Н. С.* Теория и практика профессионального самоопределения. М., 1999.

3. *Пряжникова Е. Ю.* Потребность в изменениях // Школьный психолог: журн. изд. дома «Первое сентября». 2000. № 24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://psy.1september.ru/article.php?ID=200002405 (дата обращения: 06.04.2014).

4. *Баданина Е.С.* Государственное регулирование рынка труда / Уральский государственный экономический университет. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://science.usue.ru/attachments/587_Konkurentosposobnost%20territoriy%20(17-18%20maya%202012%20g.)%20(CHast%202).pdf (дата обращения: 06.04.2014).

5. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон [от 29.12.2012 № 273-ФЗ] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.educom.ru/ru/documents/273-fz.pdf (дата обращения: 06.04.2014).

Е. С. Бачурина

департамент международных отношений ИСПН УрФУ,

2-й курс

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВО ФРАНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ОСТРОВА КОРСИКА

С начала второй половины XX в. во Франции стали заметными вопросы регионального устройства, требующие политических изменений. Процесс европейской интеграции усилил неравномерность развития отдельных регионов: Парижский и Лионский центры выделялись в промышленном отношении от остальной террито-

рии, а центральные и западные территории превратились в отсталые аграрные районы формирующегося общего рынка. Тяжелое состояние было характерно также и для старопромышленных северо-восточных регионов [см.: 1, с. 71].

Для решения острейших проблем неравномерного развития территорий на региональном уровне потребовалось начало реализации во Франции мер по государственному урегулированию территориального развития. Таким образом, со второй половины XX в. во Франции проводилась региональная политика, целью которой стало ограничение развития Парижского региона и индустриализация сельскохозяйственных территорий.

Выделяют три периода региональной политики во Франции, для каждого из которых были характерны свои представления о передовой экономике, особый взгляд на экономическое и региональное развитие.

В первый период (конец 1940-х – начало 1970-х гг.) передовое производство отождествлялось с крупным индустриальным производством, а его развитие обеспечивалось более активной политикой государства в экономике. Под руководством центральной власти в лице Главного комиссариата по планированию были проведены первые меры в рамках региональной политики по городскому развитию, развитию инфраструктуры, привлечению компаний промышленности и сферы услуг в проблемные регионы. В результате этой политики, как пишет российский ученый Ю. Рубинский, в послевоенные десятилетия Франция успешно завершила переход от индустриально-аграрного к зрелому промышленному типу экономики и вышла на передовые рубежи научно-технического прогресса [см.: 2].

Второй период (вторая половина 1970-х – 1980-е гг.) характеризовался переходом от индустриальной модели производства к постиндустриальной и осуществлением политики децентрализации. Ее цель состояла в том, чтобы придать территориально-административным единицам – коммунам, департаментам и регионам – реальные полномочия, расширить их компетенции, а также предоставить возможность гражданам участвовать в принятии решений. Де-

централизация включала в себя широкий комплекс мер, в том числе перераспределение полномочий между государством и местными сообществами; закрепление за регионом статуса полноценной административно-территориальной единицы, регионов и придание функций исполнительной власти департаментам и регионам, развитие сотрудничества между различными административно-территориальными единицами и международного регионального сотрудничества между Францией и европейскими странами – членами ЕС.

Третий период (1990–2000-е гг.) был связан с поиском новых механизмов, обеспечивающих создание инновационной экономики, и попытками комплексного решения проблем экономического и территориального развития.

Региональная политика была реализована во многих регионах Франции. В рамках концепции «полюсов роста», т. е. создания динамично развивающихся отраслей, данная политика была проведена в регионах Бретань, Рона-Альпы, Юг-Пиринеи. Крупные портово-промышленные зоны, в которых сосредоточивались предприятия экспортной ориентации, были созданы в зонах Нижней Сены, Нижней Луары, Бордо–Гаронны, Дюнкерка–Кале. Также в рамках региональной политики финансовую помощь по разным программам получали заморские департаменты Гваделупа, Мартиника, Заморская Гвиана, Реюньон и другие регионы, в том числе и Корсика [см.: 1, с. 80].

Что касается Корсики, именно второй этап этой политики внес значительные изменения в ее развитие. В результате создания во Франции в 1964 г. 21 экономического региона Корсика была присоединена к региону Прованс–Лазурный Берег. Однако это не принесло ей никаких реальных экономических выгод [см.: 3].

В ходе процесса децентрализации местные органы самоуправления на Корсике получили полномочия в решении вопросов сельского хозяйства, энергетики, жилищного строительства, транспорта и образования [см.: 2]. В августе 1982 г. после первых выборов в Региональную Ассамблею были созданы 2 консультативных совета: по экономическим и социальным вопросам; по вопросам культурного развития, образования и среды обитания [см.: 4]. В 1999 г.,

в ходе визита на Корсику премьер-министр Франции Лионель Жоспен представил план по выводу Корсики из затяжного кризиса. Другими первоочередными задачами правительства стала политика реструктуризации сельскохозяйственного сектора, вопрос развития туристической отрасли. Был одобрен промышленный план развития острова на 2000–2006 гг., предусматривающий финансирование государством программ развития острова. Правительство обещало сконцентрироваться на поддержании уровня доходов регионального бюджета. За 1995–1999 гг. по специальным региональным программам из бюджета Франции Корсике были выделены средства в размере более 800 млн долл. [см.: 4; с. 133].

Таким образом, предоставленная в ходе децентрализации регионам большая автономия в определении своей политики, в том числе в области экономики и инноваций, дает им шанс использовать именно свою специфику. На Корсике основными отраслями экономической деятельности являются возобновляемые энергоресурсы и исследования в области энергетики, информационные технологии, производство и сфера услуг, авиапромышленность, туризм, сельскохозяйственная и пищевая промышленность. Однако реализацию региональной политики на Корсике в экономическом плане нельзя назвать успешной, так как она сталкивается со многими препятствиями объективного и субъективного характера. Инвестиции и укрепление финансовых позиций иностранцев корсиканские националисты расценивают как «колонизацию острова». Ситуация на острове мешает экономическому развитию и отпугивает частных инвесторов. Туристическая отрасль становится менее привлекательной из-за недоброжелательного отношения на острове к иностранцам и нередких случаев террористических актов.

Таким образом, реализованная региональная политика Франции в отношении Корсики оказалась во многом неэффективной в связи с определенной спецификой региона, политической нестабильностью из-за наличия на острове националистического и сепаратистского движения. Проблемы Корсики как региона сохраняют свою актуальность и требуют поиска новых путей их решения.

Библиографические ссылки

1. *Кузнецов А. В., Авилова А. В., Хесин Е. С. и др.* Региональная политика стран ЕС / отв. ред. А. В. Кузнецов. М., 2009.

2. Франция в поисках новых путей / под ред. Ю. И. Рубинского. М., 2007.

3. *Ле Руа Ладюри Э.* История регионов Франции : периферийные регионы Франции от истоков до наших дней / пер. с фр. М., 2005.

4. *Артемьев А. Е.* Корсиканский вопрос на рубеже XX–XXI веков // Вопр. истории. 2008. № 8.

А. О. Боровиков
департамент философии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В первой половине XX в. в Советском Союзе происходили серьезные социально-экономические преобразования: повсеместная урбанизация, индустриализация, коллективизация. Советский Союз обладал чертами проекта модерна: росли города, развивалась промышленность, активно внедрялись самые современные технологии, но общественные процессы поддерживались за счет методов, которые исследователями квалифицированы как архаичные. Советская модернизация обладает частью черт классической модернизации, но имеет также и свою специфику. В рамках изучения феномена необходимо привлечение понятия «консервативная модернизация», или «консервативная революция». Термин «консервативная революция» впервые был введен Карлом Шмиттом [см.: 1]. В данном направлении исследования наиболее полезной окажется российская интерпретация «консервативной революции» А. Вишневского. Как он отмечает в своей работе «Серп и рубль», на фоне модернизационных экономических процессов, развивающихся в СССР, происходят консервация и трансляция крестьянских об-

щинных отношений в масштабе целой страны [см.: 2]. В качестве доказательства «применимости» концепции можно подойти к проблеме с позиции Л. Гудкова, Ш. Фицпатрика и Х. Арендт.

Как представляется, следует начать с институционально-мобилизационного подхода Л. Гудкова. В своей работе «Тоталитаризм как исследовательская рамка» он настаивает на том, что любой тоталитарный режим стремится к модернизации и мобилизации больших масс с помощью обращения к опыту прошлых поколений с околорелигиозным сплочением людей. Обращаясь к работе Х. Арендт «Истоки тоталитаризма», он использует понятие «тоталитарного движения» в качестве такого сплочения, которое, по его мнению, инициируется государственными институтами и их действиями [см.: 3]. Это, с другой стороны, проливает новый свет на позицию исследователя В. Куренного, который говорит о том, что в советском варианте модернизация породила широкую пропагандистскую машину, компенсируя то, что она происходила достаточно архаичными способами, опираясь на крестьянскую общину, т. е. тоталитарному государству нужен и некоторый миф, оправдывающий его легитимность [см.: 4].

Если подойти с культурно-антропологической позиции Ш. Фицпатрик, можно выявить специфику и в другом направлении. В работе «Сталинские крестьяне» этот автор пишет, что коллективизация как процесс, инициированный советским руководством, стала определенным «откатом» в досоветские времена, однако со своими особенностями. Фицпатрик в своей работе показывает то, что была сохранена община как тип общности, которая получила наименование колхоза [см.: 5]. Подобную позицию разделяет и П. Кудюкин: «Промышленный рабочий уже не работает на дому, но его жилье максимально близко расположено к заводу или фабрике: фабричные казармы, фабрично-заводские пригороды, заводские слободки разрастались вокруг предприятий так же, как средневековый город мог возникнуть вокруг замка или монастыря» [6, с. 44–45]. Получается, общинный характер общества внедрялся и в городе. П. Кудюкин называет такие общины «квазиобщинами» или «индустриальными общинами», а процесс урбанизации – «слободизацией».

Если углубиться в причину всех этих процессов, необходимо обратиться к крупнейшему исследователю тоталитарных режимов Х. Арендт. В работе «Истоки тоталитаризма», она пишет: «Тотальная преданность возможна только тогда, когда идейная верность лишена всякого конкретного содержания, из которого могли бы естественно возникнуть перемены в умонастроении. Тоталитарные движения, каждое своим собственным путем, сделали все возможное, чтобы избавиться от партийных программ с точно определенным конкретным содержанием, – программ, унаследованных от более ранних, еще нетоталитарных стадий развития» [7, с. 430]. Таким образом, в тоталитарных режимах создается ситуация «аномии». Население поддерживается в такой ситуации с помощью террора и идеологии. Это уже пересекается с позицией Л. Гудкова. Основная причина «архаизации» и «консервативности» в процессе модернизации заключается в том, что, хотя тоталитарные режимы занимаются процессами преобразования обществ, сама их специфика порождает ситуацию «неопределенности», которая с необходимостью ведет к поиску стереотипов поведения. Эти самые стереотипы поведения, по мнению А. Вишневского, обнаруживаются в многолетнем опыте крестьянских общин. Поэтому модернизация в советском варианте не приводит к появлению нового типа общественных связей. Тоталитаризм стремится уничтожить любые системы, любые ассоциации внутри общества, при этом даже в своей собственной организационной системе, как отмечает Х. Арендт, формируется точно такая же ситуация «неопределенности» с помощью бюрократизации и «фасадных» организаций. Таким образом, прежние модели поведения сознательно или бессознательно занимают пустое место, образованное движением тоталитарных систем [см.: 7], что косвенным образом подтверждает концепцию А. Вишневского.

«Консервативная революция» позволяет по-новому взглянуть на процессы, происходившие в России во времена правления И. Сталина. С одной стороны, модернизация развивала промышленность и новый городской образ жизни, с другой стороны, на общество наложил отпечаток многовековой опыт крестьянской общины, выход которому, осознанно или нет, дала специфика тоталитаризма как социальной системы.

Библиографические ссылки

1. *Шмитт К.* Политический романтизм / пер. с нем. Ю. Коринца. М., 2006.

2. *Вишневский А.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

3. *Гудков Л.* Тоталитаризм как теоретическая рамка // Негативная идентичность. М., 2004.

4. *Куренной В.* «Советское» как предмет исследовательского интереса // СССР. Жизнь после смерти. М., 2012.

5. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне : социальная история Советской России в 30-е годы : деревня. М., 2001.

6. *Кудюкин П.* Производственная квазиобщина как центр жизненного мира // СССР. Жизнь после смерти.

7. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

А. Г. Бусыгин

департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, магистратура, 1-й год обучения

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ЕПАРХИЯ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ

В российском обществе за последнее десятилетие произошли определенные перемены, которые предоставили возможность Русской православной церкви (далее РПЦ) заново отстроить более тысячи храмов и подготовить еще больше священнослужителей. Однако в стране происходят процессы реформирования, что, в свою очередь, создает ряд острых проблем социального, экономического и политического характера. В такой момент напряженности и социальной нестабильности общества роль церкви наиболее значима. Все это актуализирует потребности в изучении опыта устройства РПЦ – организации церковной жизни на епархиальном и приходском уровне ее жизнедеятельности, взаимодействия духовенства и мирян с обществом и государством.

Церковь – это религиозный социальный институт, сформированный на основе единого вероисповедания, устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, идей, ценностей и норм, направленных на регулирование повседневной жизнедеятельности людей и организующих их в систему социальных статусов и ролей в зависимости от их отношений к Богу. Как социальный институт РПЦ обладает рядом характерных признаков:

1) четко разработанной догматикой и детализированным культом;

2) профессиональным духовенством, которое формируется по иерархической системе;

3) РПЦ выступает как юридическое лицо, владеющее определенной собственностью, которая составляет экономическую основу ее существования.

Церковь как религиозный институт выполняет следующие функции: культуротранслирующие (приобщает к культурным ценностям), нормативные, социализирующие, интеграционные (объединяет верующих), адаптационные и др. [см.: 2]. Пример выполнения функций: сохранение и возрождение культурного наследия; воспитание уважения к окружающим; формирование и поддержание в обществе важнейших социально-нравственных качеств; объединение российского общества; участие в реабилитации пострадавших от тоталитарных сект; воспитание чувства патриотизма; оказание социально-психологической помощи в больницах, хосписах, домах престарелых; оказание помощи в решении проблем нищенства и беспризорности. Все ранее обозначенное является неотъемлемой частью церковной жизни. Церковная жизнь охватывает такие понятия, как религиозная, культовая и внекультовая деятельность. Процессуально она складывается из повседневности и праздников, субъектно – из деятельности клира и мирян. Также церковная жизнь различается по уровню: Общецерковный уровень, Архиерейский собор (высший орган управления) и Синод – митрополия – епархия – благочиния – приход.

Религиозное сознание детерминирует религиозное поведение (деятельность) через религиозную веру. Следовательно, изучение религиозности, в частности воцерковленности прихожан, представляется нам ключевым моментом при рассмотрении церковной жизни [см.: 1].

В ноябре 2012 г. автором материалов было проведено социологическое исследование, посвященное состоянию воцерковленности православных прихожан, составляющих общину.

Анализ полученных материалов позволил выделить две группы прихожан православных храмов:

1) с высокой степенью воцерковленности (88 % от всех прихожан) – те, кто не реже нескольких раз в месяц посещают храм, как минимум, один раз в год исповедуются и причащаются, обязательно соблюдают четыре «больших» поста;

2) с низкой степенью воцерковленности (12 %) – те, кто посещают храмы несколько раз за год, исповедуются реже одного раза в год и не соблюдают постов. Их участие в жизни Церкви можно охарактеризовать словами: «когда-то, давно, случайно, нерегулярно» [см.: 3].

Екатеринбургская епархия переживает сложный период реформирования – за последние несколько лет произошло образование Екатеринбургской митрополии, сменился правящий архиерей. Клир и миряне ведут большую работу по социальному служению. Ключевыми составляющими жизни Екатеринбургской епархии являются духовенство и православная община. Воцерковленность прихожан православных общин можно считать достаточно высокой, но активное участие в жизни Церкви принимает лишь 1/3 прихожан. В отличие от прихожан, практически все священнослужители принимают активное участие в социальном служении. Самим духовенством отмечается высокая значимость социальной деятельности, так как в их понимании это является одной из основ миссии Русской православной церкви.

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие выводы: реформа епархиального устройства позволяет использовать потенциал каждого из приходов для развития активной церковной, епархиальной жизни. Тематика воцерковленности и социального служения на приходе весьма актуальна. Воцерковленность как состояние образа жизни православного христианина оказывает значимое влияние на желание человека, прихожанина участвовать в социальном служении. Жизнь Екатеринбургской епархии переходит

на уровень нового, миссионерского, духовно-просветительского, социального взаимодействия с окружающими ее институтами [см.: 4].

Библиографические ссылки

1. *Чеснокова В. Ф.* Воцерковленность: феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М., 2003.

2. *Капалин А. М.* Социальные функции института русской православной церкви. Тюмень, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mail2.tmnlib.ru/jirbis/files/upload/abstract/22.00.04/2077.pdf (дата обращения: 15.07.2014).

3. *Бусыгин А. Г.* Воцерковленность жителей среднего Урала // Колосницынские чтения. Екатеринбург, 2012.

4. Екатеринбургская епархия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ekaterinburg-eparhia.ru/ (дата обращения: 15.07.2014).

Г. А. Ведерников
департамент философии ИСПН УрФУ,
4-й курс

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ТАЙНЫ ВЛАСТИ»

Хитросплетения социальных отношений, несомненно, включают в себя понятие власти, которое с течением времени все меньше поддается определению, и чем больше феномен власти скрыт от взора исследователя, тем больше он его привлекает, порождая тем самым концепцию «тайны власти». В своей статье О. В. Шабурова пытается выявить, что скрывается за формулой «тайна власти» [см.: 1].

«Воля к власти», власть как страсть – традиционные мотивы для литературы, описывающей проблему власти. «Существует мнение, что власть невероятно притягательна. В ней заключены такие мощные экзистенциалы, что человек, попадая в пространство власти, обретая некую форму властной субъектности, получает переживания такой силы и яркости, которые невозможно соотнести с чем-либо в человеческом существовании» [Там же, с. 9]. Данный взгляд

психологизирует проблему, задавая власти форму одного из инстинктов, не раскрывая способ, каким действует власть. Пытаясь понять, как властвующий субъект без прямого физического воздействия заставляет других ему подчиняться, социальные теоретики, такие как М. Фуко, обращают внимание на механизм власти, а точнее, на ее технику.

По мнению О. В. Шабуровой, «история отношения власти и техники укоренена в истоках формирования социальности» [1, с. 9]. Это значит, что знания и техника становятся основными инструментами власти, с помощью которых власть осуществляет контроль. Приводя в пример тотальную зависимость человека от энергетических ресурсов, которые поддерживают биологическое существование человека, автор рассматриваемой нами статьи прослеживает путь укоренения взаимоотношений власти и техники. Субъект власти скрыт от обывателя сложной бюрократической «паутиной», связь между участниками которой осуществляется посредством технологических устройств. Разработка инновационных продуктов поддерживается властью в первую очередь для того, чтобы решить свои собственные задачи, а лишь потом новшества внедряются в повседневную жизнь человека.

«“Тайна власти” в условиях информационного общества снова конституируется посредством технологических инноваций и конструкт “тайна власти” обретает совершенно неожиданные формы» [Там же, с. 13]. Тотально визуализированное информационное общество предоставляет возможность наблюдателю посредством монитора «перемещаться» на огромные расстояния, наблюдать за событиями в мире, не вставая со стула. Средства массовой информации, в частности CNN, сильно поспособствовали в становлении «видеократии», наступающей на смену «идеократии». Контролируя трансляцию образов, поступающих в умы людей, власть контролирует смыслы. «В этот момент зрителю кажется, что события передаются ему непосредственно, но они забывают, что видят мир не своими глазами, не знают, что сам выбор технологии репродуцирования реальности задает устойчивую иерархию смыслов» [Там же, с. 18].

В своем произведении «1984» Джордж Оруэлл доводит эту ситуацию до крайности. В его антиутопии знания заменяются, «уточняются», как только они становятся невыгодны власти, как только дают повод сомневаться в субъекте власти.

Постепенный рост технологий передачи информации, в том числе и визуальной, а также упрощение доступа к транслируемой информации вводят нас в состояние ложной видимости. Парадокс современной «тайны власти» состоит в том, что «чем больше власть явленна, демонстрируема, тем более она скрыта, неуловима, тем лучше она от нас “спряталась”» [1, с.14].

Оказываясь в поле внимания различных мыслителей, таких как Ж. Бодрийяр, П. Бурдье, У. Эко, С. Жижек и М. Фуко, данный парадокс наводит их на мысль о том, что эпохе постмодерна безразлична «тайна власти» как таинство, для нее она не больше вульгарного секрета, к выявлению которого она даже не стремится [см.: 1, с. 22].

В конце своей статьи О. В. Шабурова цитирует С. Жижека, который, сравнивая модернистский и постмодернистский миры, говорит, что «если модернистский универсум есть универсум проводков и микросхем, скрытых за экраном… то универсум постмодернистский есть вселенная наивной веры в экран, которая обессмысливает сам вопрос о том, что находится за экраном, и предполагает феноменологическое отношение доверия к явлению» [2, с. 124].

Библиографические ссылки

1. *Шабурова О. В.* Концепт « тайна власти» и возможности его прочтения // Социемы. 2001. № 7.

2. *Жижек С.* Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия // Искусство кино. 1998. № 1.

Е. К. Владимирова
департамент философии ИСПН УрФУ,
магистратура, 2-й год обучения

ЧТО ЦЕРКОВЬ ГОВОРИТ О ГЕРМАФРОДИТИЗМЕ?

Чаще всего вопрос о гермафродитизме поднимается в дискуссиях о гомосексуализме. Защитники гомосексуализма вопрошают о том, почему Господь допустил гермафродитов. Не значит ли это, что некоторым людям просто неправильно выбрали пол, что Бог изначально ошибся (что доказано случаями гермафродитизма), и поэтому некоторых мужчин тянет к мужчинам, так как в душе они женщины.

По мнению многих представителей духовенства, процессы секуляризации, усиливающиеся в современном мире, неизбежно ведут к утрате извечных ценностей и ориентиров. На их взгляд, сегодня замечается стремление к подмене авторитета Божьего закона прагматическими и нравственными понятиями и установлениями. Это особо проявляется в сфере биомедицинских технологий, которые вторгаются в жизнь современного общества, что приводит к тяжелым социальным и духовно нравственным последствиям, угрожая не только достоинству человеческой личности, но и самому существованию человека.

Особую значимость для церкви приобретают христианские вероучительные принципы и личное убеждение верующих, основанные на Божественном Откровении, где человеческая жизнь определяется как бесценный дар Божий, а свобода человека, достоинство его личности – как залог обретения богоподобного характера. Достигнуть этого возможно лишь единственным путем – через посвященное исполнение заповедей, любви к Богу и ближнему.

Актуальными становятся в данном случае вопросы аборта, контрацепции, клонирования, трансплантации, эвтаназии и, наконец, транссексуальности гермафродитизма.

Ни для кого не секрет, что церковь считает транссексуальность особой разновидностью полового извращения. При этом у человека могут быть различные побуждения к изменению половой ори-

ентации, но чаще всего от болезненного осознания своей принадлежности к другому полу. Верующему человеку необходимо противостоять этому духовно, в противном случае достигаемое хирургическим путем или с помощью гормональных средств изменение пола является, по сути, вызовом Богу, Творцу, дарующему нам вместе с жизнью и половую принадлежность. Более осторожно относится церковь к оценке такого редкого патологического состояния, как гермафродитизм, или двуполость. «Гермафродитизм – врожденная патология, в большинстве случаев обусловленная генетически. Ребенок, родившийся с признаками обоего пола, нуждается в хирургической коррекции. Деликатный вопрос по установлению половой принадлежности решается специалистами вместе с родителями ребенка» [2].

На многочисленных православных форумах мы можем прочитать о том, что пол ребенка необходимо определять так же, как он определяется для юридических документов. В данном случае почему-то считается допустимым полное биохимическое обследование человека, в ходе которого необходимо выяснить, больше человек женщина или мужчина. Пол должен определяться по доминирующей репродуктивной функции и по соответствующему содержанию гормонов в крови, а также по психологической модели поведения. И здесь церковь тоже позволяет нам довериться науке. Психологическое поведение полов не входит в рамки ее компетенции. Авторитетом следует считать медицинскую комиссию, сказано же про врачей: «Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его» [1]. Прямых ответов на вопрос, как правильно выбрать пол ребенка, священнослужители избегают, ссылаясь на то, что вопрос этот глубоко теоретичный.

Зато весьма просто и понятно объясняются случаи появления гермафродитов: все как один говорят, что такие случаи – следствие греховности человеческой природы.

Однако церковь призывает относиться к подобным людям с сочувствием не меньшим, чем к блаженным.

С православного форума: «Транссексуализм – это не удовольствие, а страдание, это уродство, которое современная медицина в состоянии исправить. Он проявляется с самого раннего детства, это

тяжелейший крест, тяжесть которого людям без этой проблемы тяжело осознать» [3] и т. д. К слову, в Библии нет ни слова о гермафродитах. Сотворение человека описывается в 27 стихе первой главы Бытия и в 7 стихе второй главы Бытия. Если исходить из предпосылки, что каждая строка в Библии что-то значит, то Бог вообще создал человека дважды: первый раз по виду Собственному, а второй – из праха земного. Некоторые, однако, делают выводы, что нам явственно указано, что в начале люди были гермафродиты (по образу и подобию), а затем их разделили, добавив женский пол, который сделан из праха земного. Кстати, именно поэтому Папой Римским или Патриархом может стать только мужчина или гермафродит, но никак не женщина.

Поднимаются на форумах и другие интересные вопросы, например, в чем гермафродиту следует появляться в церкви – в юбке и платке или в штанах и с непокрытой головой; считается ли половая связь с гермафродитом грехом и почему; является ли грехом, если гермафродит забеременел сам от себя.

Ответы иной раз поражают своей абсурдностью. Например, что одеваться в церкви они должны наполовину по-мужски, а наполовину по-женски, т. е. одновременно надеть джинсы и юбку, голову прикрыть наполовину (использовать не платок, а какую-нибудь шапочку), а обувь на одну ногу мужскую, на другую женскую.

Какие можно сделать выводы? Во-первых, отклонения от нормы всецело зависят от нашей грешной человеческой природы. Во-вторых, в некоторых вопросах даже церковь уступает право голоса науке. А главное, церковь не очень любит отвечать на те вопросы, которые Библией не поднимались.

Библиографические ссылки

1. Сирах, 38:1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bible.by/noncanonical/read/76/38/ (дата обращения: 15.07.2014).

2. Социальная концепция Церквей Христиан Полного Евангелия в республике Беларусь. Минск, 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://churchby.info/rus/200/ (дата обращения: 15.07.2014).

3. Интернет-портал «Евангелие» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.evangelie.ru (дата обращения: 15.07.2014).

М. С. Владимирова
департамент психологии ИСПН УрФУ,
2-й курс

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПОЛОРОЛЕВОЙ ОПРОСНИК С. БЕМ. ВЛИЯНИЕ ФОРМУЛИРОВКИ ИНСТРУКЦИИ НА ХАРАКТЕР ОТВЕТОВ ИСПЫТУЕМЫХ

В настоящее время вопросы гендерной психологии становятся все более популярными. Гендер – это социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди дают определения понятиям «мужчина» и «женщина» [см.: 2, с. 3].

Предметом настоящего исследования является инструментарий изучения гендера, а именно полоролевой опросник Сандры Бем (1974), который позволяет увидеть, насколько самооценка испытуемого относительно своих психологических характеристик совпадает с существующей социокультурной парадигмой о фемининности и маскулинности.

Одно из определений этих понятий предложено И. С. Коном: это описательные категории, обозначающие совокупность поведенческих и психических характеристик, объективно присущих женщинам (фемининность) и мужчинам (маскулинность) [см.: 5, с. 3].

С. Бем дополняет биполярную модель понятием *андрогинии* (те индивидуумы, у которых фемининные и маскулинные показатели одинаково высоки), а также вводит понятие «недифференцируемый» (*nearly masculine/feminine*), что подразумевает людей с невысокими показателями по каждой из этих двух шкал [см.: 1, с. 3].

Указанный опросник имеет специфику применения, его классическая русскоязычная версия (адаптация датируется 80-ми гг. XX в., автор неизвестен) не соответствует существующим реалиям в нашей стране, что рассмотрено нами в работе, опубликованной в прошлой году [см.: 3, с. 3]. Помимо вопросов относительно различий в том, какие характеристики рассматривались как маскулинные и фемининные во время разработки теста Сандрой Бем

и каковы они сейчас, возникают вопросы относительно точности перевода – многие слова многозначны (*affectionate*, *tender*, *gentle* можно перевести как «нежный»). Кроме того, при проведении теста у испытуемых возникали вопросы относительно некоторых качеств: «театральный», «падкий на лесть», «сильный» (психологически или физически?), «тщеславный», «имеющий тихий голос», «торжественный, важный», «инфантильный», «атлетичный» (атлет или выглядит как атлет?). Также в списке есть качества, смысл которых практически делает их синонимами (что встречается как на русском, так и на английском языке).

Сокращенная (модернизированная) версия опросника была предложена С. Бем в 1981 г. с целью увеличить внутреннюю согласованность теста [см.: 7, с. 4]. Интересно, что в инструкции на языке оригинала сказано дословно следующее: «Вам предлагается тест на определение гендерных характеристик, который покажет, как оцениваете Вы себя по маскулинным или фемининным характеристикам в своем поведении и чувствах». При этом возникает вопрос: повлияет ли такая формулировка инструкции на ответы испытуемых? Речь идет о том, что если испытуемый заранее знает о направленности теста, то это может привести к искажению ответов в сторону социально желательных.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу, мы предложили двум группам студентов-психологов 1-го курса один и тот же опросник – сокращенный (модернизированный) вариант теста С. Бем (25 девушек и 10 юношей в каждой из групп). Инструкция для первой группы была точно такой, как в оригинале, в инструкции для другой группы было сказано, что будет исследоваться «преобладание личностных особенностей в самовосприятии».

Результаты получились следующие. Среди девушек первой группы 60,8 % андрогинны, 26,1 % недифференцируемые, 13,1 % фемининные. Среди девушек второй группы 61,9 % недифференцируемые, 19,1 % андрогинные, 14,3 % фемининные, 4,7 % маскулинные.

Среди представителей мужского пола в первой группе 50 % недифференцируемых, 30 % андрогинов, по 10 % фемининных и маскулинных. Во второй 80 % андрогинны, 20 % недифференцируемые.

Как видно по результатам, гипотеза не подтвердилась: ни в одной из групп для каждого из полов нет очевидного перевеса в сторону маскулинности или фемининности соответственно, т. е. даже зная, какую цель преследует тест, испытуемые не стремятся подчеркнуть типичные для своего пола качества, чтобы выглядеть более социально желательно. Однако поскольку данная адаптация не стандартизована в нашей стране, мы не можем говорить об этом с уверенностью.

Стоит отметить, что в целом по выборке среди мужчин преобладает число андрогинов, а среди женщин – число недифференцируемых индивидуумов (а фемининных и маскулинных индивидуумов значительно меньше), что свидетельствует о том, что данная форма полоролевого опросника С. Бем показывает приблизительно тот же результат, что и его полная версия (в качестве примера: среди 80 испытуемых (40 мужчин и 40 женщин) 88,8 % андрогинны, 17,5 % опрошенных девушек фемининны; 2,5 % опрошенных мужчин маскулинны и столько же – фемининны) [см.: 6, с. 4].

Библиографические ссылки

1. *Бем С.* Линзы гендера : трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М., 2004.

2. *Берн Ш.* Гендерная психология. Законы мужского и женского поведения. СПб., 2007.

3. *Владимирова М. С.* Представления молодежи об актуальной гендерной дифференциации психологических качеств личности // Человеческое, слишком человеческое : проблема статуса гуманитарного исследования в XXI веке: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. студентов – стипендиатов Оксфорд. Рос. Фонда, 10–12 апреля 2013 г. Екатеринбург, 2012. С. 208–213.

4. *Воронцов Д. В.* Гендерная психология общения. Ростов н/Д, 2008.

5. *Кон И. С.* Подростковая сексуальность на пороге XXI века. М., 2001.

6. *Попова А. Н.* Исследование структуры представлений о фемининности и маскулинности на современной молодежной выборке : диплом. работа А. Н. Поповой / под рук. А. В. Гизуллиной ; УрФУ. Екатеринбург, 2013.

7. *Bem S. L.* The measurement of psychological androgyny // J. of Consulting and Clinical Psychology. 1974. Vol. 42. P. 165–172.

Д. А. Волкова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
3-й курс

ЗНАЧИМОСТЬ И НЕОБХОДИМОСТЬ ГРАЖДАНСКИХ МИССИЙ ЕС, УЧАСТИЕ ИТАЛИИ В ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ МИССИЯХ

2014 г. знаменует пятнадцатую годовщину Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), официально запущенной в Кельне в июне 1999 г. в качестве составной части Европейского союза общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ). ЕС благодаря запуску 23 миссий на четырех континентах создала себе авторитет на международной арене безопасности.

Интересно отметить, что из 13 текущих миссий ЕПБО 11 гражданских. Последние были развернуты в нескольких критических регионах, таких как Балканы – Босния и Косово, на Ближнем Востоке – на Палестинских территориях и в Ираке, Азия – Грузия и Афганистан, в Африке – Гвинея-Бисау и в Демократической Республике Конго (ДРК). Несмотря на такое численное превосходство гражданских аспектов ЕПБО, есть еще те, которые недостаточно исследованы, в то время как военные операции часто привлекают внимание как ученых, так и практиков. Тем не менее гражданские стороны ЕПБО приобретают все большую актуальность. Важную роль они играют (и могли бы играть) во многих текущих посткризисных ситуациях для целей государственного строительства, а также для повторного установления стабильности и верховенства закона, что в настоящее время является общепризнанным.

Среди стран-членов ЕС Италия занимает видное положение в области гражданских методов урегулирования кризисов. В самом деле, она является вторым крупнейшим донором (после Франции) со специализированным персоналом (около 272 специалистов из 2600 лотов), участвующих в полицейском обучении, верховенстве закона, пограничном контроле, реформах системы правосудия и постконфликтного мониторинга.

Гражданские миссии – это мощный европейский инструмент внешней политики, и большое участие Италии в кризисных районах получило всеобщее признание.

Таким образом, тема гражданских миссий является довольно актуальной, поскольку живя в современном мире, где ежедневно происходят стачки, конфликты как на локальном, региональном, так и на международном уровне, должна существовать развитая система безопасности и обороны, помогающая регулировать гражданские кризисы.

В. Э. Гладкая
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 3-й курс

ВЛИЯНИЕ ИНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Большинство государств мира неоднородны в этническом и религиозном плане, поэтому предоставление равных возможностей всем группам населения – это задача, от решения которой зависит успешное функционирование общества и государства. Вследствие этого многие страны реализуют политику мультикультурализма для предупреждения возможных конфликтов на этнической и религиозной почве, связанных с сосуществованием в одном пространстве разных культурных групп. В самом общем смысле мультикультурализм сводится к признанию правомерности и ценности культурного плюрализма.

Говоря о мультикультурализме, стоит рассмотреть европейский опыт его реализации. В связи с миграцией в рамках Евросоюза довольно давно возникла проблема роста численности мусульман в Великобритании, Германии, Швеции, Франции, в связи с чем повысилась потенциальная конфликтность в регионе. Благодаря развитию коммуникационных технологий, мигранты могут поддерживать связь со своими соотечественниками и постоянно подпи-

тываться культурой страны происхождения, в результате чего они не принимают культуру европейских государств, не интегрируются в нее, а сохраняют культурную обособленность. Таким образом, назрела проблема формирования замкнутых инокультурных сообществ, сопротивляющихся попыткам ассимиляции.

Согласно европейскому концепту политики мультикультурализма, мигранты должны принимать культуру европейского государства, в котором они проживают, его ценности и принципы, т. е. интегрироваться в его культурно-цивилизационную среду; государство же должно проявлять уважение к религиозно-культурной идентичности и реформировать свою институциональную структуру с учетом этого фактора. Соответственно массовая миграция мусульман в Европу оказывает значительное воздействие на ее государственные и политические институты, так как мусульманская диаспора является мощной социально-политической силой. В целом это влияние сводится к появлению новых центров власти и росту неопределенности и потенциальной конфликтности в современной системе международных отношений. Данный феномен описывается с помощью концепта полиархии, которую С. Браун определяет как систему, элементами которой являются «влиятельные неправительственные наднациональные и транснациональные акторы в дополнение к национальным правительствам» и которая «охватывает региональные и универсальные институты с наднациональными органами» [1]. Таким образом, данный концепт в наиболее упрощенной форме отражает основной тренд, в русле которого следует современная трансформация мировой системы управления: в направлении быстрого роста числа игроков различного веса, принимающих участие в этом менеджменте. Естественно, общины иммигрантов рассматриваются в качестве подобных игроков [1]. Демократические институты в такой ситуации обеспечивают наиболее благоприятные условия для успешного разрешения проблем. Однако даже в демократических обществах имеются какие-либо элементы дискриминации по отношению к мусульманским общинам. Этому способствует тот факт, что массовый приток малоквалифицированных мигрантов влечет за собой неизбежное заполнение ими определен-

ных ниш на рынке труда, что приводит к срастанию социальных и этнических меток. В обществе усиливается стратификация по социально-этническим признакам, что дает повод для острых конфликтов на почве «этнизации» социальных проблем [см.: 2], особенно на фоне затяжного экономического кризиса в Европе.

По Я. Питерсу, можно говорить о трех глобализационно-культурных парадигмах, или перспективах развития отношений между различными культурами и цивилизациями, существующими в одном жизненном пространстве: культурном дифференциализме, или сохраняющихся различиях; культурной конвергенции, или растущей похожести; культурной гибридизации, или постоянном смешении. Ключевым является отношение к культурно-цивилизационным различиям: приведет ли глобализация к их нивелированию, стиранию путем поглощения одних другими, гомогенизации (конвергенции); будут ли они, напротив, укреплены, увековечены (дифференциализм, лежащий в основе теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона) или же будет идти процесс их смешивания (гибридизации) [см.: 3]. Европейский вариант мультикультурализма был ориентирован скорее на конвергенцию, однако в нем преобладает первый концепт: сохраняется культурный дифференциализм, и культурно-цивилизационные различия лишь укрепляются. В качестве подтверждения этих слов отмечают рост исламофобии и национализма среди европейцев, сопровождающийся деятельностью соответствующих политических партий и неформальных организаций, таких как, например, «Остановим исламизацию Европы», «Лига английской обороны» и пр. Говоря о последствиях политики мультикультурализма, необходимо упомянуть двойной террористический акт А. Брейвика, норвежского националиста, который назвал проводимую находящейся у власти Норвежской рабочей партией политику мультикультурализма причиной теракта.

Таким образом, массовая миграция мусульман в Европу оказывает значительное влияние на государственное и международное управление. Образование мигрантами обособленных культурных сообществ, т. е. сохраняющийся культурный дифференциализм, способствует росту экстремизма среди мигрантов и ксенофобии,

и национализма среди европейцев. Политика мультикультурализма оказалась неспособной разрешить данную проблему. Межкультурный конфликт сохраняется, что оказывает негативное влияние на функционирование государства и международной системы в целом.

Библиографические ссылки

1. *Наумкин В.* Культурное многообразие, демократия и хорошее управление // Россия в глобальной политике : журн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Kulturnoe-mnogoobrazie-demokratiya-i-khoroshee-upravlenie-15956 (дата обращения: 15.07.2014).

2. *Троицкая О.* Количество вместо качества // Россия в глобальной политике : журн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Kolichestvo-vmesto-kachestva-15355 (дата обращения: 15.07.2014).

3. *Наумкин В.* Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике : журн. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/Tcivilizatcii-i-krizis-natcii-gosudarstv-16393 (дата обращения: 15.07.2014).

Е. Д. Глотова
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
4-й курс

ВЛИЯНИЕ ДОСУГА СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СЕМЬИ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ЛИЧНОСТИ

Досуговая деятельность является важным элементом любой семьи, ее отсутствие может вызвать нарушение функционирования института семьи в целом. Среди видов досуговой деятельности значительное место занимают те, кто помогает членам семьи не только содержательно отдохнуть (физкультура, туристский поход или выезд на природу), развить свои способности и дарования (чтение, музыка, решение различных головоломок, коллекционирование), но и сформировать семейные традиции и обычаи, таким видом досуга выступает праздник. С понятием праздника связывает-

ся не просто свободное от работы время, не просто отдых, а свободное время в значении важного социально-культурного акта, созидающего общечеловеческие ценности.

В ноябре 2013 г. нами было проведено исследование на тему «Праздник как вид семейного досуга». Объектом исследования выступили жители Екатеринбурга, у которых есть дети в возрасте до 16 лет. В исследовании мы использовали метод массового опроса, технику раздаточного анкетирования, в котором приняли участие 200 человек, и глубинное интервью.

Исследование показало, что досуг семьи, в частности праздники, занимают важное место в формировании личности ребенка и в усвоении им норм и правил. Например, данное явление может проявляться при подготовке к празднику: «Опыт детям дополнительный, особенно для девочки. Если я что-то готовлю, она тут же присутствует, помогает и сама этому учится» (Анна, 37л.).

Неотъемлемым элементом праздника выступает подарок, подготовка которого оказывает влияние на развитие самостоятельности и творческих начал в детях: «Например, с Машей мы вязали мышонка Богдана, я ей помогала. Но считаю, что дети должны делать подарки сами – никаких покупных. Они, конечно, пытаются экономить на каких-то обедах, шоколадках, начинают подкапливать, но я считаю, что это неправильно, это ни к чему. Если они хотят, они делают, я, конечно, не запрещаю. Маша хотела, она накопила и купила Богдану машинку. В целом я считаю, что нужно делать своими руками. И в нашей семье, как правило, так и происходит» (Екатерина, 40 л.).

Помимо приобретения практических навыков ребенок получает новые знания о стране, ее истории и традициях.

Проводя религиозные праздники, родители рассказывают о них своим детям. Больше половины ответивших на вопросы рассказывают о религиозных обычаях, традициях, обрядах; 42,1 % – о истории появления праздника и семейных традициях и лишь 12,8 % респондентов не передают никаких знаний своим детям.

Эти знания дают возможность приобщения к духовности русского народа, изучения вековых традиций, воспитания человека на христианских заповедях. Современному человеку просто необ-

ходимо все это не только знать, но и научиться чувствовать, а начинать надо с детства.

Причем, на рассказы о праздниках влияет образование респондента, поскольку если у человека низкий уровень образования, то он и сам может не знать истории и традиций праздника и не осознавать необходимость передачи данного опыта детям, а люди с высшим образованием передают больше информации о праздниках своим детям. Именно через непосредственное участие в коллективных торжествах дети воспринимают нормы, обычаи, т. е. духовные ценности старших поколений, что обеспечивает преемственность культурных традиций и играет огромную воспитательную роль в жизни подрастающего поколения. Давно замечено, что такие дети более активны, лучше учатся и развиваются.

Подводя итог, нужно сказать, что то, как осуществляется проведение праздников в семье, имеет значение для социализации детей. Качественная подготовка к празднику, организация родителями самого мероприятия с учетом возрастных особенностей благоприятно скажется на становлении личности ребенка, поэтому необходимо вовлечение детей в процесс подготовки и проведения мероприятия.

Наше исследование показало, что в 95,5 % случаев дети отмечают праздники с родителями – это является важным аспектом праздника, и следует всячески поощрять желание детей участвовать в праздничных мероприятиях.

И. С. Гринберг
департамент философии ИСПН УРФУ,
4-й курс

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ АКЦИОНИЗМА

В данной работе мы проведем анализ институционализации акционизма в современном российском обществе. Социолог и инициатор альтернативной премии «Российское активистское движе-

ние» Алек Эпштейн и журналист портала «Грани.ру» и «Новой газеты» Ника Максимюк пишут: «Художники так или иначе нашли свои пути в музеи и галереи современного искусства, коих в Москве и Питере довольно много, с большим или меньшим трудом проходя процесс институционализации. Акционисты же этого пути не могут пройти по определению, ибо институционализация акционизма станет его неминуемым концом. Основной принцип работы акционистов состоит в том, что зрителю больше не нужно идти в те или иные институции, будь то музеи, выставочные залы или академии, чтобы ознакомиться с новыми работами актуальных художников, акционисты сами приходят к зрителям, причем неожиданно» [1]. Учитывая эту особенность, мы будем рассматривать не официальную институционализацию, отношение не художника и государства, а художника и зрителя.

От публики может и не требоваться умение анализировать акцию и сразу же ухватывать все тонкие художественные аспекты, но необходимо умение понимать художественную составляющую той или иной акции. Одно из главных свойств акционизма – его эпатажность, акцию должны заметить, поэтому художники часто могут доводить ее до шокирующего эффекта. Можно привести пример арт-группы «Война». Например, одной из их акций было обклеивание галереи «Айдан» на винзаводе фотографиями известных национал-патриотов, деятелей РПЦ и некоторых политиков. Под их портретами были оскорбительные надписи, которые арт-группа взяла из комментариев на патриотический контент с сайта livejournal.com. Сама акция была устроена в защиту выставки «Запретное искусство», куратором которой являлся искусствовед Андрей Ерофеев. Сам он к этой акции отнесся, по его словам, так: «И хотя акция была устроена в мою защиту, я тоже выступил с осуждением и бросил в «Войну» камень… Их [правозащитников] просто, что называется, подставили. Они же пришли обсудить нарушения прав и свобод и вовсе не собирались прилюдно унижать людей [обвинителей], даже если эти люди – фашисты. Это уже, извините, за рамками общественной морали. Мы за толерантность и политкорректность, за право гражданина излагать любые мнения в ши-

роком общественном диалоге» [2]. Но при этой отрицательной моральной оценке сама оценка акции является адекватной, ведь «Группа "Война" культивирует дискурс отвращения и неприязни к фашистскому движению, вовлекая нас, помимо нашей воли, в ангажированные акции. В этом проявляется не вседозволенность художников, а, напротив, их ответственность в ситуации» [Там же], когда гражданами данная проблема игнорируется.

Большая часть подобных арт-групп существует в форме тусовки. Известный куратор и основатель «Художественного журнала» Виктор Мизиано пишет: «Так, тусовка не вписывается в контуры того, что принято определять официальной культурой. Она, собственно, и возникла как прямой результат распада официальной культуры и ее институций… Тусовка – это как раз и есть форма самоорганизации художественной среды в ситуации отсутствия институций и государственного протекционизма.

В то же самое время тусовка несводима и к андеграунду – этой типологической альтернативе официальной культуре. Альтернативность, собственно, и являлась конституирующим принципом андеграундного сообщества, которое, позиционируя себя по отношению к большой культуре, интериоризировало ее дисциплинарные принципы консолидации. Тусовка же – это как раз и есть форма самоорганизации художественной среды в ситуации отсутствия какого-либо внешнего репрессивного давления, в ситуации исчерпанности консолидации по принципам идеологического единомыслия, этики противостояния и "общего дела"» [3].

Но тусовка никак не общается со зрителем. На сегодняшний момент общение со зрителем производят СМИ, массмедиа. А. Эпштейн и Н. Максимюк в упомянутой статье говорят о роли документалистики в акциях. Чтобы акция существовала, ее необходимо осветить в СМИ, распространить. О большей части акций зритель узнает из новостных заголовков. Сейчас акция существует в основном для того, чтобы попасть в медиа. И большая часть публики наблюдает не саму акцию, а ее наблюдение и, что немаловажно, оценку. Первоначальная оценка формируется описанием акции. При этом подконтрольные государству СМИ описывают протест-

ные акции таким образом, что переводят акцию из художественного дискурса в политико-правовой. Как мы уже говорили, в данном дискурсе оценка акции однозначная, она либо соответствует закону, либо нет. Но освещение в СМИ идет невероятно быстро, за пару минут акция уже оказывается в политических трендах, и она не проходит стадию художественного анализа, и сразу переходит в политико-правовой дискурс. Любой анализ проходит уже после, как со стороны независимых аналитиков, так и со стороны автора или авторов акции. При этом довольно редкие СМИ могут дать нейтральное и независимое описание акции. Возникает необходимость в создании СМИ, которые смогут либо вести нейтральное и объективное описание той или иной акции, или же быть способны вести диалог в художественном дискурсе. Для публики не должно существовать обсуждения акции только в одностороннем порядке, как относится к этому официальное право. К несчастью, современный зритель привык доверять сведениям, которые существуют в рамках политико-правового дискурса, плюсуя к этому доверие к СМИ как идеальному источнику достоверных знаний. Но попытка вести диалог в рамках художественного дискурса упирается в барьер в виде морально-правовых рамок, где отношение однозначно и не может меняться. Человек не может быть виновен и невиновен одновременно, третьего здесь не дано, в отличие от осмысления искусства, когда можно соглашаться с акцией, признавать ее художественную природу и при этом осуждать ее с точки зрения морали.

Библиографические ссылки

1. *Эпштейн А.*, *Максимюк Н.* Проблемы документирования и изучения арт-акционизма в стране возрождающегося самодержавия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nlobooks.ru/node/4225 (дата обращения: 15.07.2014).

2. *Ерофеев А.* Группа «Война» и общественная мораль [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.aerofeev.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=209:e-lrr&catid=62&Itemid=157 (дата обращения: 15.07.2014).

3. *Мизиано В.* Культурные противоречия тусовки // Другой и разные. М., 2004.

К. К. Гусейнов
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
4-й курс

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГОСУДАРСТВА В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В истории развития общественной мысли представление о роли института государства в социальной организации общества как главного актора международных отношений претерпевало постоянные изменения. Новые международные реалии меняют представление о роли государства как главного политического института общества в сторону усиления его внешней политики. Тезис о том, что по мере втягивания общества в сферу наднациональных международных структур, транснациональных компаний внешнеполитические функции государственных органов отмирают и «понятие суверенитета теряет всякий смысл» [3], должен быть переосмыслен на основе накопленного опыта последнего десятилетия.

Современная глобальная ситуация не позволяет государствам самоизолироваться от международных процессов, поскольку она в перспективе может ускорить процесс накопления «критического материала» внутри общества, что при наличии определенных предпосылок – внешних и внутренних – может привести к политическому кризису. По мере интегрирования в международные институты усиливается влияние транснациональных структур на внутреннюю жизнь общества и, следовательно, расширяется пространство ответственности государства, изменяется качество работы государственных органов. Оно несет ответственность не только перед самим собой, своим народом, но и за эффективность работы международных институтов. Именно государственные институты призваны адаптировать международные императивы поведения, т. е. регуляторы, к местным условиям. От качества этой работы в известной мере зависит и сохранение собственной этнокультурной идентичности. Очевидно, что многие международные структуры, деклари-

руя принцип прозрачности своей деятельности, в реальности могут являться инструментом проведения постнеоколониальной политики со стремлением завоевания новых геополитических пространств для ведущих стран мира. Поэтому государственные органы в современной глобальной ситуации вынуждены часть своих полномочий, ставших системными и традиционными, делегировать на гражданские институты и регионы, для того чтобы освободить политическую энергию для адекватного реагирования на вызовы современности.

Нынешнее состояние международных отношений несет в себе и возможности модернизации общественных отношений стран и угрозу растворения в общей массе с перспективой полной потери этнокультурной идентичности. В роли главного субъекта модернизационных процессов выступает государство, поскольку только оно сможет выразить общенациональные интересы, мобилизовать и реализовать необходимый потенциал путем использования публичной власти. Независимо от того, какой путь модернизации – «самомодернизации» или «догоняющей модернизации» [см.: 5] – выбирают государственные органы, они обязаны сверять свои возможности с основными тенденциями мирового развития. На выбор пути модернизации влияют многочисленные факторы, такие как политические, религиозные, состояние общественной психологи народа, характер традиционных экономических отношений и т. д.

Развитие постсоветских и постсоциалистических стран Европы за последние два десятилетия показывает, что одним из ведущих факторов при выборе путей модернизации может являться природно-сырьевой потенциал страны. С некоторыми оговорками можно сказать, что модель «догоняющей модернизации» на этапе перехода к рыночной экономике предпочтительно выглядит для стран с богатыми природно-сырьевыми запасами, потому что экспорт сырья позволяет государству ускоренными темпами сглаживать острые противоречия в социальной сфере, а элите – быстро разбогатеть и решить проблему накопления первоначального капитала. Хотя эта тенденция несет в себе угрозу технологического отставания в перспективе, психология «быстрого обогащения» не всегда

согласуется с принципами патриотизма и даже национальной безопасности. В лучшем случае она оправдана принципом: сначала накопление капитала любыми путями, а потом решение технологических и инновационных задач внутри страны. В реальности получается порочный круг, выйти из которого могут только страны, имеющие сильно организованный политико-государственный аппарат и необходимый культурно-исторический потенциал. Такая возможность имеется в постсоветском пространстве только у России, и она может быть реализована в том случае, если удастся вернуть общественное сознание и общественное мнение большинства и элиты на историко-патриотическое русло.

В последнее время создаются некоторые благополучные условия для такого скачка. В контексте современных реалий крымские события марта 2014 г. служат важным историко-политическим стимулом самомодернизации российского общества. Не разделяя мнения, господствующего в СМИ, о случайности и неожиданности присоединения Крыма к России, можно было бы сказать: если даже не было бы Крыма, его надо было придумать. У страны появилась, образно говоря, возможность вернуться к исходному состоянию, предшествующему всеобщему увлечению принципами социальной организации западного мира. Но это «возвращение назад» может стать «движением вперед» [см.: 2, с. 127].

Библиографические ссылки

1. *Гаджиев К. С.* Политическая философия. М., 2004.

2. *Гегель Г.* Наука логики : в 3 т. М., 1970. Т. 1.

3. *Сергулин А. А.* Суверенитет : Современные дискуссии в теории международных отношений // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. 2010. Т. 19, № 16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://Cyberleiinka.ru/articl/n/suverenit (дата обращения: 29.03.14).

4. *Уткин А. И.* Глобализация : процесс осмысления. М., 2001.

5. *Федотова В. Г.* От догоняющей модернизации к национальной : теоретический аспект [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://Perspektivy.info/misl/concept/ot_do (дата обращения: 29.03.14).

Д. Л. Данилов
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, магистратура, 1-й год обучения

К. Е. Мукашева
департамент философии ИСПН УрФУ, магистратура, 1-й год обучения

ДОЛЖЕН ЛИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВУЗА БЫТЬ ПЕДАГОГОМ?

Позиции специалистов в области высшего образования и педагогики высшей школы могут быть разведены на две основные. Согласно первой «преподаватель высшей школы не обязан быть педагогом – это задача школы», и вторая точка зрения: «главная задача высшей школы – профессиональное воспитание, отсюда необходимость включения в структуру образовательного процесса компонента воспитания».

Учитывая ориентированность образовательных организаций высшего образования на научные исследования, можно констатировать, что современный университет – это обязательно научно-исследовательский комплекс. Педагогическая деятельность в высшей школе не может быть сведена к воспитательной, поскольку первую в чистом виде относят к общеобразовательным учреждениям. Что касается деятельности вузовского преподавателя, то она полидисциплинарна. В качестве основных ее видов могут быть выделены: учебная, учебно-методическая, научно-исследовательская. Все вышеперечисленное – это педагогическая деятельность в вузе. Не случайно правильнее говорить «вузовский преподаватель», а не вузовский педагог, поскольку воспитательный компонент педагогической деятельности, по нашему мнению, должен быть актуализирован максимально эффективно в общеобразовательном учреждении.

Структура педагогической деятельности с ее направленностью на личность может быть представлена в виде трехкомпонентной структуры «обучение – развитие – воспитание». Причем последняя выступает рамкой по отношению к процессу формирования личности. Получается, что задача педагога не просто дать знание студенту, а превратить это знание в одну из его практик, в свою оче-

редь задача высшего образования заключается в формировании личности специалиста, способного к саморазвитию, самообразованию, инновационной деятельности, решение которой возможно в процессе преподавания. Однако решение этой задачи вряд ли возможно только путем передачи знаний в готовом виде от преподавателя к студенту. Необходимо перевести студента из пассивного потребителя знаний в активного их творца, умеющего сформулировать проблему, проанализировать пути ее решения, найти оптимальный результат и доказать его правильность. Реализуемая в настоящее время реформа высшего образования связана по своей сути с переходом от парадигмы обучения к парадигме образования [см.: 1, с. 33]. Акцентируя внимание на воспитательном компоненте, мы убеждены, что он может быть актуализирован различными методами, например, через совместную деятельность, в том числе проектную и научно-исследовательскую.

Далее обратимся к таблице, в которой представлено содержание деятельности преподавателя вуза, учитывая основные ее компоненты: учебную, учебно-методическую и научно-исследовательскую деятельность (в оценках преподавателей вуза).

По данным, представленным в таблице, видно, что на сегодняшний день в деятельности преподавателей вуза преобладает учебная

Содержание преподавательского труда*
(в процентном соотношении к ответившим)

Вид деятельности	Преобладает	Должна преобладать
Учебная	48	27
Учебно-методическая	34	19
Научно-исследовательская	**18**	**54**

Примечание: * В рамках исследования «Инновационный потенциал преподавателей Уральского федерального университета» на этапе сбора информации (ноябрь 2012 г.) было опрошено 125 преподавателей 5 институтов Уральского федерального университета: ВШЭМ, ИСПН, ФтИ, ИЕН, ИнФО. Отбор преподавателей производился исходя из требований целевой выборки, которая позволяет учесть специфику устройства организационной структуры УрФУ.

деятельность (в оценках 48 % опрошенных), и лишь у 18 % опрошенных преобладает научно-исследовательская деятельность. Однако сравнивая данные в столбце 1 с тем, «как должно быть», научно-исследовательская деятельность должна стоять на первом месте (мнение 54 % опрошенных), откуда следует, что современный университет – это, в первую очередь, научно-исследовательский комплекс. Что касается воспитательной деятельности, о которой упоминалось выше, то она преобладает лишь у 1 % опрошенных, однако «должна преобладать» в оценках 3 % опрошенных.

Скорее мы можем говорить о том, что все-таки воспитательная функция – главная задача школы, однако справляется ли она с ней – вопрос остается открытым.

По нашему мнению, в условиях постоянных изменений, реформирования системы отечественного образования и реализуемого сегодня компетентностного подхода ограничение функциональных рамок высшей школы лишь обучением и развитием недопустимо, необходимо актуализировать и воспитательный потенциал высшей школы через профессиональное воспитание. При этом стоит учитывать, что профессиональные компетенции, которые преподаватель должен сформировать у студентов, должны быть сформированы не тривиальным путем императивного изложения того или иного материала преподавателем, а предполагает ориентацию на активные методы овладения знаниями. В этом контексте стоит озвучить, как минимум, две тенденции развития воспитательного потенциала педагогики высшей школы. С одной стороны, это увеличение интеракции между преподавателем и студентами путем совместной проектной работы или работы в группах, с другой – усиление роли самостоятельной работы студентов, так как самостоятельная работа увеличивает долю рефлексивности [см.: 2, с. 16] в их действиях. Это означает принципиальный пересмотр организации учебно-воспитательного процесса в вузе, который должен строиться так, чтобы развивать умение учиться, формировать у студента способности к саморазвитию, практическому применению полученных знаний, способам адаптации к профессиональной деятельности в современном мире.

Библиографические ссылки

1. *Арутюнян М.* Мировоззрение и образование : становление новой парадигмы // Высшее образование в России. 2004. № 12. С. 32–37.

2. *Огурцов А. П.* Постмодернизм в контексте новых вызовов науки и образования // Вестн. Самар. гуманит. акад. 2006. № 1(4). С. 3–27. (Сер. Философия. Филология).

А. В. Данилова
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 2-й год обучения

МОБИЛЬНОСТИ ГОРОЖАН И СЕТЕВОЙ КАПИТАЛ

Любые социальные взаимодействия находятся на расстоянии [см.: 1, с. 134]. Социология изучает социальные взаимодействия, поэтому, чтобы их изучать, необходимо обратить внимание на то, как эти расстояния преодолеваются и каковы они, т. е. на мобильности.

Горожанин одновременно является частью множества социальных взаимодействий, которые делают его частью реальных социальных групп. Совокупность существующих у индивида социальных связей называют сетевым капиталом. Наличие сетевого капитала обычно рассматривается как наличие ресурсов, позволяющих индивиду получать выгоды. Вместе с тем наличие сетевого капитала мы должны рассматривать и как необходимость совершать «работу» по поддержанию социальных связей. Поскольку мы рассматриваем мобильность как необходимый элемент социального взаимодействия, то предполагаем, что люди, обладающие большим сетевым капиталом, вынуждены быть более мобильными по сравнению с теми, кто обладает меньшим количеством социальных контактов*.

* Хотя, что из этого является определяющим фактором – более мобильные люди обладают большим сетевым капиталом или люди с большим сетевым капиталом являются более мобильными – не тривиальный вопрос, который не является предметом нашего обсуждения.

Мобильности сегодня образуют сложный комплекс явлений. Так, например, телесные перемещения горожан становятся тесно связанными с виртуальными, а виртуальные, в свою очередь, с коммуникационными.

Индивид при помощи мобильных устройств с доступом к Интернету, перемещаясь по городу, может сообщить о своем местоположении в социальных сетях, при этом дополнив данную информацию текстовым и фотосообщением.

Сопоставляя различные мотивы использования функции определения местоположения в социальных сетях и частотой ее использования, мы приходим к выводам о наличии статистически значимой связи и, следовательно, можем утверждать, что основными мотивами участников исследования, которые часто пользуются сервисом геолокации, являются следующие мотивы:

1. Стремление поделиться местоположением с друзьями, чтобы они знали, где их можно найти, где с ними можно встретиться;

2. Желание поделиться информацией о местах, которые стоит посетить;

3. Мнение, что отмечать свое местоположение интересно;

4. Желание похвастаться.

Люди, которые хотят, чтобы их друзья знали, где их можно найти, обладают достаточно большим количеством друзей: чем больше индивидуальная сеть контактов, тем чаще респондент отмечает свое местоположение для того, чтобы они знали, где его можно найти.

Таким образом, исходя из мотивов использования функции геолокации в социальных сетях, мы можем сделать вывод, что их применение связано с поддержанием социальных связей.

При этом чем больше сетевой капитал в социальных сетях, тем чаще респондент отмечает свое местоположение (коэффициент Гамма = 0,514).

Мы проверили также, влияет ли степень развитости сетевого капитала в обычной жизни на частоту использования функции геолокации. Оказалось, что чем больше сетевой капитал в обычной жизни у индивида, тем чаще он отмечает свое местоположение (т. е. сетевой капитал оказывает влияние на виртуальную мобильность).

Однако использование сервисов геолокации ориентировано в большей степени на поддержание дружеских отношений, нежели отношений родства, а также обладает локальной актуальностью, т. е. направлено на поддержание отношений в рамках города проживания.

Кроме того, чем больше сетевой капитал в обычной жизни, тем больше количество социальных сетей, которыми пользуется респондент (коэффициент Гамма = 0,370 при значимости 0,037). Другими словами, сетевой капитал из обычной жизни транслируется в социальные сети.

При этом поддерживать большой сетевой капитал оказывается сложнее, чем меньший, вследствие чего индивиды используют возможности социальных сетей максимально, т. е. частое использование геолокации при достаточно развитом сетевом капитале мы рассматриваем как дополнительную возможность поддерживать социальные связи, его составляющие, при помощи виртуальной или коммуникационной мобильности. Кроме того, среди людей, которые используют социальные сети с геолокацией, социальный капитал распределен неравномерно.

В ходе исследования удалось показать, что коммуникационная мобильность, которой, по сути, является использование геолокационного сервиса в социальных сетях, оказывается тесно связанной с физической повседневной мобильностью в рамках города.

Обе формы мобильности, в свою очередь, связаны с сетевым капиталом индивида.

Частота использования геолокации напрямую связана с размерами сетевого капитала, что указывает на необходимость дополнительной активности (мобильности) со стороны индивида при существовании достаточно большого количества социальных связей для их поддержания. Мобильность способствует поддержанию существующих социальных связей. Это означает, что чем больше индивидуальная сеть контактов индивида, тем более мобильным он вынужден быть.

Библиографические ссылки

Урри Дж. Мобильности. М., 2012.

В. А. Дихорь
департамент психологии ИСПН УрФУ,
4-й курс

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ И САМОРЕАЛИЗАЦИЮ РОССИЙСКИХ ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ

Сейчас футбольные фанаты – неотъемлемая часть любого матча. Количество людей, поддерживающих любимый клуб, растет в нашей стране ежегодно. В преддверии чемпиона мира 2018 г., который будет проходить в России, Министерство спорта активно поддерживает сообщества болельщиков, стараясь наладить с ними общий язык. Бесспорно, влияние государства на отношение общества к представителям фанатского движения велико, а значит, власть оказывает значительное действие на социализацию и самореализацию фанатов в России. Итак, рассмотрим взаимосвязь между поддержкой различных социальных институтов фанатской среды и уровнем их социализации.

Наше лонгитюдное исследование, начатое в 2010 г. на базе факультета психологии УрГУ, посвящено изучению особенностей восприятия и самовосприятия футбольных фанатов в России. На первом этапе в 2010–2011 г. был проведен соцопрос среди людей, индифферентно относящихся к футболу. Респондентам предлагалось выделить основные плюсы и минусы движения [см.: 1]. Главными недостатками оказались: сверхагрессивное поведение (82 %); разрушительные и антиобщественные проявления (вандализм) (6 %); «прожигание жизни в бесконечном болении», уход от других видов деятельности (6 %); склонность к разного рода аддикциям (алкоголизм, курение, наркомания) (6 %). Отвечая на тот же вопрос, футбольные фанаты высказали совершенно отличную позицию: хулиганы, порочащие движение (80 %) и непринятие обществом (8 %). Однако при ответе на вопрос об отношении властей к фанатам мнения обеих групп в большинстве своем совпали: государственные органы либо немного побаиваются (37,5 % – фанаты, 50 % –

нет) либо безразличны к представителям движения (37,5 % – фанаты, 20,5 % – нет). В СМИ в 2010 г. активно обсуждалось негативное отношение государства как социального института к среде болельщиков, они считались неадекватными и опасными, а значит, необходимо было их всячески прижимать и ограничивать их свободу. В результате никакого саморазвития и самореализации у российских болельщиков в этот период не наблюдалось, даже наоборот, поддержка на стадионах стала менее креативной и масштабной, потому что вместо мыслей о новых кричалках, баннерах и прочей атрибутике приходилось «защищаться» от общественного мнения.

В 2012–2013 гг. нашей задачей была проверка мнения об излишней агрессивности и неадекватности болельщиков, для этого опрошенные были продиагностированы по методикам Г. Айзенка на темперамент и А. Ассингера на агрессивность. В результате был составлен краткий психологический портрет футбольного болельщика. Оказалось, что фанаты обладают нормальным уровнем агрессивности, могут нередко страдать от недостатка оригинальности и уверенности в себе, их психическая активность направлена на окружающих и по особенностям темперамента большинство из них являются холериками и сангвиниками. В результате стереотипы не подтвердились.

В 2014–2015 гг. проводится исследование, посвященное выявлению стереотипов восприятия футбольных фанатов, а также их самовосприятия. Интересно было сравнить результаты с данными первого опроса. Отношение властей к фанатам значительно улучшилось, теперь в прокат выходят фильмы, посвященные героизму футболистов, поддержке на стадионах и за его пределами, а также множество развлекательных мероприятий для привлечения большего внимания к этому виду спорта. До 2018 г. планируется финансирование крупных проектов для болельщиков, включая общение с игроками сборной, встречи с руководителями топ-клубов и министром спорта. Более того, сейчас в нашей стране быть фанатом становится модно, почти каждый стадион оснащен семейными секторами, на которые можно приходить с детьми.

Однако вернемся к опроснику, 100 респондентам предлагалась методика ДМО Лири, в которой из 128 качеств требовалось выделить качества, наиболее соответствующие фанату. Опрошенные были разделены на две группы: в первую вошли опрошенные, лично знакомые с представителями движения, а во вторую – не знакомые. Основная задача такого деления заключалась в том, чтобы узнать, влияют ли такие социальные институты как друзья и семья, на восприятие. Результаты были получены следующие. У первой группы самыми распространенными качествами были: способен быть суровым (66 %), уверен в себе (55 %), любит соревноваться (55 %), критичен к другим (55 %), а во второй группе – стойкий и упорный, где надо (63 %), раздражительный (63 %), способен быть суровым (63 %). Подводя итог, заметим, что опрошенные, лично знакомые с фанатами, выбирали более позитивные качества, нежели представители второй группы. Это подтверждает гипотезу о влиянии социальных институтов на восприятие. Кроме того, важно отметить результаты, касающиеся мотивации фанаток и фанатов. По мнению первой группы, молодые люди приходят в движения из-за любви к спорту, клубу (55 %), чтобы было какое-то хобби (14 %), данные по второй группе во многом схожи: нравится вид спорта (25 %), влияние старшего поколения (25 %). Что касается мотивации девушек, то самыми популярными стали два ответа: любовь к спорту (первая группа – 24 %, вторая – 13 %) и ради окружающих мужчин, чтобы найти парня или поддержать его (первая – 38 %, вторая – 25 %). По этому показателю влияние семьи и окружения незначительно либо меньше, чем влияние государства как социального института. Важно отметить, что заметно меньше негативных ответов было получено по сравнению с результатами первого исследования. Улучшение отношения положительно сказывается и на самих представителях движения: стали развиваться семейные форумы болельщиков, российские фирмы (группы фанатов) стали занимать топовые места в международных конкурсах атрибутики, баннеров и видеороликов в поддержку любимых команд, в крупных городах фанаты проводят экскурсии по стадионам, а также делятся опытом с другими болельщиками.

Подводя итог, отметим, что стереотипы относительно фанатов меняются в положительную сторону благодаря большей информированности о жизни представителей движения, поддержке со стороны социальных институтов, которые оказывают большое влияние на восприятие фанатов, а значит, и на их социализацию.

Библиографические ссылки

1. *Дихорь В. А., Гизуллина А. В.* Психологический аспект проблемы футбольного фанатизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conf-v.narod.ru/Dix.pdf

Е. С. Дорожинская
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, магистратура, 1-й год обучения

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Современное состояние института высшего образования в России, являющегося одним из основополагающих социальных институтов общества, отражает все существующие противоречия трансформационных процессов, происходящих сейчас в стране. Несмотря на способность вузов успешно адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям внешней среды и предъявляемым к ним требованиям, в настоящее время система высшего образования в России имеет ряд парадоксов и логических несовершенств.

В последние годы одной из наиболее острых проблем, стоящих перед системой высшего образования, является успешный выход на международный рынок образовательных услуг российских вузов, т. е. их включение в единое европейское образовательное пространство. Данный процесс предъявляет целый ряд требований к учебным заведениям. Один из основополагающих принципов Болонского процесса характеризует необходимость введения в систему высшего образования двухуровневой структуры – бакалавриата и магистратуры. В ряде вузов России эта структура внедряется

уже достаточно давно. Однако работодатель в большинстве случаев до сих пор не понимает различий данных категорий, что затрудняет формирование рынка труда, в особенности для бакалавров.

В связи с участием России в Болонском процессе тенденция интернационализации образования становится одной из основных и самых значимых. На сегодняшний день можно наблюдать рост числа иностранных студентов в нашей стране, однако он не соответствует потенциальным возможностям нашей страны. В 2010–2011 гг. Российская Федерация оказалась на 9-м месте в мире по числу иностранных студентов, и доля их составляла лишь 2 % от общего количества студентов. Таким образом, перед вузами стоит две проблемы: привлечение иностранных студентов для обучения в нашу страну и создание определенных условий, необходимых для успешной адаптации, дальнейшего проживания и обучения мигрантов. К сожалению, на сегодняшний день большинство российских учебных заведений не удовлетворяют требованиям, которые предъявляют к ним образовательные мигранты, и поэтому в качестве страны обучения они выбирают Германию, Францию, Австралию, Китай, Японию и др.

Еще одной проблемой, стоящей на пути развития института высшего образования в России, является убыль населения. По данным последней переписи естественная убыль населения составляет около 0,6 млн человек в год. Это значит, что за 10 лет после последней переписи – к 2020 году мы потеряем 6 млн человек [см.: 1]. Важно отметить, что население России стареет.

Таким образом, вузы последние 5 лет уже испытывают на себе последствия демографического кризиса начала 90-х XX в. и будут испытывать их ближайшие 10 лет.

Многие ученые констатируют тот факт, что качество российского образования с каждым годом становится хуже. Связано это, в первую очередь, с тем, что в основном коммерческие вузы «гонятся за количеством выпускников, а не за качеством предоставляемого образования». В обществе стал формироваться стереотип о том, что наличие диплома о высшем образовании, а не знаний в голове учащегося становится необходимым условием для трудоустройства, вне зависимости от полученной специальности.

В данной работе мы обозначили лишь некоторые из существующих проблем института российского высшего образования. Дальнейшее развитие высшего образования в России зависит во многом от позиции государства, проводимой социальной политики и признания приоритетности рассматриваемой сферы.

Библиографические ссылки

1. *Денисов А.* Рогов : Два пути экономики : новая модель роста либо долгосрочная стагнация [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://strategy2020.rian.ru/news/20111021/366181317.html (дата обращения: 15.07.2014).

Е. С. Елисеева
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, магистратура, 2-й год обучения

ВЛИЯНИЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА НА РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Уже давно ни для кого не является секретом, каким серьезным изменениям подвергается на сегодняшний день функционирование большинства современных российских социальных институтов. Правительством осуществляются реформы в области медицины, пенсионные реформы, реформа банковского сектора, административная реформа, реформа образования и др. О последней и пойдет речь в данной статье. Главным образом нас интересует реформа высшего образования в современной России и опасности, которые она с собой несет.

Данная реформа заключается прежде всего в переходе всей системы высшего образования на двухступенчатую модель, подразумевающую сокращение количества лет обучения при получении «базового высшего» образования до четырех лет и возможность получения более высокого уровня образования в магистратуре

в течение двух дополнительных лет, а также переход на систему конвертируемых кредитов, что ведет к полному переписыванию государственных образовательных стандартов и учебных программ. Основной целью «Болонского соглашения» является сближение и гармонизация систем образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Таким образом, государство обещает нам возможность получения диплома, который будет с большим успехом конвертироваться в странах Европы, позволяя выпускникам беспрепятственно строить карьеру за рубежом.

На протяжении нескольких лет представители ведущих вузов России постоянно обсуждают целесообразность перехода на Болонскую систему образования и зачастую приходят к мнению, что такая система губительна для российского образования, с ностальгией вспоминая классическое советское образование [см.: 1]. Однако не все ученые склонны воспринимать эти изменения резко отрицательно. Например, коллектив авторов, анализирующих проблемы реализации Болонских соглашений в российской высшей школе, приходят к выводу, что «повышение качества российского образования – не практически недостижимая цель, а довольно близкая реальность. И для того, чтобы воплотить ее в жизнь, нужно лишь четко сформулировать цели, довести их до большинства участников процесса и грамотно просчитывать каждый шаг по дальнейшему реформированию системы образования» [Там же]. Мы полагаем, что для качественного перехода на систему высшего образования, согласно Болонской декларации, необходима адаптация данной системы в течение длительного времени к российским реалиям, к студентам и преподавателям. На деле же получается, что преподаватели и студента сами должны приспосабливаться к внедренной системе. Данный факт вызывает недовольство со стороны субъектов образовательной деятельности по всей России.

Рассмотрим некоторые недостатки Болонского процесса, отмечаемые исследователями данного вопроса:

1. Невероятная формализация, на которую работают и система кредитов (общих зачетных единиц), и модули, и рейтинги. Как

утверждает один из авторов инициативного сайта, выступающего против реформирования системы образования, Сергей Кузбасский, при своей очевидной формальности система рейтингов вгоняет людей (студентов, преподавателей) в абсолютно противоестественное состояние прямой конкуренции. Для рынка, возможно, это и хорошо, по мнению автора, но для образования убийственно.

2. Маркетизация: образование превращается в «клинически рыночную» систему. Потребности рынка сиюминутны, тогда как система высшего образования не должна быть нацелена на окупаемость в ближайшие сроки.

3. Отказ от фундаментальности. Данный факт, по мнению авторов, напрямую связан с ограничением творческих возможностей студентов. В Германии, например, при введении системы данная претензия стояла на первом месте.

4. Максимальная индивидуализация процесса обучения, сведение роли преподавателя к роли консультанта с минимумом аудиторных часов, превознесение самостоятельного выбора студентом изучаемых курсов. По мнению противников Болонского процесса, образование должно быть в значительной мере репрессивным, потому что человек в принципе ленив. Следовательно, нельзя допускать свободы выбора образовательных курсов студентами, который вряд ли будет комплексным и не сделает их настоящими профессионалами [см.: 2].

Существует множество других недостатков, выделяемых учеными и активистами, занимающимися исследованием перехода российской системы образования на Болонскую систему. Если попытаться объединить все выделяемые недостатки и проблемы данной системы в одну фразу, то, полагаем, можно отметить неподготовленность существующей образовательной среды для внедрения такой системы, которая по факту является инородной и губительной для качественной подготовки специалистов. Практика других стран также показывает, что работодатели недовольны низким уровнем знания выпускников, обучавшихся на бакалавриате. Таким образом, Болонская система низводит систему образования до уровня сферы услуг. А сфере услуг важно выкачивать из клиен-

та деньги. Поэтому вся система построена так, чтобы человек учился, переучивался, снова переучивался – пока хватит денег, отмечает П. Расинский [см.: 3].

Но от данной системы нелегко и преподавателям вузов, так как предоставляемая системой возможность самостоятельного выбора курсов для набора кредитов позволяет студентам выбирать наиболее рекламируемый курс или же курсы тех преподавателей, которые меньше спрашивают по предмету и дают скорее поверхностные знания. Преподавателей же с наименее популярными курсами будут сокращать, снижать ставку. Таким образом, практически все преимущества данной системы терпят крах в столкновении с требованиями реальности.

Библиографические ссылки

1. *Егорова Л. Е., Кондратьева О. Е., Росляков П. В., Шведов Г. В.* Проблемы реализации Болонских соглашений в российской высшей школе // Наука и образование : науч. изд. МГТУ им. Н. Э. Баумана. М., 2013.

2. *Литовченко А.* «Болонская деградация» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://netreforme.org/poroki/ (дата обращения: 30.03.2014).

3. *Расинский П.* Болонская химера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gazeta.eot.su/article/bolonskaya-himera (дата обращения: 30.03.2014).

А. И. Ефимова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
3-й курс

РОЛЬ «ГРУППЫ ВОСЬМИ» В ПРОТИВОСТОЯНИИ ГЛОБАЛЬНЫМ ВЫЗОВАМ XXI в.

Понятие международных угроз и вызовов в новом тысячелетии приобрело качественно иное значение. Повышение уровня безопасности в военной сфере привело к тому, что на передний план выходят новые, нетрадиционные вызовы международной

безопасности, такие как проблемы энергетической безопасности, борьбы с транснациональным терроризмом, вопросы глобального изменения климата, демографическая проблема, низкий уровень здравоохранения и образования в странах Третьего мира. В этих условиях все большую роль в противостоянии вызовам играют международные институты, среди которых особенно выделяется «Группа восьми».

Образованная как механизм неформального регулирования международных отношений, «Группа восьми» представляет собой неофициальный политический клуб экономически наиболее развитых государств мира. Данный механизм начал формироваться в 1975 г. в ходе встречи лидеров шести государств (США, Великобритании, Франции, Италии, ФРГ и Японии) в Рамбуйе, обусловленной необходимостью координации внешней политики в целях преодоления последствий энергетического кризиса 1973–1974 гг. В дальнейшем по мере увеличения участников существенно возросла сфера проблем, обсуждаемых в рамках «Большой восьмерки». В повестку дня вошли вопросы о нераспространении ОМУ, урегулировании региональных конфликтов, противодействии транснациональному терроризму, решении экологических проблем, борьбе с эпидемиями и т. д. Особое внимание в рамках «Группы восьми» носит содействие развитию стран Африки. Инициативы, направленные на улучшение качества и продолжительности жизни за счет преодоления голода, реализации сельскохозяйственных программ, улучшение инвестиционного климата, развития устойчивых региональных финансовых рынков и финансовых структур. В частности, наиболее значимым является решение лидеров «восьмерки», принятое в 2005 г. на саммите в Глениглсе, по списанию долгов развивающихся стран в объеме 100 %, а также содействию их интеграции в международные торговые и экономические процессы.

В области международной безопасности особого внимания заслуживает программа глобального партнерства, утвержденная в июне 2002 г. в ходе саммита «Большой восьмерки» в Кананаскисе (Канада). Данная инициатива, направленная на борьбу с распространением оружия и материалов массового уничтожения и предот-

вращение доступа к ним террористов, стала ответом «Группы восьми» на события 11 сентября и доказывает ее способность реагировать на возникновение новых вызовов международной безопасности и выстраивать согласованную политику по противостоянию им.

В целом «восьмерка» демонстрирует эффективный механизм управления, способный реагировать на новые вызовы и угрозы XXI в. Узкий круг участников и схожесть их интересов позволяют государствам «Большой восьмерки» легко находить консенсус и координировать действия. Представляя собой своеобразную площадку для обсуждения совместных действий на международной арене, она является неформальным форумом и, в отличие от структурно оформленных международных организаций, менее отягощена бюрократическим аппаратом, не имеет бюджета и устава, ее деятельность не регулируется каким-либо межгосударственным соглашением. Это позволяет главам государств легко находить консенсус и координировать свои действия.

Однако в последнее десятилетие в адрес «Группы восьми» все чаще звучит критика. Прежде всего ее нельзя назвать глобальным механизмом в силу отсутствия в ее составе таких стран, как КНР, Индия, ЮАР, Бразилия, Египет. С этой точки зрения гораздо более эффективной является «Группа двадцати».

К тому же встречам в рамках стран «Большой восьмерки» свойственна «тематическая стагнация» [см.: 1]. Это проявляется прежде всего в продолжительных и, кажется, нескончаемых дискуссиях относительно проблем развития стран Африки, которые ведутся фактически с самого начала функционирования «клуба». Также стоит отметить, что особенно в последнее время деятельность «Восьмерки» критикуется в силу того, что она уже давно превратилась из площадки для обсуждений в форум личностей и битву имиджей. Членство в этом институте, как отмечал председатель российского Президиума Совета по внешней и оборонной политике Ф. Лукьянов, является скорее «ритуальной вещью, чем содержательной»[2].

В целом «Группу восьми» можно назвать уникальным институтом современной мировой политики, который в силу своего неформального характера, придающего его деятельности особую гиб-

кость и широту, способен реагировать на вызовы международной безопасности. Целью настоящей работы является анализ механизмов и особенностей деятельности данной структуры, понимание которых является необходимым в рамках текущей международной обстановки, когда имидж страны и ее престиж на мировой арене играют важную роль. В свете вышесказанного основными задачами работы являются:

- характеристика и особенности деятельности «Большой восьмерки»;
- основные инициативы по противостоянию вызовам современной международной безопасности;
- критика и проблемы взаимодействия государств в рамках данного института.

Библиографические ссылки

1. *Луков В.* «Группа восьми». Дипломатическая академия МИД России. М., 2005.

2. *Григорьев А., Васильев В.* Россия и «Большая восьмерка» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.golos-ameriki.ru/content/ag-on-russia-and-g8/1826879.html (дата обращения: 05.04.2014).

М. А. Жукова
департамент философии ИСПН УрФУ,
2-й курс

ЯЗЫК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Язык – одна из составных частей культуры. Это своеобразный опыт, багаж, накопленный многими поколениями. Б. М. Гаспаров также представляет язык как среду, в которую помещен человек [см.: 1, с. 2]. Эта среда постоянно меняется с каждым новым употреблением тех или иных выражений, в зависимости от настроения, собеседника, внешних условий. Такое понимание языка сходно с пониманием культуры как «хранилища» опыта. Он живет, изменяется, однако мы не можем повлиять на эти изменения. Языко-

вой знак произволен, по мнению Ф. де Соссюра: «Если по отношению к выражаемому им понятию означающее представляется свободно выбранным, то, наоборот, по отношению к языковому коллективу, который им пользуется, оно не свободно, а навязано. У этого коллектива мнения не спрашивают, и выбранное языком означающее не может быть заменено другим» [2, с. 74].

Осмысляют язык совершенно по-разному. Н. С. Автономова говорит: «Концептуальный каркас нашего анализа современных лингвистических построений – уже в общем мыслительном поле, а не в пределах той или иной концепции – очерчивается, таким образом, двумя главными моментами: с одной стороны, усиливается аргументация "рационалистических" (точнее, рассудочных) трактовок языка, с другой – одновременно все четче прорисовываются "творческие", "исторические" подходы к языку, нередко осмысляемые как антитеза рациональности» [3, с. 210] . Так или иначе, язык является определенной площадкой, ограниченной, собственно, возможностями этого самого языка, в рамках которой мы мыслим все происходящее. Таким образом, сам язык задает способ мысли. Бесспорно, можно заметить, что один и тот же фильм или книга на языке оригинала и в переводе воспринимаются, мыслятся по-разному. Дело тут не в разности самих мыслей, а в разности подходов к ним.

«Проблема языка возникает в XX в. в связи с кризисом общения, кризисом культуры как неотъемлемой частью общего социального кризиса. Ломка традиционных устоев социальной жизни, человеческого общения, крушение прежних мировоззренческих систем, придававших индивидуальному опыту целостность и осмысленность, а отношениям между людьми естественность и понятность, потребовали выработки новых жизненных устоев, новых рецептов и критериев понимания человеком самого себя, мира, общества. [3, с. 214]. И таким критерием стал язык, с помощью которого начали изучать бессознательное. Что же первичнее: слово или разум?

Именно язык, по мнению Лакана, является ключом к бессознательному. Любая болезнь проявляется в языке. С помощью него можно понять, что беспокоит пациента. Язык – это единственный

унитарный способ связи нашего разума с другими людьми, понятный всем. «Лакан заключает: тайна бессознательного – в языке, разгадка этой загадки – в уподоблении бессознательного языку: “бессознательное структурировано как язык”, “бессознательное – это речь Другого” и пр. Истину бессознательного нужно искать не в сознании, а в “другом месте” – в языке, в структуре означающей цепи» [3, с. 231].

Можно определенно сказать, что бессознательное и язык связаны. Не важно, какой позиции, экзистенциалистской или структуралистской, мы придерживаемся, мы подразумеваем существование некого влияния. Оно может быть названо *бытие* или *бессознательное*, но суть его очевидна. Это представление кардинально отличается от того представления, которое царило в философии раньше. Благодаря лингвистическому повороту XX в., язык стал полноправным участником, создателем бытия в сознании современных философов, а не слугой мысли, каким был ранее.

Библиографические ссылки

1. *Гаспаров Б. М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.,1996.

2. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / под ред. Ш. Балли и А. Сеше. Екатеринбург, 1999.

3. *Автономова Н. С.* Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988.

Ю. И. Звиревич
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

ДЕМОНСТРАЦИЯ ФУНКЦИЙ СЕМЬИ В РЕКЛАМЕ

В настоящее время существует широкое многообразие рекламных образов. Реклама достаточно уверенно заявила о себе как о профессиональном воплотителе потребительских предпочтений. Таким образом, реклама берет на себя социальную роль управления в области потребительских практик. Одним из удачных рек-

ламных образов является образ семьи, потому как семья была, есть и будет важнейшим социальным институтом во все времена. На семью обращают большое внимание в различных отраслях, в том числе и в рекламе. На сегодняшний день имеется большое количество рекламы, посвященной семейной тематике. Данную тенденцию развития рекламы, использующей семью как сильную мотивацию к покупке товара, можно объяснить тем, что в современном обществе семейные ценности занимают лидирующие позиции среди всех жизненных ценностей, несмотря на негативные явления в области семьи и брака. В этой связи реклама, использующая образ семьи, является эффективной с экономической и психологической точки зрения, поскольку людям приятно наблюдать по телевизору и в журналах счастливые во всех отношениях семьи.

Говоря о функциях семьи, следует помнить, что речь идет о социетальных результатах жизнедеятельности миллионов семей, которые обнаруживаются на уровне общества, имеют общезначимые последствия и характеризуют роль семьи как социального института среди других институтов общества. Важно подчеркнуть, что это – функции общества, как бы закрепленные за специализированными на их выполнении институтами, и поэтому у каждого из институтов есть функции, определяющие уникальность, профиль данного института, и функции, которые сопровождают действие основных. Нельзя делить функции семьи на главные и второстепенные, все семейные функции – главные, однако необходимость указать среди них на те особые, которые позволяют отличить семью от других институтов, привела к выделению специфических и неспецифических функций семьи [см.: 1, с. 78].

В воззрениях А. Г. Харчева специфические функции семьи вытекают из ее сущности и отражают ее особенности как социального явления, тогда как неспецифические функции – это те, к выполнению которых семья оказалась принужденной или приспособленной в определенных исторических обстоятельствах. Наличие личных потребностей в семье и детях, личных желаний и влечений к браку и семье – очень важное обстоятельство, показывающее, что существование семьи и общества возможно только пото-

му, что миллионы людей испытывают потребность в семейном образе жизни и потребность в детях, и лишь благодаря этому происходит воспроизводство населения [см.: Там же, с. 66]

Основными функциями семьи, по мнению И. В. Гребенникова, являются следующие функции:

- репродуктивная;
- экономическая;
- воспитательная;
- коммуникативная.

М. С. Мацковский основные функции современной семьи дополняет следующими функциями: хозяйственно-бытовой, социально-статусной, эмоциональной, сексуальной, сферой первичного социального контроля, сферой духовного общения.

Перед нами стоит задача выделить функции семьи, транслируемые посредством рекламы. Обратимся к классификации И. В. Гребенникова, специалиста в области семьи и семейного воспитания. Автор выделяет первую функцию – репродуктивную. Данная функция находит отражение в рекламном образе семьи, в составе которой имеются дети. Поскольку подавляющее большинство рекламных образов представлено родителями и детьми, мы можем предположить, что репродуктивная функция семьи (потребность в детях) в полной мере отражается посредством семейных образов.

Следующая важная функция – экономическая. Отражение данной функции находит образ семьи, состоящей из матери и ребенка. Хотелось бы отметить, что данная модель семьи является не отражением супружеского одиночества, а акцентированием внимания на роли матери как олицетворении заботы, ухода и воспитания, а наличие отца предполагается и выражается ролью занятого человека, трудящегося во благо своей семьи. Кроме того, данная модель семьи демонстрирует и ее воспитательную функцию.

Следующая функция семьи – коммуникативная. Эта функция представлена видами деятельности в рекламе. Кормление ребенка является самой частой деятельностью, встречающейся в рекламе (39,09 % рекламных единиц). Родители играют с ребенком в 15,74 % рекламных сообщений. Родители и ребенок лежат вместе в 9,64 %

рекламных единиц. Менее частой деятельностью родителей и детей являются варианты: «сидят за столом» (7,61 %), «родители купают ребенка» (6,6 %), «гуляют» с ним (6,09 %). Еще менее встречающейся семьей являются родители и дети, которые общаются (4,57 %) и самые редко встречающиеся рекламные сообщения, где семьи целуются (1,52 % рекламных единиц) и семьи, которые едут или идут (0,51 %).

Отметим, что реклама, ориентированная на семью, демонстрирует все важные функции и ценности семьи. Массовый характер коммерческой рекламы позволяет утверждать, что она является инструментом сохранения и поддержания в массовом сознании мысли о том, что семья является важнейшей ценностью.

Библиографические ссылки

1. *Антонов А. И., Медков В. М.* Социология семьи. М., 1996.

Е. И. Иващенко
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 4-й курс

К ПРОБЛЕМЕ ЛИКВИДАЦИИ МАЛОКОМПЛЕКТНЫХ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ

Проблема ликвидации малокомплектных и сельских школ возникла в нашей стране и нашей области давно и продолжает оставаться актуальной. В 2010 г. в Свердловской области было закрыто 152 сельских учебных заведения [см.: 4]. Но сегодня с легкой руки властей проблема стоит еще острее. 17 октября 2012 г. Госдума приняла законопоект «Об образовании в РФ»; в 2013 г. он вступил в силу и заменил закон «Об образовании в РФ» 1992 г. и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». В нем декларируется, что муниципальная образовательная организация может быть реогранизована или ликвидирована с согласия представительного органа городского округа или муниципального района [см.: 6]. Ранее же это решение принималось

только с согласия схода жителей населенных пунктов, обслуживаемых данным учреждением [см.: 5]. Такой расклад дел чрезвычайно упрощает процедуру закрытия сельских школ.

Причины данного решения в основном экономические. А вот последствия являются намного более многогранными. Школа в деревне – это единый центр культурной жизни села; с ее закрытием мы ставим крест на каждой из деревень, где это произошло, провоцируем рост оттока населения в город, возникновение «синдрома пустого гнезда» и вымирание деревень. Далеко не у всех детей есть возможность каждый день направляться на учебу в соседний населенный пункт, не каждый населенный пункт может позволить себе содержание школьного автобуса.

Уничтожая малокомплектные школы, мы уничтожаем часть самобытности нашей культуры и особый пласт образования, основанный на формировании у детей самостоятельности и на осуществлении индивидуальной работы учителя с ребенком.

В других странах тоже существует данная проблема, но борются с ней иными методами. В Финляндии действует специальная организация «Сельское движение»; она особо активна в Лапландии, где проживает коренной народ Финляндии – саамы. Там имеются малокомплектные школы (13 в 2008 г.); детей в них отвозят на специальном такси, расходы на которое покрывает муниципалитет [см.: 7].

В США стремятся сохранить каждую сельскую школу. Если же в районе осталось совсем мало учеников, то создаются однокомнатные школы. Есть одно принципиальное отличие от России: педагогов таких учреждений поощряют материально, их зарплата почти в 2 раза выше зарплаты городских коллег [см.: Там же].

В Канаде 60 % школ – сельские, из них 50 % имеют менее 200 учеников, а 65 % (из вышеуказанных 50) – менее 50 человек. Проблемы Канады близки к нашим; там действует схожая с нашей система оплаты преподавательского труда, по которой зарплата учителя рассчитывается по количеству учеников. Но в Канаде активно практикуется использование передовых технологий: например, школьники Нельсонской сельской школы регулярно прини-

мают участие в конференциях и дискуссиях посредством использования Skype [см.: 2, с. 3; 3]

В северной части Австралии находится порядка 300 сельских школ, но здесь власти пошли еще дальше. На сайте Министерства образования находится информация относительно двух программ, предоставляющих рабочие места педагогам: там указан размер годовой заработной платы, говорится, что для педагога будет организован ежедневный трансфер до школы (или предоставлена съемная квартира, если населенный пункт располагается слишком далеко), а через 2 года работы учитель сможет получить свое жилье [см.: 1].

В своей работе я анализирую ситуацию, сложившуюся и в других странах. В некоторых из них были найдены альтернативные решения или придуманы способы борьбы с проблемой; в иных же ситуация плачевна, как и в России.

В заключение хочу подчеркнуть, что, на мой взгляд, решение о принятии закона 2012 г. «Об образовании в РФ» было ошибкой, которая повлечет за собой дальнейшее ускорение упадка сел и деревень и уничтожит чудом сохранившийся осколок нашей самобытности.

Библиографические ссылки

1. Country and Metropolitan Teaching Programs [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://det.wa.edu.au/careers/detcms/navigation/category.jsp?categoryID=14130286 (дата обращения: 15.07.2014).

2. *Mulcahy Dennis M.* Why do rural education? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mun.ca/educ/faculty/mwatch/fall96/mulcahy.htm (дата обращения: 15.07.2014).

3. Nelson Rural School, New Brunswick, Canada [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.historypin.com/community/schools-nelson (дата обращения: 15.07.2014).

4. В Свердловской области закроются почти 200 школ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.fedpress.ru/federal/polit/society/id_195532.html (дата обращения: 15.07.2014).

5. Об образовании: закон РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/popular/edu/ (дата обращения: 15.07.2014).

6. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон [Электроный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158429 (дата обращения: 15.07.2014).

7. *Червонный М. А.* Проблемы малокомплектной школы в современной образовательной ситуации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-malokomplektnoy-shkoly-v-sovremennoy-obrazovatelnoy-situatsii-primery-raznyh-stran (дата обращения: 15.07.2014).

А. С. Калихина
департамент философии ИСПН УрФУ,
3-й курс

ИНСТИТУТ «ДОЛГА» В СИСТЕМЕ ЯПОНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Когда речь заходит о Японии, то одной из ее характерных черт с уверенностью можно назвать иерархизацию. По отношению к ней можно говорить о таком понятии, как концепция «подобающего места», которая не будет означать стремление подняться вверх, но четкое определение места каждого и знание, как поступать в той или иной ситуации. А значит, такая концепция освобождает человека от нравственных терзаний и психологического напряжения, ведь для каждой ситуации есть свой строгий протокол поведения. И в такой ситуации главным будет «хватило ли силы духа и решимости выполнить долг, а уж сам долг давно определен» [1, с. 22].

Из иерархизации вытекает сложная структура долга, причем без необходимости никто не будет принимать на себя обязательства, которые несет за собой долг. Однако понятие «Долга» (Он, 恩) подразумевает под собой долг, который появляется вместе с рождением человека. Такой долг будет называться «Гиму» (義務) и по своей сути будет являться неоплатным. В понятие «Гиму» будут входить такие виды долга, как «Тю» (忠) – долг перед императором; «Ко» (孝) – долг перед родителями; «Нуси» (主) – долг перед хозяином; «Си» (師) – долг перед учителем. Такой долг просто жизнен-

но необходимо признать и сделать все для его оплаты, причем стоит помнить, что оплатить такой долг просто невозможно и никакие подсчеты к нему неприменимы, ибо это долг длиною в жизнь. Совсем по-другому дело обстоит с «Гири» (義理) – второй разновидностью «Долга», где как раз все подчиняется скрупулезным подсчетам и понятию эквивалентности. Причем одной из серьезных ошибок для японца будет нарушение эквивалентности при оплате «Гири», что будет означать оскорбление и навязывание нежеланного «Долга». Вот как трактуют «Гири» японские толковые словари: «Праведный путь; путь, которым должен следовать человек; то, что человек вынужден делать не по собственному желанию, чтобы оправдать себя перед миром» [1, с. 173]. Необходимо отметить, что «Гири» также делится на «Гири перед миром», которое представляет собой некое подобие «контрактных» обязательств, и «Гири перед именем», заключающееся в незапятнанности своего имени и репутации (именно здесь находит свое начало такой феномен, как *Сеппуку*).

В «Гири перед именем» входит соблюдение всех разнообразных требований этикета относительно «подобающего места», демонстрация способности терпеливо переносить боль, защита профессиональной репутации и мастерства. Но самое главное – «Гири перед именем» обязательно требует смыть с себя позор или оскорбление, если таковые появятся.

Основными способами восстановить свое доброе имя будут либо самоубийство, либо месть. Однако существуют и другие, не столь радикальные способы восстановления чести и достоинства. Стоит также отметить, что подобное поведение вовсе не рассматривается как акт агрессии – в Японии, в отличие от Запада, считается, что отплатить нужно как за благодеяние, так и за оскорбление. Только таким образом можно удерживать мир в гармонии («Ва», 和) и равновесии.

Если говорить о нерадикальных проявлениях собственного достоинства, то прежде всего это будут самообладание и стоицизм. Необходимость «держать лицо» предполагает необходимость возвыситься над телесной болью, не поддаваться чувству голода (будучи

голодным надо делать вид, что только что поел – ковырять зубочисткой в зубах), не давать заподозрить собственные страдания до тех пор, пока не упадешь замертво. Также такие неагрессивные проявления «Гири перед именем» предполагают, что человек строит свою жизнь и ведет себя соответственно занимаемому положению.

Что же касается двух радикальных проявлений «Гири перед именем», то, если мотивы мести будут более понятны человеку европейского мышления, то мотив самоубийства будет менее очевидным.

Выбор самоубийства ради «Гири перед своим именем» базируется на том, что правильно обставленное самоубийство очищает имя человека и смывает с него позор. Акт самоубийства для любого японца есть своего рода финальное доказательство смелости и решительности. Это именно та ситуация, которая показывает всю глубину мужественности и закаленности, решительность выполнить свой «Гири». Нет ничего более обесчещивающего для японца, чем не совершить Сеппуку, когда того требует ситуация. Сам по себе феномен «Гири перед именем» активно представлен в художественной культуре Японии: блестящими примерами произведений, затрагивающих проблематику Сеппуку и, более того, противостояния различных видов «Долга», будут «Предание о сорока семи ронинах», х/ф «Харакири» режиссера Такаси Миикэ, рассказ «Патриот» Юкио Мисимы и многие другие.

Таким образом, вся жизнь человека состоит из различных «Долгов», каждый из которых характеризуется своим собственным «кодексом», и человек сам по себе будет рассматриваться с позиции выполнения своих «Долгов». Причем если внутри какого-либо круга условия изменяются, то от человека будет требоваться совершенно другое поведение. В этом во многом и состоит секрет японской «пластичности», кажущейся столь внезапной при жесткой иерархизации и традиционализации общества.

Библиографические ссылки

1. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч : модели японской культуры. 2 изд., стереотип. СПб., 2007.

О. А. Козырева
департамент философии ИСПН УрФУ,
4-й курс

СОВРЕМЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ДИСКУРС КАК ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЛИТЕРАТУРЕ

Постструктурализм конца XX в. пытался вернуть статус литературному творчеству наряду с наукой. Рациональный тип мышления, развивавшийся в западной традиции еще со времен Р. Декарта, подавлял художественный, что и заставило философов поставить вопрос об осмыслении отношений между научным и литературным дискурсом, дабы восстановить историческую справедливость между различными формами познания мира. На мой взгляд, сегодня вполне возможно говорить о сближении науки и литературы в поле трансформации концепта смысла.

Литературный дискурс основывается на «Я», вследствие чего художественное произведение репрезентирует всегда личное, субъективное, не претендующее на общезначимость и универсальность. Ему чуждо стремление к объективности и поиску универсальной истины. Установление границ здесь противоречит самим правилам литературной игры, методологические приемы нарушают замысел.

Главенство «Я» в литературном дискурсе позволяет сосредоточиться не только на уникальном, но и выйти на уровень межкультурной коммуникации во временном разрезе. Прочтение литературного текста всегда связано с традицией – произведение напрямую отражает те социокультурные условия, в которых оно было создано. «Я» удерживает свое единство за счет функционирования памяти, поэтому предстает всегда в ретроспективном формате: полученный опыт замораживается и превращается в фиксированную систему установок и правил, включается в конкретную картину мира.

Именно «Я» со своим запасом прошлого предоставляет литературе возможность прочитывать текст как определенное выражение культурных кодов, а не только сосредоточивать внимание на субъективном отражении отрефлексированного опыта автора.

Тут обнаруживается понимание текста как множественности, о котором писал Р. Барт: «нет никакой возможности установить происхождение высказывания, связать его с чьей-либо точкой зрения, но именно эта невозможность оказывается одним из критериев, позволяющих оценить множественность текста» [1, с. 63]. Литературный дискурс устанавливает только одно: интерпретаций произведения может быть сколько угодно, потому что всякий раз чтение есть процесс порождения смысла, но не истины.

Истиной занимается наука или, по крайней мере, претендует на это. Научный дискурс в отличие от литературного подвержен регламентации, правила построения и прочтения всегда строго определены, наличествует набор критериев, с помощью которых он замыкает и ограничивает себя. Помимо этого научный дискурс также имеет отчасти насильственный характер: теории выбраковываются при последовательном развертывании научной наррации, устаревают и требуют обновления.

Следуя логике К. Поппера, в науке необходимо видеть постоянный рост знания, а он обеспечивается только «повторяющимся ниспровержением научных теорий и их заменой лучшими и более удовлетворительными теориями» [3, с. 325]. Сам концепт истины, абсолютной и непогрешимой, задает науке этот насильственный тон, с которым она отвергает все то, что не ведет человечество к истине. Уступка конвенциональности, которую делает Поппер, всего лишь уступка: основанием науки все равно служит поиск истины, пусть и не имеющий конца.

Научный текст всегда ориентирован на «Мы» – очень редко можно встретить личное местоимение первого лица единственного числа в подобных текстах. Так наука делает попытку избавиться от субъективности, закрепить за собой статус общечеловеческого творения, избавленного от примесей личного опыта, индивидуальности ученых. Опять же Р. Барт трактует эту особенность научного текста как иллюзорную попытку побега, когда «субъект, можно сказать, обретает себя именно в акте самоустранения, которому он демонстративно подвергает свою личность, так что на уровне дискурса – а это роковой уровень, не следует забывать, – объективность оказывается просто одной из форм воображаемого» [2, с. 80].

Здесь и начинается сближение науки и литературы. Последняя занята загадыванием и разгадыванием смысла, она не выстраивает тексты по уровню их приближенности к истине, она далека от иерархичности. Если и можно представить себе литературу как некий целостный феномен, то она окажется напластованием различных произведений самых разных жанров из самых разных эпох. Говорить о «росте» литературного знания бессмысленно – она и личностна, и общественна одновременно.

Наука сегодня тоже начинает постепенно осознавать неизбежность своего субъективного начала и благодаря этому предоставляет свободное пространство для обмена правилами игры как внутри себя, так и снаружи при общении с искусством, философией, политикой и другими феноменами человеческого бытия. Несбыточные мечтания об объективности истины показали науке отсутствие в ней «смысла», тоталитарные замашки и обезличенную формальность. Так, современный научный дискурс уже разрешает сосуществование противоречащих друг другу теорий, не отбрасывает старые, а отдает им определенное пространство для функционирования, переводит вопрос об истине в план коммерческой выгоды и технологического усовершенствования.

Смещение акцента с «Мы» на «Я» вслед за литературным дискурсом расширяет границы науки, возвращая в нее субъекта как ведущее начало, изменяет отношение к прошлому опыту научных исследований, трансформирует универсальность в индивидуальность. Наука становится мягкой и подвижной, утрачивает свой принудительный статус и поэтому начинает получать и создавать «смыслы».

Библиографические ссылки

1. *Барт Р.* S/Z : пер. с фр. / под ред. Г. К. Косикова. 2-е изд., испр. М., 2001.

2. *Барт Р.* Избранные работы : Семиотика; Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М., 1989.

3. *Поппер К.* Логика и рост научного знания : избранные работы : пер. с англ. / сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского. М., 1983.

А. Н. Колесникова
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
2-й курс

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО УСПЕХА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном обществе все популярнее становится тема успеха и его достижения. С экрана с нами говорят успешные бизнесмены и шоумены, со страниц глянцевых журналов – преуспевающие бизнес-вумен и звезды, нам предлагают купить книги о 100 способах достичь успеха или о том, как сделать себя успешным во всем. Подчас кажется, что все информационное пространство вокруг нас заполнено советами на эту тему. Возникает вопрос: а что же из себя представляет этот самый пресловутый успех, о котором все говорят?

Успех – понятие сложное и многозначное хотя бы потому, что эта категория является общенаучной. В сегодняшней действительности можно выделить несколько научных отраслей, в область интересов которых входит успех. Таковыми можно назвать философию, психологию, педагогику, социологию, менеджмент. Также категория успеха невероятно популярна в бизнес-литературе.

Особенностью трактовки данного понятия является то, что фактически оно захватывает собой несколько пространств, лежит на их пересечении. Это такие пространства, как социальное, индивидуальное и онтологические. Без понимания этих трех составляющих невозможно в полной мере отразить содержание успеха [см.: 2].

Сложность понимания успеха состоит в том, что научные дисциплины, занимающиеся теоретической разработкой данного понятия, смотрят на него с совершенно разных позиций и вкладывают в него абсолютно разные значения. Выделяют два основных дискурса: философский и психологический. Последний тесно связан с понятиями «ценности», «мотивация», «цели», и рассматривает успех на уровне личности, а также механизмы его достижения. Но в данной статье акцент хотелось бы сделать на первой позиции по осмыслению исследуемого понятия.

В философии за многовековую историю исследования успеха сложилось множество подходов к изучению и трактовке этого понятия, а также множество оснований для классификации этих подходов.

1. По направлению ориентации успеха:

• учения и ученые, ориентирующиеся на внешние факторы и их проявления (прежде всего на материальные блага, выгоду): Макиавелли, Ж. Кальвин и другие протестанты, И. Бентам и утилитаристы, Ч. Пирс, Д. Дьюи – идеологи прагматизма);

• учения, говорящие о том, что успех – это внутреннее состояние личности (Эпикур, Лао Цзы, Л. Н. Толстой, Б. Спиноза).

2. По источнику успеха, причине его появления:

• успех – Божий дар, которого человек никогда не может достичь сам (богословы, религиозные деятели);

• успех есть результат тяжелых усилий человека, которые он затрачивает для того, чтобы достичь поставленной цели (философы эпохи Возрождения);

• успех как финальная точка исполнения долга (Кант, Зенон и другие стоики);

• успех как результат следования принципу удовольствия (гедонисты, а также доктрины, построенные на принципе потребления) [см.: 1].

3. По ориентированности на различные субъекты:

• успех как исключительно личностный показатель (философы эпохи Возрождения, часть античных философов);

• успех как взаимодействие личного и общественного, гармония между ними (славянофилы, марксисты, теоретики общественного договора).

Если говорить о понятии «социальный успех», то можно выделить несколько уровней понимания и существования данного понятия: обыденное и теоретическое. Обыденное – это то, какой стиль жизни и что мы считаем успешным в обществе на бытовом уровне, те нормы и оценки, которыми мы пользуемся в повседневной жизни. И этот уровень понимания присутствует всегда в любом обществе. Сложнее с теоретическим уровнем.

Данная категория показывает те идеалы, к которым стремится общество, совершенные модели жизни. Эти образцы есть в стабильном обществе, но в случае глобальных социальных катаклизмов прошлые образцы теряют свою ценность, а новые не успевают появиться.

Именно в состоянии формирования теоретических образцов социального успеха находится сегодняшнее российское общество, что подтверждается огромным интересом к данной теме всех духовно-производительных сил общества.

Данный феномен можно объяснить сломом старой парадигмы идеального социума и созданием новой, в корне отличающейся от предыдущей. Также важно отметить противоречивость существующих в обществе культур с несовместимыми образами успеха – коллективизмом и индивидуализмом.

Таким образом, можно сказать, что успех – это сложный и неоднозначно трактуемый феномен, важный для определения общественного развития. Также важно отметить то, что трансформации российского общества привели к созданию ситуации, в которой типичный и поощряемый образ успеха находится в процессе создания, так как этот образ – продукт сложившейся социальной системы.

Библиографические ссылки

1. *Асмолов А. Г.* О моделях успеха в эволюции цивилизации. М., 1996.

2. *Московичи С.* Социальное представление : исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://imp.rudn.ru/psychology/psychology_of_person/ch10_1.html (дата обращения: 15.07.2014).

К. А. Кошелева
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

РЕГРЕСС СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

(по материалам исследования на базе стационарного отделения ЦСПСИД Верх-Исетского района)

Реабилитация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, представляет собой важную задачу социальной политики государства, поскольку увеличение числа детей данной категории отрицательно влияет на человеческий капитал страны в силу того, что социализация этих детей по большей части негативна. Это ведет к тому, что такие дети и подростки не могут принимать существующие роли в обществе, оказываются функционально неприспособленными к нормальной жизни в нем.

Социальная реабилитация призвана вернуть таких несовершеннолетних в общество, помочь им занять место в нем и восстановить социальные функции, которые были нарушены вследствие негативной социализации. Достигнуть наибольшей эффективности, на наш взгляд, социально-реабилитационные технологии способны в условиях их применения в стационарах и социальных приютах. Необходимо, однако, отметить, что специфика такой категории реабилитируемых, как дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, зачастую является причиной возникновения нарушений, в качестве одного из которых следует назвать регресс реабилитации.

Анализ научной литературы, посвященной реабилитации несовершеннолетних, выявил, что проблема регресса в данной сфере малоизученна. На наш взгляд, это обусловлено тем фактом, что реабилитация рассматривается как конечный процесс, имеющий свои четкие временные рамки, нарушение которых, в частности затягивание реабилитации, превышение ее оптимальной продолжитель-

ности, может повлечь за собой негативные последствия для ребенка, являющегося объектом реабилитационных мероприятий.

Практика показывает, что во многих случаях дети, попадающие в социальные приюты, задерживаются в них на срок больший, чем тот, который является оптимальным для реабилитации ребенка. Необходимо отметить, что срок реабилитации и реабилитационные мероприятия определяются специалистами учреждения для каждого воспитанника индивидуально, и в большинстве случаев этот срок составляет от трех до шести месяцев. Однако зачастую по не зависящим от специалистов и самого ребенка обстоятельствам (например, изменение статуса воспитанника, связанное с лишением родителей родительских прав, их смертью, и т. д.) срок нахождения ребенка в социальном приюте увеличивается, что, как указывалось выше, может привести к таким негативным последствиям, как регресс реабилитации.

Поскольку регресс реабилитации, как уже упоминалось, является неизученным явлением, но по опросам специалистов, непосредственно работающих с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей в социальных приютах и социально-реабилитационных центрах, достаточно распространенным явлением, в феврале-марте 2014 г. на базе стационарного отделения Центра социальной помощи семье и детям Верх-Исетского района нами было проведено исследование, целью которого явилось определение сущности регресса реабилитации несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, его причин, особенностей, возможных этапов, методов предотвращения. Методом исследования выступило интервью, в качестве объекта были выбраны социальные педагоги, психологи и воспитатели стационарного отделения – всего 9 респондентов.

В ходе исследования выяснилось, что все специалисты неоднократно встречались за время своей работы с регрессом реабилитации, 3, в том числе психолог и заведующая отделением, отметили, что сталкиваются с этим явлением каждые два-три месяца, что говорит о его определенной распространенности. На основании ответов респондентов о том, что они понимают под регрессом реаби-

литации, было сформулировано следующее определение. Регресс реабилитации – комплексная проблема, сопряженная со снижением психологических характеристик ребенка (восприятие, память, внимание и т. д.), ухудшением его социального взаимодействия (взаимодействия со сверстниками, сотрудниками стационара), ухудшением поведения, навыков.

Были подтверждены следующие выдвинутые нами гипотезы:

1. Наступление регресса реабилитации зависит от факторов, не зависящих от самого ребенка:

а) регресс реабилитации наступает в случае превышения срока реабилитации;

б) воздействия на ребенка социальной среды, из которой он попал в стационар (воздействие семьи, опекунов во время пребывания ребенка в стационаре);

в) появления в социальной среде, в которой ребенок находится в данный момент, значимого для него воспитанника (сверстника, более старшего ребенка).

2. Регресс чаще всего возникает в пубертатном периоде.

3. После преодоления регресса возможно возвращение ребенка на предыдущую стадию реабилитации.

4. Повторение регресса реабилитации возможно.

Гипотеза о том, что преодоление регресса реабилитации несовершеннолетнего будет успешным при участии семьи ребенка, была опровергнута. Гипотеза о возможности предотвращения регресса реабилитации была подтверждена частично, и, возможно, ее доказательство потребует дополнительного исследования.

Гипотеза о связи наступления регресса с определенным этапом реабилитации подтвердилась частично, поскольку было выделено сразу три этапа, на которых регресс может наступить: адаптационный, основной и завершающий этапы.

П. А. Кузнецова
департамент философии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В эпоху глобализации с ее нарастающими с каждым десятилетием темпами и, как черная дыра, вовлекающей в себя все больше стран и народов, существенной стала проблема идентичности. Стирание границ между нациями, формирование единого социального, информационного и культурного пространства – вот цели, которыми задается мировое сообщество. С одной стороны, утопическая идея Н. Ф. Федорова о том, чтобы сделать из Земли мононациональное государство тотального единства, как пишет об этом Н. А. Бердяев: «Идея Федорова – полярная противоположность всякому индивидуализму, она для всех и со всеми, во имя всеобщего спасения (она есть своеобразный коллективизм)» [1, с. 245], – имеет положительный оттенок. Но к этому ли стремится политическая элита, активно борющаяся на протяжении почти полувека с движениями антиглобалистов? Обратимся к истории.

Первыми объединениями государств были политические союзы, которые возникали, как правило, в преддверии войн. Они носили в основном стихийный характер и были не столь устойчивы, представляли собой, скорее, военные соглашения, временные договоренности, чем серьезное долговременное сплочение. Более долговечными были торговые и таможенные союзы, которые существовали веками, не слишком завися от политических реалий. Однако в XX в. мир в результате двух мировых войн сильно изменился. Это допущение, а точнее сам факт *мирового*, т. е. глобального, военного столкновения говорит о качественных изменениях обстановки в международном политико-экономическом пространстве. Вовлеченность в конфликт множества сторон (и стран), его принципиальная неразрешимость дважды свидетельствовали главным образом о том, что прежней колониальной эпохе пришел конец.

Существование и создание военных союзов стало также нецелесообразным: каждое государство отстаивает исключительно свои политические интересы, каждый сам за себя. И это парадокс. С одной стороны, в конфликте чьих-либо частных интересов стремятся принять участие все, демонстрируя таким образом глобальный характер мировой политики, а с другой – желание противостоять этому вмешательству извне, т. е. обособление и демаркация. Таким образом, сама мировая политика демонстрирует двойные стандарты.

Экономическое сотрудничество государств, напротив, являет собой нечто более прочное и долговечное. Экономическая интеграция (как по группам ресурсов, так и по регионам): таможенные союзы и ассоциации экономического сотрудничества – обеспечивает нормальное функционирование мировой экономики, торговли и рынка. Конечно, здесь тоже имеют место политические интересы, но все же они вторичны. И на фоне этих объединений возникает тесное культурное и социальное взаимодействие.

Ярким примером является Европейский союз, который возник на базе Европейского экономического сообщества, созданного еще в 1957 г. Ныне это мощный очаг интеграции на Западе, однако внутри него происходят процессы, разлагающие или стремящиеся подорвать это видимое «единство». Речь не о частных антиглобалистских акциях, разворачивающихся время от времени в разных странах и даже не о массовых выступлениях. Имеются в виду проблемы, вызванные миграционными процессами, прежде всего вопрос ассимиляции и адаптации. Формальное стирание границ еще не означает того, что национальные признаки должны быть унифицированы.

Об этом же размышлял Н. А. Бердяев, который считал, что, несмотря на тенденцию к глобализму, народы должны сохранять свои специфические черты, тем самым конструируя некоторую «мировую гармонию наций». Он исходил из того тезиса, что любая организация создает лишь «искусственное равенство» между народами [см.: 2]. Всякая нация стремится так или иначе отстоять свою уникальность. Это сродни дарвиновскому естественному отбору по принципу «выживает сильнейший». И это есть попытка спасти и сохранить культуру, ее неповторимое своеобразие.

В этом смысле пророческими оказываются слова славянофила К. Н. Леонтьева (главного критика эгалитарно-либерального прогресса), произнесенные им более столетия назад: «Россия должна оберегать собственную культуру от чуждых влияний. При этом важно "признание национальной самобытности за *самую основу и руководящее, дающее самой культуре жизнь, форму и силу, начало этой культуры*"» [3].

Конечно, это касается не только нашей страны, но и всякой самостоятельной самобытной нации. В противном случае мир придет не просто к универсализации культуры, но к полной ее утрате. Ведь уже сейчас можно заметить, что навязывание единого мирового образца в массовой культуре разлагает механизм живого творчества, самодвижения. Индивидуальное своеобразие, присущее каждой из великих культур (античной, византийской, возрожденческой, барочной, романтической, советской), связанных с той или иной нацией или эпохой, утрачивается с каждым десятилетием все отчетливей. Да и сам индивид, существуя не в традиционном, а в информационном обществе, уже не идентифицирует себя как представитель определенной культуры, нации, но, скорее, как гражданин конкретного государства, а это совсем иной способ самоопределения. И такое пренебрежение народной памятью, своими историческими корнями ведет человечество к скорому краху.

Библиографические ссылки

1. *Бердяев Н.* Религия воскрешения. («Философия общего дела» Н. Ф. Федорова) // Грезы о Земле и небе. СПб., 1995.

2. *Бердяев Н.* Истоки и смысл русского коммунизма//www.magister.msk.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn015.htm (дата обращения: 04.04.2014).

3. *Северикова Н. М.* // www.vphil.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=556 (дата обращения: 04.04.2014).

П. В. Лебедкина
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

ИЗМЕНЕНИЕ МУЗЕЙНЫХ ПРАКТИК

Социальные процессы, происходящие в мире, ставят перед социологами ряд проблем, связанных с необходимостью осмысления новых условий с использованием институционального подхода. Изменения, происходящие в социокультурном пространстве, влекут за собой перемены во всех социальных институтах для дальнейшего успешного выполнения общественно значимых функций.

Институт культуры – устойчивый комплекс ценностей, норм, организационных структур, а также достаточно регулярных и долговременных социальных практик, регулирующий процессы производства, распределения и потребления духовного продукта. Основной функцией института культуры является социализация, имеющая значение в формировании личности наравне с институтами семьи и образования.

Указом президента РФ Владимира Путина 2014 г. объявлен годом культуры [см.: 2]. Министерством культуры области разработана Концепция развития культуры в Свердловской области на период до 2020 г. [см.: 1], где подчеркивается необходимость модернизации социальных организаций института культуры. Эти постановления помогут комплексно охватить все проблемные точки в сфере культуры и будут способствовать повышению интереса к институту культуры в целом.

Мы акцентировали свое внимание на такой организации, как музей. В Концепции отмечается, что угрозой музейной деятельности является сокращение посещаемости. Способ преодоления этой проблемы авторы видят в развитии информатизации и привлечении молодежи.

Музеи как социальные организации в рамках института культуры вынуждены конкурировать между собой и с другими организациями, которые также дают людям знания и новый опыт. В условиях наличия множества источников информации музеи становят-

ся все более технологически усовершенствованными. В выставки и экспозиции добавляются элементы интерактивности, виртуализации и технических новшеств, что превращает посещение музея из пассивного восприятия информации в активное действие, игру, которая позволяет лучше понять, глубже прочувствовать и запомнить на более длительный срок.

В музее под интерактивностью принято понимать диалогичные отношения посетителя с экспозицией (в противовес монологичному рассказу экскурсовода о статичных вещах) и создание особой среды, с которой посетитель может вступать в непосредственное взаимодействие (как минимум, потрогать) [см.: 4].

В Екатеринбурге подобные проекты реализуются в Музее истории Екатеринбурга и в Музее изобразительных искусств. На их сайтах размещены виртуальные туры, с помощью которых можно ознакомиться с выставками, не выходя из дома. Также в залах музеев установлены технические устройства поднимающие процесс познания на совершенно новый уровень.

Проект «Зеркало для героя» [см.: 6] в Музее истории Екатеринбурга включает в себя интерактивный мультитач-стол, обобщающий материалы и факты о жизни и деятельности почетных жителей города и фотопортреты героев, которыми зритель может управлять движением руки. Здесь переосмыслен подход к подаче материала. Вся информация структурирована по разделам – от биографических справок, документов и фотографий до видеоархива (фрагменты документальной хроники, ТВ-сюжеты и репортажи, передающие атмосферу той или иной эпохи) и цифрового представления предметных экспонатов, хранящихся в музее. Выбранный способ репрезентации дает зрителю возможность самостоятельно исследовать и действовать, определяя удобный для себя ритм ознакомления с материалом. Важными преимуществами становятся удобство и оперативность в предоставлении и получении информации.

Также действует виртуальный музей «Переход» [см.: 3], который позволяет увидеть отечественную живопись 1980-х гг. из собрания Екатеринбургского музея изобразительных искусств.

Предполагалось, что многочисленные интерактивные элементы превратят просмотр выставки в увлекательную игру. Каждая картина снабжена комментариями, биографией художника и маленьким словариком.

Также в музеях города проходят различные перформансы, квесты, праздники для всей семьи. Причиной снижения посещаемости может быть время работы учреждений, поэтому музеи пытаются пойти навстречу посетителям. С 2007 г. в Екатеринбургских музеях проводится акция «Ночь музеев». В 2014 г. мероприятие пройдет в восьмой раз, и каждый год к нему присоединяется все больше площадок. В прошлом году проект объединил 56 площадок-участников, мероприятия «Ночи музеев» посетили более 69 тыс. человек [см.: 5]. Акция популярна во многих европейских городах и посвящена Международному дню музеев. Все это меняет представление о музее как о статичной, консервативной и устаревшей организации. Но необходимо четко следить за тем, чтобы не перейти грань, где кончается культурное просвещение с игровыми элементами и начинается только развлечение.

Музеи являются не только хранителями культурного наследия, но имеют особое значение организаций в рамках образовательно-воспитательных и культурных институтов, активно принимающих участие в формировании исторического и культурного самосознания, патриотического воспитания граждан.

Библиографические ссылки

1. О Концепции развития культуры в Свердловской области до 2020 года : Постановление от 06.11.2012 г. № 1238-ПП [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mkso.ru/data/File/norm_doc/kultura_2012–2020.pdf (дата обращения: 09.04.14).

2. О проведении в Российской Федерации Года культуры : Указ Президента РФ от 22.04.2013 г. № 375 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;3565945 (дата обращения: 09.04.14).

3. Виртуальный музей «Переход». Екатеринбургский музей изобразительных искусств [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.emii.ru/novosti/item/1364-12februar_perehod.html (дата обращения: 09.04.14).

4. Музей как пространство образования : игра, диалог, культура участия / отв. ред. А. Щербакова ; сост. Н. Копелянская. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://museumsolutions.ru/index.php/component/phocadownload/category/1-books?download=1:muzej-kak-prostranstvo-obrazovaniya-igra-dialog-kultura-uchastiya (дата обращения: 08.04.14).

5. Ночь музеев-2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nmekb.ru/news/item102471/ (дата обращения: 08.04.14).

6. Проект «Зеркало для героя». Музей истории Екатеринбурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://m-i-e.ru/articles/zerkalo-dlya-geroya/ (дата обращения: 08.04.14).

Ю. В. Лукичева
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 2-й курс

ФОРМИРОВАНИЕ АКТИВНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ МОЛОДЕЖИ ЧЕРЕЗ УЧАСТИЕ В ВОЛОНТЕРСКОМ ДВИЖЕНИИ

В современном российском демократическом обществе важным становится понятие «активная гражданская позиция», так как провозглашается гражданское общество как сфера самопроявления граждан. Наличие активной гражданской позиции подразумевает целенаправленное, осознанное участие человека в жизни общества, которое проявляется через его сознательные реальные действия в отношении к окружающему при разумном соотношении личностных и общественных интересов. Особая роль в процессе формирования активной гражданской позиции среди разных групп населения отводится молодежи, так как это период становления личностных социальных интересов, жизненных идеалов человека, стремления к самостоятельности и самоутверждению [см.: 1, с. 185–187].

Процессы становления в России гражданского общества приводят к необходимости повышения роли волонтерства (добровольчества) в российском обществе, так как в любом обществе всегда есть люди, нуждающиеся в чьей-либо помощи, а также те, кто готовы откликнуться, прийти на помощь, не ожидая выгоды для себя.

Традиционно под волонтерством понимается добровольный труд на благо других людей, на благо того сообщества, в котором человек живет, и рассматривается он как вид общественно полезной деятельности [3].

Важным условием в организации волонтерской деятельности является партнерство, которое дает возможность включить молодых людей в выполнение реальных дел, в преобразование окружающей жизни. Волонтерство для молодежи выступает как важный фактор, формирующий личность.

С одной стороны, у волонтеров вырабатываются необходимые навыки социального взаимодействия, закрепляются умения брать на себя ответственность, определенные обязательства и выполнять их и, одновременно, подчиняться коллективной дисциплине, отстаивая при этом свои права, соотносить личные интересы с общественными.

Кроме того, привлечение молодежи к волонтерской деятельности создает новые возможности для трудового воспитания и развития личности. Принципы и мотивы волонтерства и собственно сама волонтерская деятельность способствуют формированию таких важных качеств, как милосердие, повышают чувство самоуважения и гуманного, толерантного отношения к другим, способствуют занятости молодого человека общественно полезным делом, формируют у него качества и навыки, важные для взрослой, в том числе и будущей профессиональной, жизни [см.: 2, с. 165].

С другой стороны, мотивами включения молодежи в волонтерскую деятельность становятся чаще всего не побуждения формировать личностные качества, а следующие факторы:

– *идея*, отражающая важность и принципы деятельности. Именно идея мотивирует человека на деятельность, позволяет оценить результаты деятельности и удовлетворение от проделанной работы.

– *внутренняя психологическая потребность быть нужным.* Волонтеры не получают за свою работу материальных вознаграждений, но получают немаловажное моральное удовлетворение.

– *потребность в общении.* Традиционно волонтеры объединяют свои усилия, создавая отряды, организации, союзы. Круг еди-

номышленников позволяет реализовать потребность в общении волонтеров.

– *интерес.* Работа волонтеров зачастую связана с нестандартными подходами и новыми возможностями.

– *подтверждение самостоятельности.* Участие в решении серьезных проблем других людей позволяет молодежи сформировать собственное чувство взрослости.

– *способ поделиться опытом.* Люди, сталкивающиеся с определенными жизненными ситуациями, часто вырабатывают свой механизм работы, который можно применять в аналогичных случаях. Волонтеры нарабатывают этот опыт, который постепенно накапливается.

– *авторитет и самореализация.* Будучи волонтером, можно устанавливать новые социальные связи, расти по определенной «карьерной лестнице», зарабатывать собственный авторитет.

– *творческие возможности.* Волонтерская деятельность безгранична – это и социальная реклама и пропаганда, и работа с детьми, попавшими в тяжелую жизненную ситуацию, и организация спортивных матчей, и многое другое.

– *досуг.* Волонтерское движение – это возможность потратить свое свободное время с пользой для себя и окружающих.

Таким образом, образуется своеобразное «двухстороннее воздействие» волонтерства на личность: это и формирование у волонтера важных в современном обществе качеств личности (толерантность, партнерство, ответственность, самоуважение и т. д.), и удовлетворение потребностей личности в самореализации, общении, и т. д.

Одной из самых масштабных и глобальных форм организации волонтерского движения являются волонтерские центры в вузах. Они занимают особое место в системе волонтерских организаций, так как выполняют сразу несколько важных функций. В рамках этой организации волонтеры получают опыт социального взаимодействия, вуз – инструмент для формирования социальных и профессиональных компетенций студентов, а организации, которые нуждаются в помощи волонтеров, – заинтересованных помощников в лице студентов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что волонтерство – не только значимый вид общественной деятельности, направленной на помощь нуждающимся, но и важный фактор формирования гражданского общества, социально активной молодежи как важной его составляющей.

Библиографические ссылки

1. *Миллер С. В., Крутых Е. В.* Особенности формирования гражданской ответственности учащейся молодежи // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7, ч. 2.

2. *Сикорская Л. Е.* Волонтерство как форма трудового воспитания студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. М., 2009. № 1.

3. *Старшинова А. В.* Волонтерская деятельность в детском здравоохранении и профессиональное развитие студентов, обучающихся социальной работе // Системная интеграция в здравоохранении. 2011. № 4 (14). С. 70–79.

И. В. Макеранец
департамент философии ИСПН УрФУ,
4-й курс

КИНОКЛУБНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ ЯВЛЕНИЕ В РАМКАХ «ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ»

Возникновение киноклубов как дискуссионных площадок, где у зрителя есть возможность не только посмотреть и оценить фильм, но и публично высказать о нем свое мнение, а также узнать точку зрения других, связано с появлением французского киноавангарда в 1920-х гг. Уже в те годы во время бурного развития кинематографа, открытия новых техник и форм у людей возникает потребность спорить о кино – рождается новое крупное направление в кинообразовании, играющее очень важную роль для многих кинолюбителей. На сегодняшний день киноклубное движение не имеет того бурного развития, которое мы могли наблюдать в начале, середине

и даже в конце XX в. не только в США и странах Европы, но и в СССР, где долгое существовали такие киноклубы, как «Кадр», «Литератор», «Луч» и др., в дискуссиях принимали участие такие видные деятели киноискусства, как Андрей Тарковский, Алексей Герман, Сергей Параджанов, Элем Климов и др. Почему же так важно сегодня поддерживать киноклубную деятельность? Этот вопрос интересно рассмотреть в рамках понятия «экономика впечатлений», которое рассматривает в своей статье А. А. Легчаков [см.: 2].

«Говоря об “экономике впечатлений”», имеют в виду прежде всего культурные, информационные продукты, потребляемой ценностью которых является произведенное впечатление. К сферам, где производятся и потребляются данные продукты, относятся кино, театр, телевидение, музыка, книги, туризм и т. д., т. е. практически все информационно-культурное пространство, окружающее индивида» [Там же, с. 79]. Это самое пространство в наши дни сильно перегружено, оно давит на индивида со всех сторон, и вследствие этого сделать выбор между тем или иным источником информации очень непросто. Получая различные впечатления, мы не всегда способны переработать их в некоторые знания, и лишь в результате эндогенной и экзогенной работы по анализу определенного впечатления индивид превращает впечатление в знание. Такого рода работа производится в том числе и в процессе обсуждения, что может являться первым подтверждением необходимости развития такого социального института, как киноклуб.

Ориентироваться в культурных продуктах в нынешней ситуации становится все сложнее, поскольку огромную долю кинопроката занимают фильмы развлекательные и большая часть зрителей, а главное – подростки, школьники, рассматривают поход в кинотеатр как разновидность отдыха. «Известно, что авторитет экранных искусств у подростков очень велик и было бы ошибкой утверждать, будто основная масса современной публики совсем не интересуется кинематографом. Но это, как правило, случайные сведения по поводу нашумевшего фильма или популярного голливудского актера. Поэтому в процессе формирования мировоззрения подросткам так необходима кинооориентация, которая должна решать, по край-

ней мере, две основные задачи: пропагандировать подлинные произведения искусства и уберечь детей от пустой траты времени на просмотр произведений низкопробной массовой культуры» [1, с. 298]. В подростковом возрасте в человеке формируются основы отношения к окружающему миру, к другим людям, к себе, и знакомство с выдающимися классическими и современными кинопроизведениями дает возможность получить очень важное нравственно-эстетическое воспитание, которое не всегда возможно приобрести в рамках семьи или школы.

«Символическое содержание, представленное в экранных образах, оказывает глубокое воздействие на процесс социализации, являясь альтернативным источником познания мира, способствующим формированию определенных ценностей и образцов поведения» [3, с. 294]. Опираясь на эту цитату и возвращаясь к понятию «экономики впечатлений», мы также можем отметить, что впечатление от произведения искусства обладает более высоким социокультурным потенциалом, если индивид способен транслировать определенные социокультурные ценности. В этом случае мы можем оценить время, потраченное индивидом на просмотр, например, фильма, как проведенное с пользой. «Социальная полезность впечатления – это часть полезности, связанная с процессом коммуникации. Наличие и качество процесса социальной коммуникации между индивидами в рамках групп с общими интересами и между группами с разными интересами выступает в качестве важного показателя социокультурного развития страны» – утверждает А. А. Легчаков [2, с. 82].

В связи с вышеизложенным можно сделать однозначный вывод о том, что кино способно играть не только развлекательную, но воспитательную и познавательную роль, поэтому развитие и укрепление институтов «постфактумной рецензии», в частности киноклубов, необходимо для развития общества.

Библиографические ссылки

1. *Кравченко А. А.* Киноискусство в системе нравственно-эстетического воспитания подростков // Тр. СПбГУКИ. СПб., 2013.

2. *Легчаков А. А.* Навигация в социокультурном пространстве как этап равновесия индивида в «экономике впечатлений» // Эконом. журн. 2011. № 1.

3. *Львова Е. Н.* Потенциал экранной культуры в укреплении взаимопонимания поколений как основа социокультурной адаптации // Тр. СПбГУКИ. СПб., 2013.

Н. А. Миронов
департамент философии ИСПН УрФУ,
2-й курс

БУРДЬЕ. ФОТОГРАФИРОВАНИЕ И СУЖДЕНИЕ ВКУСА КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ АКТОРА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

В данной работе автор хотел обратить внимание на феномен фотографирования в качестве повседневной практики, которая (как и другие повседневные практики) позволяет иначе взглянуть на социальное бытие человека, в частности, на его идентификацию себя как члена определенного класса и института.

В начале необходимо обратить внимание на сам термин «практики» и понять, каким образом он позволяет исследовать социальность и какие возможности предоставляет исследователю. Понятие «практика» стало центральным ориентиром антропологических исследований. Одной из фундаментальных работ этого направления можно считать работу Пьера Бурдье «Набросок теории практики», опубликованную в 1972 г. Данное понятие объединяет различные попытки заменить представления о структурно-функциональной, культурной или экономической детерминированности деятельности людей более «гуманистической» картиной социальной реальности. Теория практик как методология изучения социального бытия предполагает некий срединный путь: она ищет компромисс между объективизмом системно-структуралистского подхода и субъективизмом феноменологии. Теория практик как направление не имеет

узких методологических ориентиров, но работы, которые можно отнести к этому направлению, имеют общий, четко выраженный стиль. Общим для всех исследований в данном направлении является то, что ключ к пониманию социальности видят в привычках, о которых акторы не рефлексируют, но которые могут много рассказать. Этими привычками могут быть как сервировка стола, так и фотографирование, о котором я хочу рассказать.

Говоря о фотографировании, я основываюсь на ранней работе Пьера Бурдье «Искусство средней руки» в интерпретации Вадима Волкова и Олега Хархордина, а также на личных наблюдениях за манерой фотографии в социальных сетях. Тот факт, что практика фотографирования и зрительного восприятия не отдана на откуп свободной игре индивидуального воображения, подсказывает Бурдье вопрос о ее групповой и социальной обусловленности: «Набор того, что предлагает себя как “фотографибельное” для данного социального класса, определяется имплицитными моделями, которые могут быть поняты через практику фотографирования, потому что они объективно определяют смысл, который группа проецирует на акт фотографирования как онтологический выбор, который достоен того, чтобы его сфотографировали…» [1, с. 148]. Иными словами, по Бурдье, фотографирование – это социально обусловленная практика. Бурдье предполагает, что смысл фотографирования для членов одной социальной группы и противопоставляется смыслу других групп. Рассматривая фотографирование как семейную практику, Бурдье использует классическую идею Дюркгейма о воспроизводстве социальной интеграции групп. Поэтому фотографирование является опредмечиванием, овеществлением этой интеграции: оно запечатлевает всю семью в высшие моменты ее существования (дни рождения, свадьбы и т. д.). Фотография – образ интеграции группы в чистом виде, т. е. вне рутины.

Однако акторы, имеющие слабую связь с коллективами, видят фотографию иначе. Они отличают себя от тех акторов, которые привязаны к коллективам больше, поэтому и смысл фотографии в них заключается не в интеграции, а в другом, эстетизированном подходе, который и позволяет идентифицировать себя как *другого*. Глав-

ный вопрос заключается в том, как же соотносится смысл, который вкладывается в фотографии, и социальный класс, к которому принадлежит актор.

Бурдье отвечает на этот вопрос. Он развивает концепцию воспроизведения социальной структуры и позиции актора в ней посредством суждения вкуса актора (отрицание/принятие) в практике фотографирования. Эти суждения основаны на привычке, но не на личной, а присущей как бы всему классу, как особом типе рутинного поведения, заданном акторам неким классовым оператором, который Бурдье называет «хабитусом». Бурдье показывает это в своей книге на примере данной практики для крестьян, рабочих, менеджеров, клерков и т. д. Иными словами, каждой социальной группе присущи определенные типы суждений вкуса, несмотря на то, что, судя по личному опыту, процесс фотографирования кажется свободным, естественным, непринужденным.

Библиографические ссылки

1. *Волков В. В.*, *Хархордин В. В.* Теория практик. СПб., 2008. С. 145–159.

К. И. Митькина
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, 4-й курс

ФЕНОМЕН ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Общеизвестно, что тематика выборов является одной из первостепенных для современных социологических исследований. Электоральная социология, начав развиваться в рамках американской традиции, существует сейчас во всех ведущих странах мира.

Одним из феноменов, родившихся в результате введения выборной традиции в России, стал феномен электоральной культуры. Когда в обществе устанавливается определенная традиция, постепенно возникают некие нормы и правила, которым следуют все

участники этой традиции. В данном случае помимо норм и правил проведения выборов, прописанных в законодательных актах РФ, существуют и другие. Степень их развития и усвоения большинством избирателей и отражается в таком явлении, как электоральная культура.

Электоральная культура региона может в корне отличаться от государственной, равно как и электоральная культура отдельного города не всегда совпадает с региональной.

В связи с различными реформами в области выборов в Свердловской области было проведено социологическое исследование, направленное на определение специфических черт молодежи Свердловской области. В качестве объекта исследования выступили молодые люди в возрасте 19–30 лет (т. е. те, кто имел возможность принять участие в выборах).

Для представления полной картины в опросе участвовала как молодежь, проживающая в городской среде, так и сельская. Городская молодежь представлена жителями областного центра Свердловской области г. Екатеринбурга, а сельская – жителями одного из административных центров – п. г. т. Арти. Особую группу среди опрошенных составили молодые люди, переехавшие из п. г. т. Арти в Екатеринбург с целью получения образования, либо в поисках лучшей работы.

Для проведения исследования использовался метод раздаточного анкетирования, а также многоступенчатая выборка: на первом этапе – районированная пропорциональная выборка, на втором – стратифицированная, основанная на категориях рода деятельности респондентов, их возраста.

Данное исследование ставило перед собой целью сравнить электоральную культуру молодежи большого города и сельской местности, а также на основании полученных данных охарактеризовать электоральную культуру молодежи Свердловской области в целом.

Электоральная культура молодежи п. г. т. Арти и Екатеринбурга имеет следующие общие черты:

1. На участие в выборах молодежи обеих территорий одинаково влияет экономический фактор. В связи с неудовлетворенностью

экономической ситуацией вокруг молодые люди пытаются сохранить свое благосостояние, поддерживая стабильность политического строя.

2. На участие в голосовании и сам выбор респондентов в значительной степени влияет их референтная группа – семья, близкие люди.

3. Для молодежи обеих территорий характерна в большей мере модель социотропного голосования.

4. Молодежь п. г. т. Арти и Екатеринбурга интересуется политической ситуацией в стране, имеет определенную устойчивую политическую позицию.

Различия:

1. Политические взгляды жителей п. г. т. Арти имеют преимущественно социалистическую направленность, жителей Екатеринбурга – либеральную.

2. Городская молодежь более активно участвует в выборах, так как имеет больше возможностей заработать на них (наблюдатель, проведение exit-pollов).

3. Молодежь Екатеринбурга более информирована о выборах, так как городское телевидение более разнообразно, а Интернет имеется в более широком доступе, в то время как артинская молодежь черпает информацию преимущественно из печатных источников.

Молодежь п. г. т. Арти отдает предпочтение муниципальному уровню выборов как более значимому для них, тогда как для молодых жителей большого города все выборы имеют равное значение. Данное исследование лишний раз подтверждает то, что в сельской местности наиболее значимыми являются выборы местного уровня, так как в связи с небольшой численностью населения все изменения и реформы муниципального масштаба напрямую отражаются на каждом жителе. Также кандидаты, участвующие в местных выборах, знакомы и известны местным жителям в силу малой численности населения. Таким образом видно, что образ жизни накладывает существенный отпечаток на формы электоральной активности.

В общем, электоральную культуру жителей Артей и Екатеринбурга можно охарактеризовать как электоральную культуру сред-

него уровня. Однако культура молодежи Екатеринбурга более приближена к высокому уровню, а культура жителей Артей – к низкому.

На основании исследования Екатеринбурга и Артей можно сделать общий вывод об электоральной культуре молодежи Свердловской области: она находится на среднем уровне, для нее характерны такие черты, как заинтересованность в участии в выборах, наличие протестного поведения (5 % опрошенных не голосуют на выборах в рамках протеста) и пассивной позиции (около 1/5 опрошенных утверждают, что молодежь не оказывает никакого влияния на политическую ситуацию в стране), преобладание социотропного вида голосования. Основными факторами, оказывающими влияние на электоральную культуру молодежи Свердловской области, являются экономический фактор, место проживания, семья и СМИ.

В целом полученные данные не имеют сильных расхождений с предыдущими исследованиями и подчеркивают статус жителей Свердловской области как активных избирателей, имеющих четкую политическую позицию.

О. А. Овсянникова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
3-й курс

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕШЕНИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Современный окружающий нас мир невероятно богат на проблемы и очень далек от идеальной картины мира, которую мы бы хотели видеть. В своем докладе я бы хотела обратить внимание на такие проблемы, как возникновение новых угроз в сфере международной безопасности, проблема коренного населения и экологическая проблема.

Мир не стоит на месте. С каждым годом появляется все больше новых идей развития, человечество изобретает новые технологии, которые постоянно модернизируются и совершенствуются.

Разработка и применение информационного оружия трансформируются из технологической сферы в политическую. Такие понятия, как информационные и телекоммуникационные технологии, совсем недавно появились в жизни людей, но прочно закрепились. Как и все в нашем мире, это имеет две стороны и, к сожалению, несет в себе не только хорошие качества, но и массу недостатков, и целый комплекс негативных последствий, в частности угрозу международной информационной безопасности. В настоящее время средства телекоммуникаций проникли во все сферы нашей жизни, появилось новое понятие «информационная война». Наша реальность стала информационной и породила множество проблем, к которым можно отнести компьютерную преступность. После «холодной войны» ее место занял новый вид оружия. Им стала информация. Именно информационное оружие полностью меняет условия ведения войны, пропадают видимые и невидимые границы между военным полем и мирным, появляется реальный шанс взять верх в войне без военного вмешательства, потерь для страны и проникновения на чужую территорию.

Этими вопросами в настоящий момент занимаются такие международные организации, как «Большая восьмерка», ОБСЕ, ШОС. Существует Европейская классификация угроз в сфере ИКТ, созданная на основе Европейской конвенции по киберпреступлениям, подписанной в Будапеште 23 ноября 2001 г. Данный вопрос рассматривается в стенах ООН с 1998 г. по настоящее время. По инициативе России данный вопрос привлек внимание в период с 23 сентября 1998 г.; проект резолюции ГА ООН был принят без голосования. С тех пор Генеральный секретарь каждый год предоставляет доклад Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, в котором выражено мнение большинства государств по данному вопросу.

Другой актуальной проблемой является определение статуса коренных народов. Данная проблема стала известной в деятельности ООН с созданием в 2000 г. Постоянного форума по вопросам коренных народов – консультативного экспертного органа, отчитывающегося перед Экономическим и Социальным Советом.

В целях осуществления информационной, популяризаторской и других задач форум тесно сотрудничает с неправительственными организациями разных стран. Когда речь заходит о социальных условиях жизни коренного населения, то принадлежность к этому обществу чаще всего ассоциируется с нищетой, нежели с благополучием. Это касается как развивающихся стран, так и развитых. Большая часть коренных народов остаются неграмотными, безработными и бедными. Продолжительность их жизни гораздо меньше, чем у некоренного населения. Курение, алкоголь и наркотики также являются проблемами коренных народов. К тому же их представители часто оказываются жертвами криминальных и насильственных преступлений.

Определяющей частью обыденной жизни коренных народов является земля, на которой они живут и трудятся, но ситуация складывается таким образом, что они лишены возможности распоряжаться территорией и природными ресурсами. Именно по этой причине культурам некоторых общин по всему миру грозит вымирание или полное исчезновение. Коренные народы не имеют допуска к механизму принятия политических и государственно важных решений, подвергаются искоренению, их культура считается примитивной, несостоявшейся.

Третьей важной проблемой является экологическая ситуация в мире. Как известно, мировая общественность впервые уделила серьезное внимание загрязнению окружающей среды только в 1962 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. И было это сделано неслучайно. Стали поступать первые тревожные сигналы о том, что если продолжать в тех же темпах загрязнять окружающую среду, человечество рискует оказаться в мире, в котором будет физически невозможно жить. Но, к сожалению, серьезных мер по сокращению уровня промышленных выбросов и других видов загрязнения окружающей среды не было принято. Подписанный в период с марта 1998 г. по март 1999 г. Киотский протокол впервые за все всю историю нормотворчества в сфере охраны глобального климата предложил реальную схему, основанную на рыночной системе регулирования, которая разумно ограничивает промыш-

ленные выхлопы. Теперь количество промышленных выбросов регулируется торговыми квотами, которые назначаются государствам. Следовательно, чтобы загрязнять атмосферу, нужно платить. По моему мнению, это действенное решение, но с некоторыми оговорками. Даже если богатые страны будут платить за количество выбросов, то это никак не остановит парниковый эффект и глобальное потепление. Нужны более действенные меры. Я считаю, что необходимо разрабатывать новые технологии и искать экологически чистые источники энергии. Научная база уже позволяет человечеству сделать это.

По моему мнению, повлиять на данную ситуацию чрезвычайно сложно, потому что основные проблемы лежат в самом современном мировом устройстве. И для того, чтобы что-то изменить, придется преобразовать и саму модель международных взаимоотношений.

К. Ю. Пиксаева
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
3-й курс

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА

Каждый день государственные и международные институты сталкиваются с большим количеством проблем, которые возникают в ходе развития и взаимодействия в современном мире. За последние пять лет увеличилась динамика государственных переворотов и революций, особенно в странах Востока. Причем следует заметить, что эти перевороты и революции с большим количеством пострадавших были инициированы извне, т. е. другими государствами. Такое вмешательство было названо государственным терроризмом, и в настоящее время оно используется все чаще.

Под государственным терроризмом понимают действия государственного насилия против гражданских лиц: незаконные за-

держания, убийства, похищения, пытки и казнь граждан без суда и следствия, выполняемые сотрудниками силовых структур. Государственным терроризмом также называют террористические акты, совершаемые сотрудниками спецслужб. Отличают также терроризм поддерживаемый государством, – это тот случай, когда государство, само не участвуя в терроризме, финансирует и поддерживает террористические группировки [см.: 1].

Использование государственного терроризма было предопределено еще в конце XX в. В начале 90-х гг. закончилась эпоха биполярного мира и «холодная война», в которой победившей стороной стали США. Как известно, в начале 2002 г. правительство США провозгласило новую концепцию, в соответствии с которой США наделяли себя правом свергать любое правительство, политика которого, по мнению Вашингтона, угрожала национальной безопасности США. Помощник президента по национальной безопасности К. Райс заявила: «Теперь Вашингтону не требуется даже предлога о нарушении прав человека в той или иной стране, чтобы совершить против нее агрессию или иным путем добиваться смены неугодного для него политического режима» [2].

Таким образом, США присвоили себе право определять на мировой арене области для интервенции без всяких пределов и ограничений, руководствуясь собственными «национальными интересами».

Для осуществления своих агрессивных акций, нарушающих международное право и суверенитет «неугодных» государств, используются любые подходящие предлоги. Такой оказалась спекуляция на террористических актах 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне [см.: 3].

Согласно исследованиям авторитетного Французского центра исследований разведывательных проблем (Centre Français de Recherche sur le Renseignement – Cf2R) цветные революции, произошедшие в регионах Ближнего Востока, Центральной Азии и Восточной Европы, являются событиями совершенно не спонтанными, а, наоборот, результатом хорошо спланированных операций [см.: 4].

США применяют для борьбы с неугодными режимами так называемый внешний государственный терроризм, т. е. действия, направленные на вмешательство ряда развитых стран во внутренние дела другого государства, зачастую такие действия хорошо завуалированы, что позволяет государству или правительству этого государства оставаться совершенно безнаказанным. Он особенно характерен для колониальной политики этих государств, осуществления ими военно-политической экспансии, деятельности по ослаблению и подрыву общественного и государственного строя стран – объектов их подрывной деятельности.

Финансирование такой деятельности не происходит напрямую, а через государственные организации по улучшению отношений со странами, например, существует Национальный фонд поддержки демократии (USAID) [см.: 5].

Сопоставление фактов и сценариев происходивших революций в Египте, Сирии, Украине демонстрирует единообразие действий, предпринятых для зачина народных восстаний, выступлений и столкновений с легитимным правительством: листовки с площади Тахрир в Каире и листовки с Евромайдана одинаковы, руководства по организации восстания также однотипны. Противоправность государственного терроризма как инструмента внешней политики закреплена в принятой на 39-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции 39/159 «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах». Но при всей важности этого международного акта можно указать на его главный недостаток – отсутствие в нем определения понятия государственного терроризма. Учитывая этот факт, государства должны задуматься об обеспечении собственной безопасности путем запрета распространения и усиления влияния внутри территории другими государствами, которые рассматривают территорию первого как сферу своих геополитических интересов.

Библиографические ссылки

1. Государственный терроризм : информ. проект [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://607507.ru/ (дата обращения: 02.11.2013).

2. Государственный терроризм и его роль в современном международном терроризма. Политическое образование [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lawinrussia.ru/node/127805 (дата обращения: 05.12.2013).

3. Государственный терроризм : поджог планеты. КМ онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.km.ru/spetsproekty/2013/06/06/publitsistika/712586-gosudarstvennyi-terrorizm-podzhog-planety (дата обращения: 08.12.2013).

4. *Charret A.* Note d'Actualite Nr 247 : Des Revolutions Arabes Spontanees? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cf2r.org/fr/notes-actualite/des-revolutions-arabes-spontanees.php (дата обращения: 15.12.2013).

5. *Платов В.* «Цветные революции» – спонтанно ли они происходят? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.journal-neo.org/2014/01/2 (дата обращения: 16.12.2013).

Е. В. Ракевич
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 2-й год обучения

РОЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ФОРМИРОВАНИИ ИМИДЖА ГОРОДА

В современных условиях развития мировой экономики уже не страны, а отдельные города становятся основными игроками, конкурирующими за всевозможные ресурсы. Немаловажным фактором успеха в данной борьбе становится имидж города. М. Н. Межевич характеризует имидж города следующим образом: «специально психологически формируемый образ города или его составляющих, ориентированный на определенную социальную группу с целью его продвижения» [3, с. 21]. Им подчеркивается, что имидж города служит для повышения его привлекательности и может целенаправленно формироваться для конкретных групп, будь то инвесторы или сами жители. А. Люлько отмечает, что в современном мире имидж города приобретает экономическую значимость и влияет на благосостояние горожан [см.: 2].

Исследователи при изучении имиджа говорят о существовании различных типов имиджа. Так, Е. Н. Богданов и В. Г. Зазыкин выделяют такое основание для типологии имиджа, как целенаправленность деятельности [см.: 1, с. 143]. По данному основанию различается имидж естественный и искусственный. Применительно к городу естественный имидж – это имидж, который сложился в представлении его жителей, а искусственный – который пытаются сформировать власти города. Именно политические институты общества обычно выступают инициаторами целенаправленной работы с имиджем города с целью повышения его конкурентоспособности в борьбе за те или иные ресурсы.

Институты политической системы в городе – это прежде всего органы местной власти, которые и отвечают за определение стратегии развития города, выделяют приоритетные направления и, как следствие, закладывают целеполагающие основы для формирования конкретного имиджа города. Таким образом, роль политических институтов в формировании имиджа города велика и основополагающа. По результатам проведенного нами социологического исследования в Екатеринбурге в ноябре 2013 – январе 2014 г. (исследование проводилось методом опроса, в выборочную совокупность вошли 385 человек, которые проживают в Екатеринбурге 5 и более лет), которое было посвящено внутреннему реальному имиджу города, было выявлено отношение горожан к политической сфере города, а также представление ее роли в формировании имиджа города.

По мнению большинства жителей города, основным субъектом, который оказывает влияние на формирование имиджа города, являются власти города, что подтверждает сказанное нами выше. Важная роль политических институтов признается горожанами. Но результаты опроса выявили противоречивую ситуацию, связанную с отношением горожан к политическим институтам.

Для анализа политической сферы города нами был сформирован комплексный показатель качества политической сферы Екатеринбурга на основе оценки респондентами таких показателей, как бюрократия, уровень коррумпированности, эффективность рабо-

ты городских властей и взаимодействие городских властей с горожанами. По результатам проведенного исследования получилось, что большинство респондентов отрицательно оценивают качество политической сферы города.

Следует отметить, что 85 % респондентов отметили, что политическая сфера влияет на формирование имиджа города. Но здесь важно выявить степень влияния данного элемента социального пространства. В поливариантном вопросе о том, что влияет на имидж Екатеринбурга, лишь 11 % респондентов выбрали политическую сферу. Мы проверили зависимость оценки имиджа Екатеринбурга в целом от оценки качества политической сферы. Выяснилось, что такой зависимости не обнаружилось, вероятность ошибки составила 0,3 и связь незначима (коэффициент Крамера 0,2).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что респонденты считают, что так или иначе качество политической сферы оказывает влияние на формирование имиджа города, но, взвешивая значимость данного влияния, оказывается, что по сравнению с другими факторами оно не так велико, что и подтверждают данные проведенного исследования: политическая сфера большинством оценивается отрицательно, а имидж Екатеринбурга – положительно. Также нельзя не отметить общую неудовлетворенность россиян политической сферой в стране, что характерно и для Екатеринбурга. Таким образом, недовольство властями не отражается значительно на имидже города.

Роль политических институтов в формировании имиджа города заключается в составлении общей стратегии и проведении целенаправленных действий в данном направлении. Влияние политических институтов на имидж города признается его жителями, а вот отрицательное отношение к ним не сказывается на имидже города в целом.

Библиографические ссылки

1. *Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г.* Психологические основы «Паблик рилейшнз». СПб., 2003.

2. *Люлько А.* Имидж города и факторы, влияющие на его формирование [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Lulko.pdf (дата обращения: 02.11.2012).

3. *Межевич М. Н.* Социальное развитие и город. М., 2001.

Ю. А. Рущак
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
3-й курс

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В последние годы XX в. Европейский союз столкнулся с рядом вызовов современной реальности, подтолкнувших руководителей к серьезному рассмотрению его трансформации. С конца 1990-х гг. и по настоящий момент Европейский союз находится в состоянии перманентной институциональной реформы, призванной решить проблему замедленного и затрудненного согласования и принятия решений в органах ЕС.

Причинами возникновения таких проблем и необходимости трансформации институтов послужили [см.: 1, с. 31]:

- Создание единого экономического пространства с последующим созданием единой валюты, что, несомненно, является сильным фактором сближения интересов стран-членов.
- Давление новых вызовов безопасности, которое заставило задуматься о необходимости создания единой согласованной внешней политики.
- Расширение Европейского союза на восток, что поставило вопрос о роли и силе воздействия новых стран-членов на страны-основательницы Союза.

Проблему трансформации институтов ЕС пытался решить в течение длительного времени. Основными документами, закрепившими некоторые институциональные изменения, были Амстердамский договор (1997), Ниццкий договор (2000) и Лиссабонский договор (2008). Именно рассмотрению институционального устрой-

ства ЕС в трактовке Лиссабонского договора, т. е. в его финальном виде, посвящен данный доклад. Ввиду того, что некоторые положения Лиссабонского договора вступят в силу только в ноябре 2014 г., доклад носит обзорный характер и ставит своей целью описание и разбор произошедших изменений с их предварительной оценкой.

Прежде всего необходимо отметить наделение двух органов статусом института, что расширяет их полномочия: Европейского совета (функционирует с 1974 г.) и Европейского центрального банка (функционирует с 1998 г.) [см.: 3, с. 111]. Наиболее серьезно институциональная реформа затронула 4 руководящих инстанции, совместными усилиями которых осуществляется и претворяется в жизнь политика ЕС: Европейский парламент, Европейский совет, Совет Европейского союза и Европейскую комиссию.

Основными проблемными вопросами реформирования Европарламента, затронутыми Лиссабонским договором, были: количество парламентариев, распределение квот между государствами-членами, определение роли Европарламента в принятии законодательных актов, расширение сфер, требующих его согласования с Еврокомиссией и Евросоветом.

Вопросы, требующие решения в отношении Европейского совета, были следующими: определение полномочий в качестве института ЕС, наделение правом издавать юридически обязательные акты.

Вопрос о затрудненном принятии решений в важнейших институтах ЕС ввиду большого числа стран-участниц и системе голосования абсолютным большинством стоит отдельно и методы решения этой проблемы отдельно рассматриваются в данном докладе. В зависимости от политического значения принимаемого решения и от органа, проводящего голосование, система абсолютного большинства заменена на систему простого, квалифицированного большинства или консенсуса (принятие решения при отсутствии возражений). Концепт «квалифицированного большинства», применяемого в ЕС, несколько сложнее его обычной трактовки, так как учитывает сразу два фактора: большинство государств-участников, представляющих большинство населения ЕС.

Европейская комиссия является предметом долгой дискуссии; необходимо соотнести мобильность принятия решений в Европейской комиссии с максимально полным представительством стран в этом органе. Лиссабонский договор предлагает новую формулу, по которой комиссары будут сменяемы. Эта формула вступит в силу 1 ноября 2014 г. Кроме того, требовалось разъяснение функций комиссии и порядка ее взаимоотношений с другими важнейшими институтами ЕС, что было сделано Лиссабонским договором.

Наиболее важным нововведением Лиссабонского договора стало введение в рамках Европейской комиссии должности Высокого Представителя союза по иностранным делам и политике безопасности. Вопрос единой внешней политики давно волнует руководителей Европейского союза, и с введением данной должности сделан большой шаг в направлении согласованной и единой внешней политики, поскольку высокий представитель призван отражать интересы всего Европейского союза на международной арене. Кроме того, значительно было расширено поле проведения совместных операций и усовершенствован институциональный механизм согласования внешней политики.

Институциональная реформа ЕС развивается очень динамично. При этом очевидно, что многие государства заняли «оборонительную» позицию, стремясь гарантировать себе средства блокировать будущие решения. В любом случае стоящие перед Евросоюзом задачи остаются прежними: усиление солидарности и готовности поступиться национальными интересами в пользу общеевропейских, более эффективная и гибкая система управления, активная экономическая политика и повышенное внимание к выравниванию уровня экономического развития.

Библиографические ссылки

1. *Кавешников Н. Ю.* Евросоюз в процессе трансформации // Современная Европа. 2005. № 3. С. 31–45.

2. *Кашкин С. Ю.* Европейский Союз : Основополагающие акты в редакции Лиссабонского договора с комментариями. М., 2013.

В. В. Савельев
департамент психологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 2-й год обучения

ГЕЙМИФИКАЦИЯ: ПУТЬ К ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ИНСТИТУТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В последние годы крайне актуальным вопросом является степень компетентности выпускников отечественных вузов, а также их конкурентоспособность в условиях международной рыночной экономики. Ряд специалистов [см.: 2; 3] отмечают, что качество высшего профессионального образования, несмотря на все прогрессивные реформы последних лет, постепенно ухудшается. Часть из них связывает это с внешними по отношению к вузам факторами, такими как введение ЕГЭ и общей коммерциализации образования, другие полагают, что причинами этого явления выступают внутривузовские факторы, такие как особенности формирования учебных программ и недостаток серьезных баз практики.

Однако кроме вышеперечисленных причин, существует еще одна проблема, связанная с особенностями мотивации и деятельности нынешнего поколения студентов – поколения, выросшего на компьютерных играх. Особенностью такого вида деятельности, как компьютерные игры, согласно А. Е. Войскунскому [см.: 1], является регулярное получение игроком так называемого опыта потока – состояния, описанного в работах М. Чиксентмихайи [см.: 4, с. 464]. Это состояние характеризуется предельной вовлеченностью субъекта в деятельность и получением значительного удовольствия в процессе ее выполнения, потерей чувства времени. Переизбыток такого опыта в виртуальном пространстве формирует тип личности, склонный к игровой зависимости, а недостаток его в образовательном процессе является причиной низкой вовлеченности в него студентов.

Выходом из данной ситуации видится введение в образовательный процесс игровых компонентов (геймификация) с целью создания опыта потока. Такими компонентами являются:

1. Цель, определяющая конечный результат.

2. Опорные точки на пути к цели (уровни).

3.Постоянное подкрепление прогресса (очки и награды).

4. Оптимальная трудность заданий.

5. Разнообразие в заданиях.

Дополнительными факторами, обеспечивающими вовлеченность, является коллективный характер деятельности, а также отсутствие наказания за неудачи.

Геймификация в настоящий момент нашла широкое распространение в различных коммерческих организациях, таких как Mc'Donald's, L'Oreal и Microsoft. Имеется успешный опыт внедрения игровых принципов в государственные структуры, такие как армия США и Британское министерство труда и пенсии [см.: 5]. Зарубежное образование также постепенно геймифицируется, что мы можем видеть на примере создания специализированных курсов по образу и подобию онлайновых видеоигр [см.: 6].

В ближайшее время мы планируем провести экспериментальное исследование, введя игровые элементы в процесс преподавания семинарских занятий по физиологии ВНД и СС. Планируется наличие экспериментальной группы, которая будет обучаться с использованием игровых методик и двух контрольных групп, обучающихся по стандартной программе. Участники исследования до начала и после завершения семинарских занятий пройдут тестирование по лекционному курсу дисциплины. В случае успешных результатов нами будут выработаны соответствующие рекомендации по внедрению игровых техник в программу курса.

Библиографические ссылки

1. *Войскунский А. Е., Митина О. В., Аветисова А. А.* Общение и «опыт потока» в групповых ролевых интернет-играх // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 5. С. 47–63.

2. *Кузьминов Я. И.* Образование в России. Что мы можем сделать // Вопр. образования. 2004. № 1. С. 5–30.

3. *Маршалкин М. Ф.* Современный уровень качества образования в России и тенденции подготовки специалистов высшего и среднего звена // Фундаментал. исслед. 2008. № 5. С. 92–93.

4. *Чикесентмихайи М.* Поток : Психология оптимального переживания. М., 2011.

5. *Linder J., Zichermann G.* The Gamification Revolution : How Leaders Leverage Game Mechanics to Crush the Competition // McGraw-Hill. 2013.

6. *Sheldon L.* The Multiplayer Classroom : Designing Coursework as a Game // Cengage Learning PTR. 2011.

К. К. Смирнов
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
магистратура, 2-й год обучения

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В XXI в.

Развитие международных институтов на протяжении всей истории сталкивалось с различными проблемами и вызовами. Приведу некоторые, на мой взгляд, самые актуальные проблемы.

Информация во все времена имела ключевое значение. Те античные и средневековые государи и правительства, которые умели преподнести текущую ситуацию с выгодной им точки зрения для своего окружения, народа, всегда имели преимущество над теми, кто этого не делал. С появлением телевидения произошел рывок во многих сферах: в научной, политической, общественной и т. д. Однако с приобретением однозначно положительных достижений, таких как возможность быстро узнавать любую информацию из разных уголков земного шара, смотреть общеобразовательные передачи или просто развлекательные, появилась и новая опасность. Информационные потоки, глобально влияющие на мировоззрение человека, оказались в руках ограниченной группы людей. Это значит, что они оказались в силах любое текущее или историческое событие представить так, как выгодно им или правящей группе. С тех пор противостояние между развитыми державами постепенно стало перемещаться из военного, ввиду изобретения мощного вооружения, в информационное. Но с изобретением глобальной Интернет-сети и запуском ее в общественное пользование информационные

потоки стали практически нерегулируемы. Пользователи получили возможность доступа к любым ресурсам, контент которых может содержать абсолютно любые сведения.

Интернет- и телекоммуникации положили основу такому явлению, зародившемуся во времена холодной войны, как «информационная война».

Данный процесс означал намеренное искажение фактов, будь то исторические события или современные, с целью подрыва авторитета правящего руководства, чтобы оно ушло в отставку и пришло новое, более лояльное. Это происходит и в наши дни.

В этой связи можно выделить следующие события:

1. После грузино-осетинской войны 2008 г. европейские и американские массмедиа стали намеренно искажать факты для дискредитации российского руководства.

2. Для организации революции в Египте в 2011 г. активным образом использовались социальные сети Facebook. По признанию египетских властей именно это послужило началом волнений.

Впервые проблема о «Достижениях в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» появилась в повестке ООН в 1998 г., когда Российская Федерация внесла резолюцию на рассмотрение Первого комитета Генеральной Ассамблеи. Одним из наиболее важных достижений в сфере контроля за информационной безопасностью я бы выделил Европейскую классификацию угроз в сфере ИКТ, созданную на основе Европейской конвенции по киберпреступлениям, подписанной в Будапеште 23 ноября 2001г. Однако данная конвенция не является общепринятой.

На данный момент можно выделить следующие важнейшие проблемы:

1. Отсутствие международного признания данной проблемы.

2. Отсутствие четких механизмов защиты от информационных атак посредством ИКТ, так называемых информационных войн.

3. Отсутствие общепринятой четкой терминологической базы касательно ИКТ.

4. Незащищенность независимых источников информации, таких как Wikipedia и др.

Человеческая история наглядно демонстрирует, что самой желанной целью у всех народов, во все времена была свобода: свобода самостоятельно управлять государством, принимать политические решения, объединяться или конфликтовать с другими странами. Однако процесс формирования государства очень продолжителен и таит в себе множество трудностей. Ведь необходимо, чтобы внутри общества существовали определенные структуры, которые будут способны взять на себя управление и обеспечение всем жизненно важным, большой массой людей. Только в 1945 г. с распадом колониальной системы в международном праве появляется статья, разработанная ООН, в которой прописано, что народы получают долгожданное право на самоопределение.

С первого взгляда кажется, что данная норма должна обеспечить стабильность и справедливость, но на практике обнаружилась другая, менее благоприятная сторона. Некоторые народности, проживающие в государстве наряду с титульным населением, чаще всего опираясь на идею исторической идентичности, решили отделиться и создать собственное государство. Совершенно ясно, что данный процесс приведет к расколу устоявшегося порядка и разрушению целостности страны. Существует множество примеров этого: баски в Испании, борьба в Пакистане между пуштунами белуджами и синдхами, идеи отделения Северной Ирландии от Великобритании и т. д. По моему мнению, на данный момент статья о праве народов на самоопределение стала политическим инструментом давления на другие страны и отстаивания своих личных корыстных интересов. Показателен пример Тибета. В данном случае налицо насильственный захват этой страны Китаем. Потому что до 1950 г. Тибет существовал как отдельное государство. Однако другие развитые страны не рискуют открыто признавать независимость Тибета и принимать какие-то меры против Китая, потому что опасаются ответных мер и упущенной выгоды от сотрудничества.

Любой вопрос, касающийся образования нового государства, должен выноситься на всенародный референдум во всех развивающихся и развитых странах мира. Мне кажется, что в данном случае принятое решение будет наиболее объективным, и не будет зависеть от чиновников и олигархов.

Конечно, глобальных проблем международных институтов гораздо больше, но вместо того, чтобы поверхностно затронуть все, я попытался более углубленно рассмотреть наиболее актуальные вызовы современности.

Ю. С. Соловьева
департамент философии ИСПН УрФУ,
4-й курс

SELFIE КАК НОВЫЙ ВИД ФОТОГРАФИИ И СПОСОБ ИНСТИТУАЛИЗИРОВАТЬ ОБЫДЕННОЕ

Всего год или два назад ставший популярным термин *selfie*, или «селфи», на данный момент получил настолько широкое распространение, что в Сети мы можем встретить фотографии Папы Франциска с посетителями Ватикана.

Культуре давно известно такое явление, как автопортрет. Мы наблюдали это явление в изобразительном искусстве, литературе, скульптуре и кинематографе. Один из первых примечательных для искусства автопортретов появился еще в эпоху Возрождения. Серия автопортретов Альбрехта Дюрера не осталась не замеченной, особенно после появления автопортрета, созданного в 1500 г. На этом автопортрете Дюрера образ художника подобен тому, как изображался Иисус в этот культурный период.

Появление такого значительного блока культуры, как фотография, изменило статус изобразительного искусства. В данной работе нами анализируется рассмотрение «фотографии» Пьером Бурдье. Бурдье осуществляет социологическое и антропологическое исследование фотографического поведения людей. Это фотографическое поведение включает в себя разные практики: фотографировать, фотографироваться, рассматривать фотографии. П. Бурдье показывает, что чисто механическое понимание фотографии не выдерживает критики. Ошибочно полагать, что фотографическое изображение записывает мир таким, каков он есть. Бурдье пишет, что из всех качеств объекта в фотографии удерживается только одно – визуаль-

ное, которое появляется на мгновение и схватывается только с одной точки зрения. Иногда относительно фотографии упоминается словосочетание «символическая коммуникация без синтаксиса».

Бурдье опирается на мнение некоторых авторитетных историков искусства, например П. Франкастала: «Фотография – средство механического записывания образа в условиях более или менее аналогичных видению – делает видимым не реальные характеристики традиционного видения, но, напротив, его систематизированную форму: фотографию подают даже сегодня как функцию классического художественного видения, но это обусловлено успехом оптической мануфактуры и использованием одной линзы. Камера снабжена видением Циклопа, не человека, то, что называют "нормальным видением", является просто избирательным видением, мир бесконечно богаче в проявлениях, чем кто-то мог подумать» [2, с. 196].

Полная парадоксальность обычной фотографии обнаруживается в ее временном измерении. Стремясь выявить абсолютно уникальные моменты соответствующих ситуаций, как показывал В. Беньямин, фотография выхватывает аспекты, обычно не воспринимаемые в перцептивном смысле, ибо они мгновенны: «Природа, открывающаяся камере, – другая, чем та, что открывается глазу. Место пространства, проработанного человеческим сознанием, занимает бессознательно освоенное пространство» [1, с. 54].

Как раз для Бурдье интересна не просто фотография, на которой нечто отображено, но фотография, которую некто сделал, потратив время и деньги, которую кто-то держит в руках, показывает другим и сохраняет.

Это самый действующий субъект, благодаря которому возможна сама фотография, разумеется, не считая самой камеры, в данном разрезе исследования становится важнейшей частью. В какой мере легитимно говорить об инситуализации современного «вида» фотографии?! Когда централизация переходит из поля художественной фотографии в поле более посредственных, на первый взгляд, фотографий, сделанных для того, чтобы выложить в социальную сеть, возникает множество противоречивых вопросов. Популяри-

зация такого жанра фотографии, как «селфи», предполагает некоторые изменения и сдвиги в исследованиях поля фотографии в сторону человека, буквально держащего свой фотоаппарат в руке. Допустим, мы определяем selfie-photo как фотографии, объектом которых становится сам субъект фотографирования или пространство, в которое он вовлечен вместе с деятельностью, осуществляемой им же.

Тогда становится неудивительным факт повсеместного распространения данного явления. Насколько правомерно говорить о том, что вскоре из подобного вида фотографий получатся произведения искусства?! На такую мысль нас наталкивает и современное положение изобразительного искусства, и такие новые поля, как медиа-арт.

Библиографические ссылки

1. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости : Избранные эссе. М., 1996.

2. *Bourdieu P.* Photography : A Middle-brow Art. Oxford, 1998.

Д. В. Сурков

департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, магистратура, 2-й год обучения

«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В РОССИИ, АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Здравствуйте, не могли бы Вы уделить десять минут своего времени и принять участие в исследовании» – фраза, которую с каждым годом все чаще слышат россияне. И в этом нет ничего удивительного, ведь за последние 20 лет частота проведения маркетинговых и социологических исследований на территории Российской Федерации непрерывно растет. По данным различных исследовательских ассоциаций и компаний ежегодный рост рынка маркетинговых и социологических исследований в России состав-

ляет порядка 10 % [см.: 7]. За последние 6 лет он уверенно входит в «Топ 25» самых больших рынков мира и с каждым годом стремится к увеличению своей позиции. Помимо общего роста рынка, в среднем растут и обороты отдельных компаний, их материальные активы и чистая прибыль. Данные изменения могут быть объяснены активным проникновением иностранных компаний на российский рынок, ростом заинтересованности государственных органов и российских компаний в получении информации на основании исследований общественного мнения и возрастающей роли исследований в рамках выборных процессов. Все перечисленное свидетельствует о важной роли института изучения общественного мнения в современной России и требует детального контроля и изучения процессов, проходящих внутри него.

«Социологи сказали: "Надо!" Фальсификаторы ответили: "Есть!"» [3] – одна из сотни статей, которую мы можем обнаружить в любой поисковой системе сети Интернет в ответ на запрос – «Доверие к социологам». Частота таких публикаций заметно растет в период проведения общероссийских социальных процессов, таких как выборы. На представителей профессионального сообщества исследователей общественного мнения обрушивается шквал обвинений, базирующихся на ряде фактов:

• Прогнозы социологов полностью совпадают с результатами реализации тех или иных процессов (результаты процессов сфабрикованы под результаты исследования или наоборот).

• Прогнозы социологов оказались неточны (исследователи не обладают необходимым уровнем компетенций для реализации своей деятельности).

• Исследователи ангажированы (представляют только ту информацию, которая соответствует интересу определенного круга лиц).

• Проведенные исследования не прозрачны (неизвестны процедура сбора данных и их достоверность).

• Исследователи манипулируют общественным мнением (по средствам публикации сфабрикованных результатов исследований прививают определенную точку зрения).

В попытке «вернуть свое честное имя» и опровергнуть вышеуказанные факты профессиональным исследовательским сообще-

ством была предпринята не только череда публичных выступлений, но и организация независимого проекта «Открытое мнение» [см.: 3]. Ключевой целью авторов данного проекта являлось повышение уровня доверия общественности к социологической информации при помощи открытых, независимых исследований. Но, несмотря на успех данного проекта, обвинения в адрес исследователей продолжаются как со стороны журналистов, политологов, представителей общественности и тех, чья точка зрения расходится с результатами исследований, так и со стороны представителей научного сообщества. Отдельно стоит отметить, что внутри исследовательского сообщества ставится вопрос о достоверности тех или иных результатов исследований. Данный факт был подтвержден в ходе исследования, реализованного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в рамках проведения пятой международной социологической конференции «Продолжая Грушина», предметом которого было доверие профессионального исследовательского сообщества к результатам исследований коллег [см.: 4]. На сегодняшний день мы можем говорить о следующей сложившейся ситуации:

- низком уровне доверия общественности к результатам исследований общественного мнения;
- низком уровне доверия профессионального сообщества к результатам деятельности своих коллег.

Стоит добавить, что речь идет не только о доверии к тому или иному исследователю или исследовательской компании, а в целом о легитимности исследовательской деятельности, базирующейся на изучении общественного мнения, легитимности как правомерности, допустимости, оправданности определенного действия на основе его соответствия общепризнанным нормам и ценностям [см.: 5]. В этом, на наш взгляд, и заключается главная проблема. Однако рассматривая мировую практику, мы можем наблюдать, что исследования общественного мнения являются общепризнанным видом деятельности, позволяющим выстраивать прогнозы с высокой степенью достоверности, описывать социальные и рыночные процессы, выявлять установки и предпочтения. Следова-

тельно, мы можем говорить об определенной российской специфике исследований общественного мнения, а конкретнее – о проблеме возникновения недостоверных результатов исследований и о причинах возникновения данных недостоверностей, требующих глубинного изучения.

Библиографические ссылки

1. *Фролов Д.* Российский рынок маркетинговых исследований : итоги 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.r-trends.ru/news/news_917.html (дата обращения: 10.10.14).

2. Открытое мнение. Независимый социологический проект [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.openopinion.ru/ (дата обращения: 10.10.14).

3. *Скоробогатько С.* Социологи сказали: «Надо!» Фальсификаторы ответили: «Есть!» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.izbrannoe.ru/27293.html (дата обращения: 10.10.14).

4. *Подосенов С.* Социологи не верят собственным результатам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://izvestia.ru/news/566797 (дата обращения: 10.10.14).

5. *Осипов Г. В.* Социологический энциклопедический словарь. М., 2000.

Л. Ю. Суслова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
2-й курс

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ ООН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современной системе международных отношений важное место принадлежит Организации Объединенных Наций, которая, по существу, является первым в истории механизмом широкого многогранного взаимодействия различных государств в целях поддержания международного мира и безопасности, содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов [см.: 1, с. 3]. Организация Объединенных Наций является уникальной международной организацией. Ее основные цели: поддержание мира и

безопасности на планете; развитие дружественных отношений между странами; сотрудничество в разрешении международных проблем и в обеспечении уважения прав человека; согласование действий разных стран. Организация осуществляет свою деятельность по широкому ряду вопросов, являясь для своих 193 государств-членов форумом, который позволяет им через Генеральную Ассамблею, Совет безопасности, Экономический и Социальный советы и другие органы и комитеты высказывать свою точку зрения. За годы существования ООН совместно с организациями ее системы удалось достичь значимых успехов во многих областях – от поддержания мира и гуманитарной помощи до охраны окружающей среды [см.: 2].

Но для поддержания и осуществления основных целей и задач, заложенных в Уставе ООН, сама организация должна идти в ногу со временем, реагировать на процессы, происходящие в мире. По моему мнению, главная проблема реформирования организации состоит в том, что участники (а это 193 государства) из-за непреодолимых разногласий не могут договориться о путях реформирования организации. Зачастую предложения одних государств не отвечают интересам других. О необходимости реформирования неоднократно высказывались не только почти все представители стран-участниц, но и бывший Генеральный секретарь Кофи Аннан, который практически сразу после вступления в должность выступил с инициативой по проведению плана реформ «Обновление Организации Объединенных Наций» (52-я Генеральная Ассамблея ООН), представленного в июле 1997 г., который осуществляется с того времени, делая акцент на обеспечении более эффективного взаимодействия и координации [см.: 3].

В одном из важнейших документов ООН – «Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций», принятой 8 сентября 2000 г. Генеральной Ассамблеей, члены организации приняли на себя обязательства в достижении целей развития тысячелетия в области мира и безопасности, охраны окружающей среды, прав человека, укрепления ООН. В восьмом пункте документа – «Укрепление ООН» – говорится о том, что государства приложат все уси-

лия для того, чтобы организация превратилась в более эффективный инструмент для решения первоочередных задач. ООН ориентирована на проведение всеобъемлющей реформы Совета безопасности во всех ее аспектах; продолжение укрепления Экономического и Социального Совета, опираясь на его последние достижения, с тем чтобы помочь ему выполнять роль, предписанную ему в Уставе; подтверждение центрального места Генеральной Ассамблеи как главного совещательного, директивного и представительного органа Организации Объединенных Наций и предоставление ей возможности эффективно играть эту роль [см.: 4].

С того времени (с 2005 г.) по инициативе глав государств были созданы новые органы, такие как Комиссия по миростроительству, призванная помогать странам на постконфликтном этапе, и Совет по правам человека, заменивший Комиссию по правам человека. Одобрена Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, приняты решения по оживлению деятельности Генеральной Ассамблеи ООН [см.: 5]. Но для того, чтобы организация могла заработать в полную силу, необходимо, по моему мнению, реформирование всех органов: усилить их эффективность и целостность, обеспечить возможность отвечать всем нуждам и современным реалиям.

Основные проблемы реформирования состоят сегодня в следующем: необходимость разрешения проблемы финансового кризиса Организации; привилегированное положение постоянных членов Совета безопасности, пересмотр кадрового состава, обеспечение более эффективного управления, возможное расширение Совбеза.

На последнем хотелось бы остановиться подробней, так как в последнее время наиболее активно говорится о реформировании Совета безопасности. Наряду с РФ, США, Францией, Великобританией, Китаем о своем желании стать членами Совета безопасности заявил целый ряд государств. Основными кандидатами на новые постоянные места в СБ ООН считаются Бразилия, Германия, Индия и Япония. Но и тут мнения стран-участниц разделились, например, США не проявляет никакой инициативы по возможному присоединению новых государств, хотя Россия и Китай не исключают такой возможности. Следует уточнить, что Россия одобрит

такой шаг только в том случае, «если в рамках СБ ООН будет широкое согласие в отношении расширения состава СБ среди как постоянных членов, так и непостоянных» [6]. Как заявил министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров в одном из интервью «Российской газете»: «Реформа – это не явление, а процесс. При этом, очевидно, необходимо найти консенсус среди в данном случае 190 стран» [7]. Также нужно отметить, что реформирование должно проходить постепенно и осторожно, для того чтобы не потерять те ценности и принципы, которые заложены в уставе организации.

Итак, ООН с ее огромным потенциалом была, остается и, как мне кажется, будет оставаться главной площадкой для обсуждения мировых проблем, согласования основных общих целей. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что организация имеет проблемы, которые, в свою очередь, приводят к ее неэффективности и неспособности в урегулировании вопросов, касающихся всего мирового сообщества. Институты перестали в полной мере выполнять возложенные на них задачи. Но сейчас важно то, что со стороны государств звучат призывы о необходимости проведения реформ, страны готовы находить компромиссы, а это говорит о том, что ООН сможет себя реформировать в условиях современного миропорядка.

Библиографические ссылки

1. Международные организации системы ООН / сост. А. А. Титаренко. М., 1990.

2. Организация Объединенных Наций. Общие сведения [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/ (дата обращения: 31.03.2014).

3. Генеральный Секретарь ООН – Кофи Аннан. Роль Генерального Секретаря [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sch57.irkutsk.ru/docs/OON/5.html (дата обращения: 31.03.2014).

4. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 02.04.2014).

5. Играем по правилам. Глава МИД России о походе в ООН, смене режимов, национальном долге и гражданской войне // Рос. газ. 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2011/09/20/lavrov-site.html (дата обращения: 31.03.2014).

6. Москва рассматривает Японию, Германию, Бразилию и Индию как «сильных кандидатов» в постоянные члены СБ ООН – МИД РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ria.ru/politics/20040917/683936.html (дата обращения: 01.04.2014).

7. Сергей Лавров : Реформа ООН займет годы // Рос. газ. 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rg.ru/2005/09/22/lavrov-oon.html#comments (дата обращения: 01.04.2014).

В. В. Таистова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ, 2-й курс

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТИТУТЫ ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ В XXI в.

Современная ситуация в отношении взаимодействия таких единиц, как личность, общество, государственные и негосударственные акторы, является важной составляющей для анализа процессов, происходящих между ними. В ходе их взаимодействия случаются разного рода столкновения, которые порождают опасные проблемы современности в рамках международных отношений. Тема вызовов XXI в. актуальна как никогда. Часть международников полагает, что мир – на пороге Третьей мировой войны, сценарии которой различны: будет ли это ядерная война или терроризм достигнет своей критической точки, или повсеместные гражданские восстания разрушат действующий миропорядок?

Для начала хотелось бы обратиться к профессиональной терминологии, а именно: разобраться, что же такое «вызовы».

Вызов – это требование, выраженное взглядом, словами, поступками и т. п. или желание вступить в борьбу [см.: 1, с. 109].

Существует множество глобальных вызовов в современном мире: экологические проблемы, угроза термоядерной войны, социально-демографические проблемы, преодоление экономической отсталости, бедности и нищеты стран «третьего мира», наркотики, опасные болезни, а главное, что хотелось бы рассмотреть подробнее, – международный терроризм.

В конце XX – начале XXI в. значительно усилилась опасность террористической деятельности. Она не ограничивается теперь акциями отдельных групп террористов, а осуществляется систематически крупными организациями международного масштаба, охватывает целые страны, обширные регионы, вследствие чего происходят экономические, политические и моральные потери. Возросла степень тяжести последствий террористических актов. Жертвами международного терроризма может стать каждый, будь то личность или государство. Это преступление международного характера, которое касается каждого. В последние десять лет, начиная с 11 сентября 2001 г. (небезызвестный теракт в США), неоднократно наблюдается тенденция развития терроризма. Все это нам освещают СМИ, так как именно они резко реагирует на подобные действия, что в итоге моментально освещается на центральных каналах телевидения. И все это только на руку террористам, ведь основная их цель – устрашение. Если ранее жертвами террора становились отдельные лица, почему-либо ненавистные террористам, то ныне – тысячи и десятки тысяч ни в чем не повинных людей. Со стороны ведущих стран мира были допущены грубые ошибки, которые послужили толчком для прогрессирования данного явления. Примером может служить распространение американского влияния на территории Дальнего и Ближнего Востока, что в итоге встретилось отпором со стороны исламского мира: вторжение США с попыткой сменить недемократические движения в Афганистане в 2001 г., в Ираке в 2003 г. и др. [см.: 2, с. 91].

Это неизбежная проблема, с которой необходимо бороться. Вырабатывается правовая база по борьбе с международным терроризмом, но она требует дальнейшего усовершенствования. Главным сейчас является то, что многие страны сплотились в организации,

такие как ШОС, ООН и др., которые направлены на борьбу с данным родом преступлений. Также вопрос международного терроризма неоднократно поднимается в ходе встреч лидеров «Группы восьми». Например, саммит в Хантсвилле (Канада) в 2010 г., где было объявлено о новых инициативах по противодействию глобальным вызовам в сфере безопасности [см.: 3].

Особую опасность представляет собой возможность получения террористическими организациями оружия массового поражения: ядерных боеприпасов, химических отравляющих веществ, биологических средств заражения смертельными болезнями. Такое оружие позволило бы им терроризировать целые государства и их правительства.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что современный мир находится в динамичном развитии, стремительно происходит процесс глобализации, последствия которой не только позитивные, но и негативные. Необходимо учитывать все угрозы, которые проявляются в сегодняшнее время. К тому же не стоит забывать об исторических ошибках, из которых можно вывести что-то полезное и в дальнейшем предотвратить подобное. Каждая страна должна заботиться о своей безопасности, разрабатывать проекты, обеспечивающие ее, сотрудничать с другими государствами по предотвращению проблем. Только при таком положении дел можно что-то изменить.

Библиографические ссылки

1. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 7-е изд. М., 1968.

2. *Никитина Ю. А.* Международные отношения и мировая политика : Введение в специальность. М., 2009.

3. «Группа восьми» и участие в ней России : Официальный сайт председательства Российской Федерации в «Группе Восьми» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.g8russia.ru/docs/russia_and_g8/history.html (дата обращения: 07.04.2014).

М. В. Тункин
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
1-й курс

ТРИКСТЕР И СОЦИАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

Буквально «Трикстер» обозначает «плут», «обманщик» (от слова *trick* – обман, трюк, шутка, шалость, глупый поступок). Шут, скоморох, паяц – синонимы этого слова на русском языке. Смысл, который передает данное слово, не ограничивается этими синонимами и определением, он противоречив, и исследователями рассматривается комплексно, он не изучен до конца до сих пор, оставаясь загадкой. С другой стороны, к нему можно подходить поверхностно, так как сам Трикстер не вкладывает глубокого смысла в свои поступки и по большей части делает их для своей выгоды, удовлетворения низших потребностей и игры на публику. Таким образом, если мы ставим перед собой цель понять изнутри сущность Трикстера, то неверным будет изучать его натуру какими бы ни было методами, а лучше самому опробовать его методы. По сути своей само понятие «Трикстер» не может существовать без социальных императивов, так как когда говорят о Трикстере как о трюкаче, имеется в виду его трюкачество в области социальных норм, правил и традиций. Вся сущность Трикстера заключается в том, чтобы идти наперекор привычному. То, как он это делает, какие методы использует – вопрос уже отдельный, но в конечном итоге выходит, что все известные персонажи-Трикстеры имеют схожую характеристику и обладают в первую очередь ораторскими навыками, хитростью, умением выбираться из ситуаций любой сложности всеми возможными методами, которые зачастую принуждают контактировать Трикстера с другими индивидами. Трикстер сам является порождением социальных императивов, несущим положительный или отрицательный характер. Исходя из этого, целесообразно будет провести анализ влияния Трикстера на социальные императивы с двух точек зрения, дабы показать противоречивость вопроса и целесообразность дальнейшего его изучения.

Если говорить о Трикстере как о разрушителе социальных императивов, то сразу приходится обращаться к определению Трикстера. Оно дает полную уверенность в том, что Трикстер есть порождение, персональная цель которого – борьба с привычными порядками, а следовательно, и их полное уничтожение. Действительно, своим поведением персонажи данного типа как бы ведут постоянное противостояние, может и не неся с собой замысел самого противостояния, а делающие те или иные поступки ради своего «незаинтересованного» шаловства. Социальные нормы для Трикстера не являются препятствием для достижения его целей, пусть даже самых маленьких, он может прибегать ко лжи, исправляя свою репутацию или подставляя других. Трикстер постоянно подставляет и разыгрывает кого бы то ни было, это может быть значимая фигура или совершенно незначимая. Не всегда это происходит для собственной выгоды или удовлетворения своих мелких потребностей. Часто это происходит просто так или для того, чтобы преподать урок, проучить, заставить сделать выводы. Методы бывают чересчур жестокие, забавляющие персонажа-Трикстера, и никак далее не оставляющие след на его совести. Таким образом, можно сделать вывод, что разрушительный аспект Трикстера можно отследить на персональном уровне. Трикстер разрушает императивы для себя лично и охотно демонстрирует то, как он это делает, оставаясь для окружающих противоположностью идеала подражания.

На основе общих понятий нельзя сразу выделить черту, которая для социума в целом оказалась отрицательной. Если отталкиваться от определений, нельзя сказать, что Трикстер напрямую разрушает социальные императивы, несмотря на то, что это является его личной целью, он им противодействует. Противодействие теперь в социальном плане не обязательно несет отрицательный характер. Трикстер может бороться с нормами, давая им возможность совершенствоваться в сторону либерализации или поучать чему-то. Кроме того, иногда он – единственный персонаж, который может противостоять власти, так как его разум не скован социальными стереотипами, и ему удобнее давать конструктивную критику. Еще

одна характерная черта Трикстера – мудрость, поддерживаемая хитростью. Поэтому в некоторых случаях он сам находится при власти, противоборствуя ей.

Общество противодействует Трикстеру просто как врагу того, что строилось этим обществом на протяжении долгого времени, разрабатывая при этом свои методы улучшения системы. Трикстер рожден современными ему императивами, соответственно в разное время он имеет свои особенности. Можно предположить, что этот факт подтверждает необходимость существования Трикстера, иначе бы он просто не появлялся. В утопическом обществе, где нет необходимости существования социальных норм, Трикстер не появится, по сути, все станут равноценными обладателями свойств Трикстера, а значит, потеряют главное свойство – своеобразность. Возникает вопрос, нужно ли кому-то такое общество. Следует сказать, что Трикстер выражает скрытое общественное мнение, он делает то, чего не сделает обычный человек под давлением норм, но что скрыто в его сознании, его желаниях. Таким образом, без данного персонажа не может быть уверенности в том, что социальные императивы вообще существуют, а значит, наоборот, его наличие гарантирует их существование. Из этого исходит, что Трикстер является гарантом социальных императивов и способствует, обосновываясь на вышесказанном, их совершенствованию в сторону тех изменений, которые необходимы обществу.

Выходит, что феномен Трикстера сохраняет в себе множество противоречий, особенно это открывается во время его глубокого изучения. К сожалению, раскрытием темы занимаются немногие исследователи. Те, которые занимаются, часто не раскрывают суть всего вопроса, просто проводят анализ известных существующих персонажей-Трикстеров или исследуют с точки зрения какой-то конкретной области науки.

И. В. Ульянова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
2-й курс

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО РОССИИ И КНР И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Российско-китайские отношения на современном этапе играют исключительно важную роль в системе обеспечения международной и региональной безопасности. Они основываются на прочной правовой базе и позиционируются обеими сторонами как доверительные и партнерские. Начало этапу стратегического партнерства между Россией и КНР было положено в 1997 г. подписанием «Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка» [см.: 3]. С тех пор Россия и КНР неоднократно демонстрировали единый подход к решению глобальных и региональных проблем современности в качестве постоянных членов Совета Безопасности ООН и ведущих держав в рамках таких международных и региональных структур, как ШОС, БРИКС, G-20 и др. Сфера двусторонних отношений также характеризуется взаимным уважением к решениям друг друга в вопросах внутренней политики и обеспечения национальных интересов даже в случаях, когда действия Москвы или Пекина вызывают неоднозначную реакцию на международной арене.

Одним из показательных является пример всесторонней поддержки руководства КНР со стороны российских властей в «тибетском вопросе». Москва неоднократно заявляла, что разделяет точку зрения Пекина о том, что проблема Тибета является исключительно внутренним делом КНР, следовательно, вмешательство иностранных государств в ее решение недопустимо. Примечательно, что ввиду болезненной реакции Пекина на любые международные контакты далай-ламы XIV и во избежание осложнений в отношениях с исключительно важным стратегическим партнером российские власти отказывают духовному лидеру буддистов во въездной визе в Россию, несмотря на многочисленные просьбы буддийского населения страны, в частности жителей Калмыкии, Бурятии и Тувы [см.: 2].

В марте 2008 г. в КНР вспыхнуло масштабное протестное движение тибетцев, вызванное, как заявляли его лидеры, систематическим нарушением гражданских прав и свобод жителей Тибета, а также активной миграцией китайского населения в ТАР [см.: 7]. Руководство КНР расценило протесты как угрозу национальной безопасности страны и жестко подавило выступления. Пекин обвинил в организации беспорядков духовного лидера тибетцев и тибетское правительство в изгнании, которые, по его мнению, уже в течение долгого времени не оставляют попыток добиться независимости Тибета путем осуществления активной сепаратистской деятельности, направленной на раскол Великой Поднебесной [см.: 5].

Волнения в Тибете, начавшиеся накануне летних Олимпийских игр 2008 г. в Пекине, сразу же привлекли международное внимание: политические круги и общественность целого ряда стран выступили в поддержку тибетцев, приняв участие в акциях солидарности с ними. Более того, правительства некоторых стран одобрили идею бойкота летней Олимпиады в Пекине 2008 г., пытаясь тем самым склонить власти Китая к конструктивному диалогу с духовным лидером тибетцев его святейшеством далай-ламой XIV [см.: 4]. В отличие от большинства стран Запада, Россия воздержалась от критики в адрес Пекина и назвала неприемлемой идею бойкота Олимпиады [см.: 1].

В свою очередь правительство Великой Поднебесной также не отказало в поддержке России по вопросу о присоединении Республики Крым в условиях недавно развернувшегося на Украине движения «Майдан». Официальный представитель МИД Китая Цинь Ган выступил со специальным заявлением, в котором указывалось, что «Китай уважает независимость, суверенитет и территориальную целостность Украины» и решение украинского вопроса «должно быть найдено на основе уважения международного права и норм». Вместе с тем Цинь Ган назвал вполне обоснованной позицию В. В. Путина о том, что Россия сохранила за собой право защищать свои интересы и русскоязычное население, проживающее в Украине. Поэтому, по мнению Пекина, Западу следует уважать исключительно важную роль России в формировании будущего разрушающейся сегодня Украины [см.: 6].

Выдержанное в туманных формулировках заявление представителя Пекина позволило руководству КНР в оценке крымских событий поддержать своего стратегического партнера – Россию и при этом не нарушить исповедуемый Китаем принцип невмешательства во внутренние дела суверенного государства. Как верно подчеркнула газета Global Times, в мировой политике расчеты соотношения сил значат больше, чем принципы, поэтому геополитическая стратегия Китая требует, по крайней мере, скрытой поддержки России [см.: 6].

Таким образом, взаимовыгодное сотрудничество и отстаивание интересов союзника в российско-китайском стратегическом альянсе способствует не только достижению национальных интересов России и Китая, но и ослаблению политической напряженности, время от времени возникающей между Западом и Востоком.

Библиографические ссылки

1. *Жуков А.* Россия выступает против бойкота Олимпиады–2008 // Лента политических, экономических и общественных новостей Красноярского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.24rus.ru/print.php?UID=27752 (дата обращения: 30.03.2014).

2. *Карамаев С.* Россия поменяла далай-ламу на острова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lenta.ru/articles/2004/11/30/lama (дата обращения: 02.04.2014).

3. Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка : текст. 1997 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sci-book.com/vneshnyaya-politika/rossiysko-kitayskaya-sovmestnaya-deklaratsiya-37584.html (дата обращения: 01.04.2014).

4. *Watts Jonathan.* Merkel says she will not attend opening of Beijing Olympics // Theguardian [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.theguardian.com/world/2008/mar/29/germany.olympicgames2008 (дата обращения: 29.03.2014).

5. *Xuequan Mu.* China publishes evidences of Dalai clique's masterminding of riots // Официальный сайт правительства КНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://english.gov.cn/2008-04/02/content_934628.htm (дата обращения: 01.04.2014).

6. *Shannon Tiezzi.* China Backs Russia on Ukraine [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://thediplomat.com/2014/03/china-backs-russia-on-ukraine/ (дата обращения: 02.04.2014).

7. Tibetan Centre for Human Rights and Democracy. Uprising in Tibet 2008. Documentation of protests in Tibet. 2008.

П. А. Фофанова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
4-й курс

ИТАЛЬЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕРЕД МИГРАЦИОННЫМ ВЫЗОВОМ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Италия позднее многих европейских стран столкнулась с иммиграцией. Начиная с XIX в., многие итальянцы эмигрировали в соседние европейские страны (Францию, Бельгию, Германию), а также в Латинскую Америку и США. И лишь в конце XX в. иммиграция стала вызовом итальянскому обществу и законодательной системе [см.: 5, с. 176].

Историю иммиграции в Италию можно разделить на три этапа. Первый из них (начало 70-х гг. – 1981 г.) – это период «транзитной иммиграции», нацеленной на более развитые страны ЕС. В 80-х гг. XX в. в Италии начался экономический рост, улучшились условия жизни. Это стало причиной второй волны мигрантов, на этот раз трудовых, как легальных, так и нелегальных. Возникла развитая миграционная сеть, формировавшаяся на юго-востоке и юго-западе побережья страны [см.: Там же, с. 177].

С 1986 г. в стране корректируется трудовое законодательство с целью контроля над иммиграцией [см.: 3]. Новое увеличение числа нелегальных иммигрантов побудило власти Италии открыть программу амнистий, легализующих положение иностранцев [см.: 4]. С этого времени отчетливо проявилась основная черта итальянской иммиграционной политики: ее основные законы всегда были вынужденными мерами, связанными с возникшими сложностями в той или иной сфере контроля за въездом в страну.

В 90-х гг. XX в. акцент в миграционной политике сместился с внутреннего контроля (вид на жительство и контроль над рынком труда) на внешний, а также на вопросы общественного порядка. Однако только в 1998 г. появилось первое систематизированное законодательство, позволявшее депортировать нелегалов и создававшее программы по интеграции легальных иммигрантов. С этого периода начинается третий этап – этап контролируемой иммиграции.

В 2002 г., через год после победы правоцентристской коалиции, был принят закон Босси–Фини [см.: 2]. Он и по сей день остается стержнем иммиграционного контроля. Этот закон ограничил воссоединение семей и время на поиск работы, а работодатель был признан несущим ответственность за работника-иммигранта. В 2006–2007 гг. были вновь упрощены воссоединение семей и усыновление детей-иммигрантов. Возникла проблема иммигрантов второго поколения, поскольку они могут получить итальянское гражданство только после совершеннолетия, даже если родились и выросли в Италии.

Экономический кризис вынудил техническое правительство с 2011 г. повысить налоги. Эта мера заставила многих небогатых иммигрантов скрываться от государственных служб и перейти в сферу теневой экономики. В феврале 2011 г., когда страна вынуждена была объявить чрезвычайное положение из-за наплыва иммигрантов из Северной Африки, Италия ужесточила физический контроль южных границ, а также более подробно расписала работу центров временного содержания для иммигрантов, особенно на острове Лампедуза, куда они прибывают в первую очередь [см.: 6]. Для полноценного включения уже пересекших итальянскую границу иммигрантов и беженцев в итальянское общество осенью 2012 г. была проведена амнистия для нелегальных иммигрантов, которая в целом прошла успешно, но пострадала из-за излишней бюрократии и высоких пошлин [см.: 7].

Сегодня иммиграция является прежде всего социальной проблемой для Италии. В государстве, объединившемся лишь в 1861 г., национальная идентичность остается болезненным вопросом, а мес-

то иммигрантов в обществе становится одним из камней преткновения. По данным Министерства внутренних дел, на 1 января 2013 г. в Италии проживало 3 764 236 легальных иммигрантов неевропейского происхождения и не менее 750 тыс. нелегальных иммигрантов [см.: 1]. Иммигранты живут достаточно выраженными диаспорами. Так, самыми крупными считаются румынская и албанская диаспоры. Марокканская является второй по численности мусульманской общиной и третьей в целом, затем идут китайцы и украинцы. Кроме того, в Италии немало филиппинцев и тунисцев. Это порождает новый вызов текущему правительству: развитие программ по интеграции членов диаспор в итальянское сообщество и особенно остро ставит вопрос пересмотра правил выдачи гражданства иммигрантам второго поколения.

Библиографические ссылки

1. I cittadini non comunitari regolarmente soggiornanti [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.istat.it/it/archivio/96843 (дата обращения: 11.10.2013).

2. Legge 30 luglio 2002, n.189 Modifica alla normativa in materia di immigrazione e di asilo [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.interno.gov.it/mininterno/site/it/sezioni/servizi/legislazione/immigrazione/legislazione_424.html (дата обращения: 05.04.2014).

3. Ministero dell'Interno. l'Immigrazione La Cittadinanza Italiana. La Normativa, Le Procedure, Le Circolari [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stranieriinitalia.it/briguglio/immigrazione-e-asilo/2003/marzo/doss-interno-cittadinanza.html (дата обращения: 05.04.2014).

4. *Бонифаци К., Строцца С.* Опыт легализации нелегальных мигрантов в Италии // Отеч. зап. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/oz/2004/4/2004_4_21.html (дата обращения: 07.12.2013).

5. *Животовская И. Г.* Италия : От эмиграции к иммиграции // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 1. С. 175–189.

6. Misure umanitarie di protezione temporanea per i cittadini provenienti dal Nord-Africa affluiti nel territorio italiano dal 1 gennaio 2011 alla mezzanotte del 5 aprile 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.meltingpot.org/DPCM-del-5-aprile-2011-Protezione-temporanea.html#.UY_M3KIqyRI (дата обращения: 09.05.2013).

7. *Pucci T.* Nuova sanatoria 2012 per gli stranieri extracomunitari clandestini in Italia [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.agenziahelpservice.it/282-news/802-sanatoria-regolarizzazione-immigrati-extracomunitari-2012.html (дата обращения: 05.04.2014).

Е. А. Шалагинова
департамент международных отношений ИСПН УрФУ,
2-й курс

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И ГОСУДАРСТВО В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процесс глобализации в последние годы стал неотъемлемой частью мировых политических, экономических, социальных, финансовых, культурных и других процессов. Большой вклад в развитие международной интеграции вносят не только такие крупные игроки, как национальные государства и мировые организации, но и транснациональные корпорации (ТНК).

ТНК являются одним из основных механизмов развития транснационализации производства. Они же обеспечивают перелив капитала и инвестиций из одной страны в другую, что делает их непосредственными участниками всех важнейших мировых процессов. Соответственно государство, внутри которого или на территории которого располагается ТНК, должно проводить особую политику по отношению к данному международному субъекту.

Существуют две сферы отношений ТНК с государствами и правительствами: между материнской структурой международной корпорации и правительством ее родины или страны базирования и между транснациональной корпорацией и правительством принимающей стороны.

С одной стороны, ТНК вплотную связана с национальными интересами государства, откуда корпорация происходит: они позволяют государствам, имеющим технологическое и экономическое преимущество, получать доступ к ресурсам других стран. Кроме того, в тех случаях, когда другие государства могут применить

протекционистскую политику против товаров промышленно развитой страны, транснациональные корпорации, размещая производство за рубежом, избавляют свои государства от необходимости преодолевать протекционистские или национальные тарифные барьеры и тем самым сохраняют за ними данное рыночное пространство в системе международного разделения труда.

Страны базирования, в свою очередь, активно способствуют развитию собственных ТНК при помощи многообразных мер поддержки транснационального капитала. К таким мерам, например, относятся специальные субсидии в пользу развития определенных высокотехнологических отраслей и т. д. Кроме того, существуют способы прямой поддержки транснациональных корпораций: предоставление информации, стимулирование сбыта продукции и др.

Большинство государств стремятся привлекать и поощрять иностранные инвестиции в интересах укрепления производственного потенциала и устойчивого развития. С другой стороны, переход доминирующей роли в принятии глобально значимых решений от национальных государств к ТНК превращается в колоссальную проблему. Ориентация на зарубежные филиалы создает объективную базу для самостоятельности и независимости развития ТНК по отношению не только к принимающей стране, но к экономикам стран происхождения.

Стремясь сэкономить на заработной плате, ТНК перемещают производства в развивающиеся страны с более мягким, что чаще означает непроработанным, законодательством в экологической или трудовой сферах. Таким образ, они осложняют проблему занятости в промышленно развитых странах – это, например, утрата рабочих мест. Кроме того, ТНК сокращает расходы на социальное и медицинское страхование своих работников. Одновременно это обусловливает приток эмигрантов из бедных и переживающих политический или экономический кризисы стран. Другая проблема, связанная с увеличением значимости ТНК, заключается в том, что они приводят внутренний рынок страны в неустойчивое состояние, урезая конкурентные преимущества национальных производителей.

Сложнее складываются отношения ТНК с развивающимися странами. Наличие зарубежных производственных филиалов представляет международным монополиям целый ряд возможностей, связанных с использованием несходства хозяйственных ситуаций в разных странах. В периоды экономических потрясений ТНК опираются на поддержку тех своих филиалов, которые оказались в странах, не затронутых кризисными явлениями.

Повышается роль ТНК, базирующихся в развивающихся странах. С одной стороны, отмечаются положительные факторы влияния на страны размещения. Например, получение ими передовых производственных технологий в некоторых отраслях национального производства, содействие в превращении развивающихся стран из экспортеров сырья в продавцов готовой продукции, увеличение занятости местного населения, модернизации методов управления и др.

Однако отсутствие или ослабление контроля со стороны принимающей страны за деятельностью ТНК приводит к негативным последствиям. Это происходит, когда увеличение иностранного бизнеса в стране осуществляется за счет поглощения местных компаний. Одной из острых проблем развивающихся стран стал отток капитала, перевод прибылей в развитые страны, что значительно сужает базу национального накопления. Кроме того, негативное влияние иностранных ТНК проявляется в возможности навязывания компаниям принимающей стороны неперспективных направлений в системе разделения труда в рамках транснациональных компаний, противодействии реализации экономической политики тех государств, где ТНК осуществляет свою деятельность, нарушении законодательства страны пребывания, установления монопольных цен, диктата условий, ущемлении интересов развивающихся стран.

Существуют несколько вариантов развития событий, связанных с проблемой взаимоотношений между ТНК и национальным государством: либо транснациональные корпорации постепенно оттеснят национальные государства на второй план и будет сформирован новый политико-экономический ландшафт, либо ТНК бу-

дут продолжать взаимовыгодно сотрудничать с последними, либо произойдет ужесточение регуляторных рамок для транснационального бизнеса.

Таким образом, основные различия между вариантами заключаются в силе и степени влияния ТНК на политику государств. Однако в настоящее время, когда государства конкурируют между собой за привлекаемые прямые иностранные инвестиции, повышение роли ТНК в мировой политике не только неизбежно, но и желательно.

М. В. Шманцарь
департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ, магистратура, 1-й год обучения

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Образование играет значительную роль в социокультурном, правовом и экономическом развитии общества. Посредством образования передается и трансформируется культура, достигаются и поддерживаются социальные статусы [см.: 1]. Оно служит фактором обновления всей социальной системы, поэтому в контексте современной России образование – активно реформируемая сфера общества. Наиболее общей целью реформ образования является повышение качества образовательных услуг, достижение конкурентоспособности выпускников российских образовательных учреждений на мировом рынке труда.

Образование является социальным институтом, созданным обществом с определенной целью – воспитывать таких граждан, которые обладают необходимым объемом знаний и навыков, требующихся в современном социуме [4]. Цель реформирования образования раскрывается несколькими задачами: ликвидация существовавшей в стране монополии государства на образование и переход

к общественно-государственной системе образования, в которой личность, общество и государство являются равноправными партнерами; самостоятельность учебных заведений в выборе стратегии своего развития, целей, содержания и методов работы, их юридическая, финансовая и экономическая самостоятельность; создание возможностей для реализации индивидуальных образовательных траекторий, удовлетворения интересов, склонностей и способностей учащихся с учетом психофизиологических особенностей возрастных этапов их развития [см.: 2].

В рамках реализации перечисленных задач на уровне образовательной организации можно наблюдать некоторые противоречия. Рассмотрим основные противоречия в деятельности вуза, вызванные осуществлением образовательных реформ. Следует отметить, что реформирование привело к необходимости проведения различного рода изменений в вузе, связанных с целями деятельности, образовательными технологиями и структурой организации. Первое противоречие, к которому мы обратимся, связано с ролью государства: декларируется увеличение уровня автономности образовательных организаций, однако государство по-прежнему выступает в качестве субъекта, принимающего ключевые решения и представляющего их в директивной форме. Таким образом, действия вуза по реализации реформ навязываются «сверху», а не отражают сложившуюся естественным путем социальную потребность.

Второе противоречие имеет отношение к внешней среде вуза (в нее входят абитуриенты, работодатели, органы местного самоуправления и пр.): при осуществлении изменений в вузах необходимо избежать конфликта между заинтересованными сторонами. У вуза сильная внешняя среда, так как она оказывает на его деятельность существенное влияние; проблема состоит в том, чтобы удовлетворить запросы каждого субъекта внешней среды, не забывая о своей основной миссии. Важно быть успешным игроком на рынке образовательных услуг, но не допустить переориентации фундаментальных целей на прибыльность, чтобы сохранить в общественном сознании высокую степень доверия к вузам как главным поставщикам профессиональных ресурсов.

Третье противоречие заключается в обострении напряженных отношений академического и административного звеньев вуза: при внедрении новшеств нередко возникает сопротивление профессорско-преподавательского состава. Для вуза характерна высокая степень независимости преподавателей от управленческого звена, трудовое поведение преподавателей отличается решением профессиональных задач без вмешательства со стороны административно-управленческого персонала. Без одобрения профессорско-преподавательским составом реализация каких-либо изменений в деятельности вуза будет проблематичной [см.: 3].

Следующее противоречие: одним из приоритетных направлений реформы высшего образования является интеграция в мировое образовательное пространство, чем обусловлена реализация Болонской декларации, однако многие ее положения введены без учета российского контекста, без апробации и соответствующей подготовки преподавателей, работодателей и учащихся к этим изменениям. Еще одно противоречие, которому стоит уделить внимание: исходя из принципов реформ, образовательное учреждение должно доказать свою «эффективность», возможность обеспечить качественное образование, но при этом отсутствует адекватная система критериев оценки качества образования. Погоня вузов за высшими местами в различных рейтингах осуществляется посредством формальных, сугубо количественных показателей.

Подводя итоги, отметим, что реформа высшего образования является уже достаточно «зрелой» реформой с точки зрения продолжительности ее реализации. Несмотря на наличие некоторых положительных тенденций, в целом эту реформу пока нельзя назвать удавшейся. Потребность в повышении качества образования на данный момент не удовлетворяется в достаточной мере; главным в реформе образования должно быть изменение содержания обучения, его новое наполнение, позволяющее создать необходимые условия для выявления и формирования профессиональных качеств будущего специалиста. Таким образом, противоречия в деятельности вуза, порожденные реализацией образовательных реформ, служат свидетельством того, что достигать поставленной це-

ли необходимо постепенно (не использовать «шоковую терапию») и только после тщательного детального проектирования и общественного обсуждения.

Библиографические ссылки

1. *Калинковская С. Б., Фортова Л. К.* Образование и современное общество [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1749 (дата обращения: 03.04.2014).

2. *Крылова Н. Б.* Задачи демократизации управления образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iuorao.ru/2012-03-22/184-2012-03-24-07-27-29 (дата обращения: 04.04.2014).

3. *Форрат Н. В.* Проблема качества высшего образования : мировые вызовы и их российские трансформации // Вопр. образования. 2009. № 2. С. 129–139.

4. *Ясюкова Л. А.* Реформирование образования : цели и проблемы // Школ. технологии. 2011. № 5. С. 7–19.

М. В. Щербакова

департамент политологии и социологии ИСПН УрФУ,
магистратура, 1-й год обучения

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН НА «БРАЧНОМ РЫНКЕ»: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Особенность брачного рынка в России заключается в том, что в стране сохраняется диспропорция населения по половому признаку. Данная ситуация складывается в результате военных потерь, несбалансированных по полу массовых миграций или резких изменений уровня рождаемости. Так как число женского населения преобладает, то ослабевает прочность брачных союзов и увеличивается количество разводов в основном по инициативе мужчин, для которых вероятность вступления в повторный брак выше, чем для женщин. Однако экономическим спросам женщин чаще всего

отвечает полигамия, так она увеличивает спрос на них, чем усиливает позиции женщин на брачных рынках [см.: 1, с. 182].

Численность женщин больше, чем численность мужчин, на 10 млн 636 тыс. человек (по оценке Федеральной службы государственной статистики численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2010 г.). Следовательно, социальный процесс в современном российском обществе характеризуется достаточно устойчивой феминизацией. Кроме того, по данным социологических исследований большая часть женщин (80 %) хотели бы иметь возможность сочетать три важнейшие роли: жены, матери в семье и карьеристки. Однако следует упомянуть о том, что в России существует проблема заключения брачных союзов. Дело в том, что, по данным переписи 2002 г., оказалось, что замужних женщин в России больше на 65 тыс., чем женатых мужчин. Кроме того, по результатам новой переписи 2010 г. эта разница сохранилась: женатых мужчин также меньше на 65 000, чем замужних женщин [см.: 2]. Это можно объяснить тем, что 61,2 % российских женщин склонны считать, что брак нужно обязательно регистрировать, тогда как мужчин с таким мнением всего 21,8 % [см.: 3].

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о динамике среднего возраста вступления в брак. Следует отметить, что совсем недавно возраст вступления в брак российских женщин оставался достаточно стабильным, относительно женщин Западной Европы, где он постоянно возрастает.

Статистические данные за 2010 г. говорят о том, что в настоящее время на брачном рынке репродуктивного возраста мужчин достаточно, даже немного больше, чем женщин. Трудоспособных граждан в возрастных группах 20–24 и 25–29 лет женщин 43 млн, а мужчин – 45,4 млн. При этом 175 женщин из каждой тысячи всех возрастов никогда не были замужем, 110 разведены, а 180 вдовы. Из этого можно сделать вывод о том, что практически половина всех женщин страны – одинокие. А из тысячи женщин категории 25–30 лет, 219 никогда не были замужем, 106 разведены, 11 вдовы. Ситуация объясняется тем, что российские женщины образованнее мужчин. Из 1000 человек высшее образование имеют 163 жен-

щины и 117 мужчин. Следовательно, ситуация на брачном рынке достаточно неблагоприятная. С одной стороны, переизбыток образованных женщин, занятых построением карьеры, а с другой – критическое положение популяции российских мужчин, их достаточно частая неадекватность в роли потенциальных партнеров по браку. Это может привести к ощутимым проблемам, т. е. в настоящее время разница в уровнях образования партнеров является одним из факторов неустойчивости союза (особенно если уровень образования мужчины ниже уровня образования женщины), как следствие, данная разница может привести к разводу, поэтому они входят в так называемую группу риска [см.: 3].

Кроме того, из-за индивидуальных притязаний относительно уровня образования потенциального супруга многие женщины остаются незамужними вообще или выходят на международный брачный рынок. В 2008 г. в Москве был установлен своеобразный рекорд: жители столицы создали семьи с гражданами 106 стран, тогда как еще в 2007 г., – с жителями 102 стран. В этом отношении лидирующими странами дальнего зарубежья стали Германия, Турция, Великобритания, Израиль, США. Среди стран СНГ на лидирующей позиции стоит Украина, с жителями этой страны было зарегистрировано около 4 тыс. браков [см.: 3].

В связи с этим можно говорить об актуализации потребления услуг международных брачных агентств. Говоря о международном брачном рынке, хотелось бы привести результаты исследования, проведенного в Екатеринбурге в 2002–2003 гг. [см.: 4, с. 142–144]. Выяснилось, что половина опрошенных женщин, которые пользуются услугами международных брачных агентств, основным мотивом обращения называют «улучшение материального положения», т. е. речь идет о стремлении выйти замуж за иностранца, обладающего значительными материальными ресурсами. Это обстоятельство говорит о некой рациональности при поиске брачного партнера.

По мнению экспертов, на международном брачном рынке достаточно высокий спрос на невест из России. Однако стоит отметить, что больший интерес иностранцы проявляют не к молодым девушкам, как принято считать, а к клиенткам в возрасте от 35

до 45 лет, так как иностранные женихи с некоторой осторожностью относятся к молодым и красивым русским девушкам, предполагая, что их намерения несерьезные и основную роль в их выборе будет играть лишь финансовый аспект.

Можно говорить о том, что в ситуации демографического кризиса «выход» на международный брачный рынок молодых, образованных и профессионально занятых российских женщин может обернуться для страны настоящей трагедией. Причем, дело не только в «утечке умов» или потере трудовых ресурсов, но и в размывании русского культурного наследия, а самое главное, в потере генофонда нации. Ситуация нуждается в исправлении – необходимо изменение стереотипов, а также выравнивание возможностей мужчин и женщин [см.: 3].

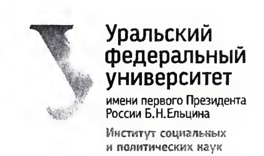
Библиографические ссылки

1. *Тюгашев Е. А.* Экономика домашнего хозяйства и окружающего. Новосибирск, 2002.

2. Федеральная служба государственной статистики – Всероссийская перепись населения 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 10.05.2014).

3. *Семме Т.* Женский мир глазами исследователя. СПб., 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://journal.spbu.ru/?p=4140 (дата обращения: 10.05.2014).

4. *Кораблева Г. Б., Антонова Н. Л., Герасимова М. В.* Клиентки брачного агентства : штрихи к портрету. Екатеринбург, 2005.

Уральский федеральиый университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцниа
Инстнтут соцнальиых н политическнх наук

Программа Второй выездиой научиой коиференции студентов ИСПН «Миогомериость общества: социально-гуманитарные исследования ииститутов»

19–20 апреля 2014 г., база отдыха «Солнечный остров»

Суббота, 19 апреля

9.00–9.50 – регистрация участников (пр. Леиина, 51)

10.00 – выезд иа базу отдыха «Солиечный остров» от здания УрФУ, Лениив, 51

11.00–11.30 – заезд и расселенне участников мероприятия

11.30–12.00 – кофе-брейк (коиференц-зал)

12.00–12.10. – открытие конференции, приветственное слово зам. днректора Института социальиых н политических наук А. В. Логинова (конфереиц-зал)

12.10–13.10 – «Мировой порядок на рубеже столетий» – доклад директора департамента международных отношеиий, профессора В. И. Михайленко

13.10–14.10 – **«Институт войиы у племеи великих равиии: параллелн в большой и малой политнке»** – доклад доцента кафедры ТИМО Д. И. Победаша (коиференц-зал)

14.10–15.00 – обед (баиκетный зал либо кафе)

15.00–16.20 – **«Институт материнства: политизируя частное»** – доклад доцента кафедры философской антропологии Н. А. Черняевой
16.20 –17.30 – **«Культура интеллектуального досуга»** – мастер-класс заведующего кафедрой онтологии и теории познания А. Г. Кислова
17.40–18.50 – **«Публичная сфера современного общества в институциональном аспекте»** – доклад доцента кафедры философской антропологии А. С. Меньшикова
18.50–19.00 – формат работы студенческих секций – сообщение А. В. Логинова, зам. директора Института социальных и политических наук
19.00–19.50 – ужин (банкетный зал либо кафе)
20.00–21.30 – **«Тренинг коммуникативных навыков»** – мастер-класс директора департамента философии, профессора А. В. Перцева (банкетный зал)
21.30 – свободное время

Воскресенье, 20 апреля

8.30 – подъем
9.00–9.50 – завтрак
10.00 – начало работы секций (конференц-зал и малые залы)

Секция **«Социальные институты и самореализация личности»** (модераторы: доценты Р. Р. Муслумов, Е. С. Пургина, ассистент В. В. Савельев; малый зал).
10.00– 10.20 – презентация модератора: «Правовые институты и правосознание: к чему мы на самом деле готовы?» – доцент Р. Р. Муслумов
10.20–16.00 – студенческие презентации

Секция **«Государственные и международные институты перед лицом глобальных вызовов XXI века»** (модераторы: доценты А. С. Бурнасов, Р. С. Мухаметов, ассистент О. С. Мантуров; малый зал)
10.00–10.20 – презентация модератора: «Центр региональных политических исследований» – доцент Р. С. Мухаметов
10.20–16.00 – студенческие презентации

Секция **«Институционализация культурных феноменов и императивы современности»** (модераторы: доценты А. С. Меньшиков, В. В. Полякова, А. Н. Новгородцева; конференц-зал)
10.00–10.20 – презентация модератора: «Институт семьи: вызовы современности» – доцент В. В. Полякова
14.00–14.50 – обед
15.00–16.00 – продолжение работы секций

16.00–16.45 – **«Как заработать на науке»** – презентация стипендиальных программ, грантовых программ и конкурсов, доступных для студента ИСПН УрФУ (А. С. Кляшторный, А. В. Данилова, С. И. Меламед, П. А. Яхина и др., конференц-зал) / совещание модераторов (малый зал)
16.45–17.10 – подведение итогов конференции (конференц-зал)
17.30 – отъезд в Екатеринбург

Научное издание

МНОГОМЕРНОСТЬ ОБЩЕСТВА: социально-гуманитарные исследования институтов

Сборник материалов
Второй выездной научной конференции студентов ИСПН
19–20 апреля 2014 г.

Ответственная за выпуск *Д. Д. Шакирзянова*
Редактор *В. И. Попова*
Корректор *В. И. Попова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головиной*

Подписано в печать 10.10.14. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 9,9. Усл. печ. л. 10,23. Тираж 100 экз. Заказ 1649.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: + (343) 350-56-64, 350-90-13.
Факс +7 (343) 358-93-06.
E-mail: press-urfu@mail.ru

